

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС77-65656 от 13 мая 2016 г.)

✉ Редакция журнала:

Главный редактор –

БОГУСЛАВСКИЙ М.В. – д-р

пед. наук, проф., член-корр. РАО

Заместитель главного

редактора –

БУРМЫКИНА И.В. – д-р соц. наук,

проф.

Ответственный секретарь –

ШЕВЧЕНКО И.А. – канд. ист. наук,

доц.

Научные редакторы выпуска –

ДОЛГИХ А.Н. – д-р ист. наук, проф.

ЗЕМЦОВ Л.И. – д-р ист. наук, проф.

Редактор –

БУЛАНОВА В.И.

Технический редактор –

БУЛХОВА О.Е.

Дизайн обложки –

БОНДАРЧУК С.А.

ISBN 978-5-88526-817-2

© ФГБОУ ВО

«Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»,
2016

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Мокшин Г.Н. *Новая интерпретация истории культурного народничества в учебной литературе* **5**

Шевченко И.А. *Потребление алкоголя молодым поколением в великорусской деревне на рубеже XIX–XX вв.* **10**

Шульгин В.Н. *П.А. Столыпин и русская цивилизационная альтернатива.* **14**

Шульгин В.Н., Шульгина Н.В. *К оценке современного российского «либерализма» в свете национальной традиции XIX–XX вв.* **20**

Лачаева М.Ю. *К вопросу о «школе В.О. Ключевского» в современной историографии».* **26**

Уваров Г.В. *Истребители «ЯК» и «Мессершмитт» на Восточном фронте: сравнение в чью пользу?* **31**

Томилин В.Н. *Структура питания основных категорий городского и сельского населения СССР в период политического лидерства Н.С. Хрущева* **43**

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Черешнева Л.А. *Южноазиатский урок* **54**

КРАЕВЕДЕНИЕ

Житин Р.М., Патрина Л.П. *Виртуальная реконструкция как средство сохранения и изучения архитектурного своеобразия дворянской усадебной культуры Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX в.* **60**

**Периодичность издания –
4 раза в год**
Журнал индексируется в
РИНЦ

При цитировании ссылка
на журнал «Гуманитарные
исследования Центральной
России» обязательна. Полное
или частичное воспроизведение
в СМИ материалов,
опубликованных в журнале,
допускается только с согласия
редакции

 **Адрес учредителя
и издателя:**

ФГБОУ ВО
«Липецкий государственный
педагогический университет
имени
П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, г. Липецк, ул. Ленина,
д. 42

 Тел. редакции:
(4742) 32-83-02

Эл. почта: gicr-lspu@yandex.ru

Корольков М.И. *Вспомним и лица, давно
позабытые.....* 65

Из старых журналов *Публикация и примечания
Л.И. Земцова* 70

ИЗ АРХИВОВ

Любезников О.А. *«Доведите Вы мое положение
до сведения Его величества»: письмо
Н.Н. Новосильцева А.Д. Балашеву* 74

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 79

РЕФЕРАТЫ..... 81

ABSTRACTS..... 89

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ..... 96

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Асадуллин Раиль Мирваевич, ректор Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы», профессор, доктор педагогических наук (г. Уфа, Россия).

Бабинцев Валентин Павлович, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук (г. Белгород, Россия).

Беляков Владимир Владимирович, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Военного университета МО РФ, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Богуславский Михаил Викторович, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий отделом истории педагогики и образования Института теории и истории педагогики РАО, доктор педагогических наук.

Бурмыкина Ирина Викторовна, проректор по научной работе Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор кафедры управления, доктор социологических наук (г. Липецк, Россия).

Дьёни Габор, научный сотрудник университета имени Лоранда Этвеша, Центр русистики, кандидат исторических наук (г. Будапешт, Венгрия).

Грот Лидия Павловна, директор консалтингово-образовательного предприятия «НОРРКОН АБ», кандидат исторических наук (Швеция).

Данакин Николай Семенович, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова, доктор социологических наук (г. Белгород, Россия).

Елисеев Владимир Константинович, заведующий кафедрой педагогики, психологии и специального образования Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор, доктор педагогических наук (г. Липецк).

Емельянова Елена Олеговна, профессор кафедры географии, биологии и химии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор педагогических наук (г. Липецк).

Земцов Леонид Иосифович, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Мельникова Раиса Ильинична, ректор Воронежского института экономики и социального управления, профессор, доктор социологических наук (г. Воронеж, Россия).

Патрушев Владимир Иванович, профессор Одинцовского гуманитарного университета, доктор социологических наук (г. Одинцово, Россия).

Перевезенцев Сергей Вячеславович, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Розенберг Геннадий Самуилович, член-корреспондент Российской академии наук, профессор, директор Института экологии Волжского бассейна Российской академии наук, доктор биологических наук (г. Тольятти, Россия).

Скворцова Светлана Алексеевна, профессор кафедры математики и методики ее обучения Южноукраинского национального педагогического университета имени К.Д. Ушинского, доктор педагогических наук (г. Одесса, Украина).

Фомин Вячеслав Васильевич, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Белошицкий Александр Владимирович, начальник центра организации научной работы и подготовки научно-педагогических кадров Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», профессор, доктор педагогических наук (г. Воронеж, Россия).

Бережная Ирина Федоровна, заведующий кафедрой педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета, профессор, доктор педагогических наук (г. Воронеж, Россия).

Вашкау Нина Эмильевна, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Ветров Юрий Павлович, проректор по научно-исследовательской и инновационной деятельности Армавирского государственного педагогического университета, профессор, доктор педагогических наук (г. Армавир, Россия).

Волков Владимир Алексеевич, профессор Московского педагогического государственного университета; профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Вьюнова Наталья Ивановна, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук, председатель диссертационного совета по педагогическим наукам Д 999.010.03 (г. Воронеж, Россия).

Говердовская Елена Валентиновна, заместитель директора по последипломному и дополнительному образованию, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики Пятигорского медико-фармацевтического института – филиала Волгоградского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения России, профессор, доктор педагогических наук (г. Пятигорск, Россия).

Гузенко Иван Гаврилович, профессор кафедры педагогики, психологии и специального образования ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор педагогических наук (г. Липецк).

Долгих Аркадий Наумович, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Дюжакова Марина Вячеславовна, заведующий кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования Воронежского государственного педагогического университета, доцент, доктор педагогических наук (г. Воронеж, Россия).

Егорова Галина Ивановна, заведующий кафедрой химии и химической технологии Тюменского индустриального университета (филиал в г. Тобольске), профессор, доктор педагогических наук, член-корреспондент РАН (г. Тобольск, Россия).

Захаров Виктор Николаевич, заместитель директора Института истории РАН, профессор, доктор исторических наук (г. Москва).

Коростелев Александр Алексеевич, директор Центра научных журналов, профессор кафедры педагогики и методики преподавания Тольяттинского государственного университета, доктор педагогических наук (г. Тольятти, Россия).

Лазарева Мария Васильевна – заведующий кафедрой дошкольного и начального образования ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор, доктор педагогических наук (г. Липецк).

Мангер Татьяна Эдуардовна, заведующий отделением допрофессионального образования Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, профессор, доктор педагогических наук (г. Тамбов, Россия).

Минченков Евгений Евгеньевич, профессор кафедры методики преподавания биологии, химии и экологии Московского государственного областного университета, председатель диссертационного совета Д-212.155.03, доктор педагогических наук (г. Москва, Россия).

Морозова Ирина Станиславовна, заведующий кафедрой общей психологии и психологии развития Кемеровского государственного университета, профессор, доктор психологических наук (г. Кемерово, Россия).

Оржековский Павел Александрович, заведующий кафедрой методики обучения химии, экологии и естествознания Московского института открытого образования, профессор, доктор педагогических наук (г. Москва, Россия).

Панин Сергей Борисович, профессор кафедры социально-экономических дисциплин Педагогического института Иркутского государственного университета, доктор исторических наук (г. Иркутск, Россия).

Петелин Анатолий Степанович, заведующий кафедрой теории, истории музыки и музыкальных инструментов Воронежского государственного педагогического университета, профессор, доктор педагогических наук (г. Воронеж, Россия).

Рослякова Надежда Ивановна, заведующий кафедрой дошкольной педагогики и психологии факультета педагогики, психологии и коммуникативистики Кубанского государственного университета, профессор, доктор педагогических наук (г. Краснодар, Россия).

Тахохов Борис Александрович, заведующий кафедрой педагогики и психологии Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, профессор, доктор педагогических наук (г. Владикавказ, Россия).

Тигров Вячеслав Петрович – профессор кафедры технологии и технического творчества ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор педагогических наук (г. Липецк).

Тихонов Юрий Николаевич, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Томилини Виктор Николаевич, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Черешнева Лариса Александровна, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Шаповалов Валерий Кириллович, директор института образования и социальных наук Северо-Кавказского федерального университета, профессор, доктор педагогических наук (г. Ставрополь, Россия).

Широких Оксана Богдановна, декан педагогического факультета Государственного социально-гуманитарного университета, профессор, доктор педагогических наук (г. Коломна, Россия).

Шмарион Юрий Васильевич, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор социологических наук (г. Липецк, Россия).

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 430.1(470)

НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО НАРОДНИЧЕСТВА В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Г.Н. Мокшин

В статье рассматриваются проблемы освещения истории культурного народничества в современной вузовской литературе (определение, представители, идеология, практическая деятельность, оценки). Устанавливаются причины повышенного интереса к народникам-культурникам в середине 1990-х – первой половине 2000-х гг. Выявляются спорные вопросы и недостатки в интерпретации истории позднего народничества, ранее мало интересовавшие и историографию, и учебную литературу по истории России и ее общественного движения. По мнению автора, освещение истории культурного народничества сквозь призму напряженной внутренней и внешней идейной борьбы (в том числе с либералами и марксистами), безусловно, придаст ей драматизм, динамику и, главное, определенную логику развития. Только так можно сделать эту историю такой же интересной для учащихся, как история революционного народничества. По его мнению, с одной стороны, в современной литературе для высшей школы народникам-реформистам, включая культурников, уделяется значительно больше внимания, чем в советское время. На рубеже XX–XXI вв. утвердилось новая интерпретация их деятельности, резко отличающаяся от марксистской. Легально-народническая доктрина эволюционного развития общества, так сказать, постепенного внедрения цивилизации в тело России, наконец, обрела свое право на существование. Но с середины 2000-х гг. интерес к позднему народничеству со стороны исследователей и авторов учебников явно пошел на спад. Так и не написаны учебные пособия, специально посвященные его истории. Неслучайно, по мнению автора статьи, в новом историко-культурном стандарте для средней школы идеологам легального народничества места уже не нашлось даже главному властителю дум идейной молодежи 1870–1890-х гг. Н.К. Михайловскому.

Ключевые слова: интеллигенция, культурное народничество, культурничество, теория «малых дел», учебная литература.

Термин «культурное народничество» происходит от слова «культурник». Так в конце XIX – начале XX в. называли приверженцев легальной культурно-просветительской деятельности в народе. В народничестве 1880–1890-х гг. главными теоретиками и пропагандистами «культурной работы» являлись Я.В. Абрамов и С.Н. Кривенко. К ним в неонароднической историографии начала XX в. и были впервые применены термины «народники-культурники» и «культурное народничество» [1]. В советское время, в связи с резкой критикой «культурнического оппортунизма» народников русскими марксистами, взгляды представителей правого, неревolutionного крыла народничества практически не изучались. Да и называть их стали по-другому – «либеральные» народники, затушевывая тем самым антибуржуазную направленность народнической доктрины. Интерес к «культурничеству» возродился только на исходе советской эпохи. Во многом это заслуга трех народниковедов – В.И. Харламова, Б.П. Балугева и В.В. Зверева. Это благодаря их трудам культурное народничество стало восприниматься как вполне самостоятельное течение легально-народнической

мысли со своей собственной программой общественных преобразований. Значительно расширился круг его теоретиков. Пересмотрены общие оценки их места и роли в общественном движении пореформенной России [2].

Утверждение в исторической литературе нового подхода к пониманию истории культурного народничества способствовало изменению отношения к его идеологам и в учебной литературе. (Справедливости ради, заметим, что «реабилитация» коснулась и других участников русского освободительного движения) [3]. С конца 1990-х гг. в вузовских учебниках и пособиях по истории России начинают появляться разделы, посвященные эволюции народничества после 1881 г. Кроме того, идейное наследие народников-культурников получило отражение в учебной литературе по истории политических учений, философии, журналистики и других гуманитарных дисциплин.

Рассмотрим, как авторы современных учебников интерпретируют узловые вопросы истории интересующего нас народнического течения. Начнем с определения понятия «культурное/культурническое» народничество. Сразу оговоримся, что сейчас это специальный научный термин, используемый историками для обозначения правого крыла легального или реформаторского народничества. В учебной литературе он употребляется нечасто, обычно при сравнении позиции народников-культурников и народников-политиков. Если первые из них видели свою главную задачу в служении насущным материальным и духовным нуждам народа, то вторые – в борьбе за расширение политических свобод в интересах всего общества [4]. Такое резкое их противопоставление (без промежуточных звеньев) слишком схематично и не всегда оправдано, так как при таком подходе «культурничество» искусственно сужается до теории «малых дел». Но об этом позже. Важное достижение современной учебной литературы – персонификация легального народничества с указанием вклада его теоретиков в развитие отечественной общественной мысли. Раньше они просто перечислялись. Из народников-культурников первого ряда обычно называются: П.П. Червинский и И.И. Каблиц – теоретики так называемого «неделизма» – крайне правого течения в народничестве, отличающегося идеализацией народа и резкой критикой «либеральной» интеллигенции; Я.В. Абрамов и С.Н. Кривенко – главные пропагандисты теории «малых дел», ставшей обоснованием нового деполитизированного «хождения в народ»; В.П. Воронцов, развивавший антикапиталистическую теорию позднего народничества (идея мертворожденности русского капитализма, концепция «народного производства» и т.д.) [5]. К правому крылу реформаторского народничества принадлежала группа писателей-деревенщиков во главе с Н.Н. Златовратским. Их «кредо» заключалось в признании в качестве приоритета служение идеалам народа, а не его интересам. На этой стезе во второй половине 1880-х гг. они сближаются с толстовцами и резко эволюционируют вправо [6]. К народникам-культурникам тяготели и некоторые известные общественные деятели, например, А.Н. Энгельгардт – создатель образцового хозяйства со школой для подготовки интеллигентных землевладельцев [7], князь А.И. Васильчиков, занимавшийся организацией дешевого кредита для крестьян [8].

Первые идеологи культурного народничества группировались вокруг газеты «Неделя». По мнению некоторых авторов, именно на ее страницах в середине 1870-х гг. в статьях Петра Червинского возникает идея «культурничества» [9]. Она заключалась в убеждении, что России нужна армия мирных работников, способная возродить культурную самобытность народа. Это была реакция интеллигенции на неудачу «хождения в народ» под знаменами революционного народничества. Эта точка зрения имеет право на существование. Заметим только, что само слово «культурничество», понимаемое как культурно-просветительская работа в массах в отрыве от политики, появилось значительно позже – в марксистской литературе 90-х гг. XIX в. На рубеже 1870–1880-х гг., уже под впечатлением от террористической деятельности народовольцев, идея служебной роли интеллигенции (отказ от «социальных опытов» над народными массами) трансформируется в теорию «малых дел», которая окончательно оформляется в статьях Я.В. Абрамова второй половины 1880-х гг. [10]. В советские

годы эта теория имела второе название – «абрамовщина». Поэтому в некоторых учебниках Абрамова до сих пор называют ее автором, что не совсем корректно [11].

Интерпретация сути «теории малых дел» – один из наиболее сложных вопросов при анализе идеологии позднего народничества. Дело в том, что сам Абрамов предпочитал говорить не о «малых делах», а о «культурной работе». В известном его высказывании: «Правда, эти дела “маленькие”, – ни капитала, ни известности они доставить не могут. Но из этих маленьких дел слагается жизнь миллионов...», которое попало в учебную литературу из статей В.И. Харламова и В.В. Зверева и якобы служит обоснованием теории «малых дел», вообще-то имелись в виду судебные дела [12]. Славу автора данной теории создал Якову Абрамову Н.В. Шелгунов, полемизировавший с ним на рубеже 1880–1890-х гг. Наиболее подробная реконструкция идеологии «малых дел» представлена В.В. Зверевым, в том числе и в его обстоятельном учебном пособии «Русское народничество» (2003 г.). Опираясь на факт признания Абрамовым развития в России капитализма, Зверев определил сущностное содержание теории «малых дел» как стремление «адаптировать культуру крестьянства и интеллигенции к изменившимся условиям существования, вписать их... в структуру товарной экономики и ценностных ориентиров» [13]. Иными словами, он отказывает Абрамову в праве считаться продолжателем народнической социалистической традиции. Другие авторы современных учебников менее категоричны. Они считают, что культурники сохранили веру в возможность осуществления в России социалистического идеала. Только действовать они предпочитали мирными средствами (организацией артелей, устранением препятствий для «процветания» общины, работой в деревне врачей, статистиков и учителей, заботой о местном самоуправлении и т.п.) [14]. С этой точки зрения, цель культурной работы заключалась в создании предпосылок для построения общества, более высокого по типу развития.

Преобладающее влияние в народничестве культурнические идеи получают только после разгрома «Народной воли», что вполне справедливо связывается с правительственной реакцией и «контрреформами» 1880-х – начала 1890-х гг. [15]. Не найдя применения своим силам в городах, идейная интеллигенция устремилась в провинцию, на земскую службу. И имела здесь определенный успех. В практической деятельности народников-культурников 1880–1890-х гг. чаще всего выделяются два направления: 1) изучение положения пореформенной русской деревни (негативного влияния на нее капитализма) и разработка программы конкретной помощи народу со стороны общества и государства; 2) социальная работа в провинции в качестве учителей, врачей, статистиков, агрономов, волостных писарей и т.д. [16]. При описании этой деятельности авторы учебников активно используют новую терминологию («трудовая интеллигенция», «культурничество», «неделизм», «восьмидесятники», «второе хождение в народ» и др.), заимствованную из современной литературы. Правда, не всегда объясняется значение этих понятий.

Существенным подспорьем для знакомства с идеологией культурного народничества служат вузовские хрестоматии и переиздания трудов видных его представителей (Я.В. Абрамов, В.П. Воронцов, С.Н. Кривенко и др.) [17]. Их работы легко можно найти в интернете. Несомненной заслугой народнических экономистов, социологов и публицистов признается постановка вопроса об особенностях русского капитализма, «моральной экономике» крестьянства, об аграрном перенаселении деревни, о роли государства, земства и частной инициативы в подъеме материального и культурного уровня жизни основного населения страны [18]. Представлены и более взвешенные по сравнению с советским периодом оценки последствий перехода народников от революционной агитации и пропаганды на почву конкретных дел, жизненно важных для крестьян. Прежде всего, это позволило народнической интеллигенции сблизиться с народом и завоевать себе большой авторитет среди простых людей (чего она безуспешно добивалась в 1870-е гг.). Вовлечение в культурную работу в деревне значительных слоев молодежи «оживило» деятельность земств, сформировав в них гиперактивный «третий элемент». Тем самым, народники внесли реальный вклад в развитие русской цивилизации. В этой связи интересна попытка М.Ю. Лачаевой, автора учебника по отечественной ис-

ториографии, по-новому определить место правых народников в истории «классического» русского народничества 1870–1890-х гг. Общую тенденцию развития движения она предлагает рассматривать как последовательную эволюцию от просвещения к террору и затем возвращение, после тяжелых потерь, к социокультурной деятельности [19].

А вот в оценках практического значения «малых дел» разброс мнений по-прежнему велик: от признания их «неэффективности» (в качестве средства решения насущных проблем народной жизни) [20], до вывода о том, что эти дела были «не столь уж малы», особенно, когда они получали поддержку правительства (например, в деле организации народного кредита) [21]. Вместе с тем в учебной литературе все настойчивее звучит мысль, что народники-политики лучше культурников представляли себе реальные перспективы развития страны и задачи интеллигенции. Это и определило вытеснение культурников на обочину русского освободительного движения. Отмечается также, что сознательный уход в сферу хозяйственной деятельности наиболее здравомыслящей части интеллигенции создавал вакуум в политике, который заполнялся другими теориями, в том числе экстремистского характера [22].

Существенным недостатком современной вузовской литературы о культурном народничестве следует признать сам способ изложения материала. Авторы чаще всего ограничиваются описанием взглядов наиболее важных его представителей в рамках так называемого персонафицированного подхода. Проблемно-хронологический подход – большая редкость. И дело здесь не только в недостатке места в учебниках. Главная причина – отсутствие в исторической литературе общей концепции эволюции культурнического течения в народничестве. А нет ее, потому что взгляды Каблица, Абрамова и Кривенко на задачи русской интеллигенции искусственно ограничиваются рамками теории «малых дел». На самом деле, позиция главных идеологов культурничества отражает разные фазы развития его доктрины. Оно шло от «узкого» культурничества Каблица, категорически отрицающего учительскую роль интеллигенции, к более широкому – Абрамова, признающему необходимость просвещения народа, но пока еще на почве аполитизма, и, наконец, к теории «органической культурной работы» Кривенко. Последняя была призвана объединить культурников и политиков в рамках социально-политической концепции преобразований [23].

Освещение истории культурного народничества сквозь призму напряженной внутренней и внешней идейной борьбы (в том числе с либералами и марксистами), безусловно, придаст ей драматизм, динамику и, главное, определенную логику развития. Только так можно сделать эту историю такой же интересной для учащихся, как история революционного народничества. Будет ли исправлен этот пробел в обозримом будущем? Увы, поводов для оптимизма не так много. С одной стороны, в современной литературе для высшей школы народникам-реформистам, включая культурников, уделяется значительно больше внимания, чем в советское время. На рубеже двух веков утвердилось новая интерпретация их деятельности, резко отличающаяся от марксистской. Легально-народническая доктрина эволюционного развития общества, так сказать, постепенного внедрения цивилизации в тело России, наконец, обрела свое право на существование. Но с середины 2000-х гг. интерес к позднему народничеству со стороны исследователей и авторов учебников явно пошел на спад. Так и не написаны учебные пособия, специально посвященные его истории. Неслучайно в новом историко-культурном стандарте для средней школы идеологам легального народничества места не нашлось даже главному властителю дум идейной молодежи 1870–1890-х гг. Н.К. Михайловскому.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мокшин Г.Н. Народники-культурники в отечественной историографии конца 1970-х – 2000-х гг. // Народники в истории России: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2013. Вып. 1. С. 59.
2. Харламов В.И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России: Сборник статей. М., 1990; Балуев Б.П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995; Зверев В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997.
3. Арсланов Р.А. Освободительное движение пореформенной России в современной научной и учебной литературе // Вестник РУДН. Серия Отечественная история. 2002. № 1.
4. Зверев В.В. Русское народничество: доктрина и практика // Политическая история России: Учебное пособие. М., 1998. С. 256; Лачаева М.Ю. Исторические представления народников // Историография истории России до 1917 года: Учебник для студентов высших учебных заведений: в 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 336.
5. История России. XIX век: Учебник для студентов высших учебных заведений: в 2 ч. М., 2001. Ч. 2. С. 272-273; История русской философии: Учебник для вузов. М., 2001. С. 234.
6. История России. XIX век. Ч. 2. С. 274.
7. Олейников Д.И. История России с 1801 по 1917 год. Курс лекций: пособие для вузов. М., 2005. С. 229-230.
8. Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении: Учебное пособие. М., 1996. С. 80.
9. Лачаева М.Ю. Указ. соч. С. 335; Сидоренко О.В. Историография отечественной истории (IX – начало XX вв.): Учебное пособие. Владивосток, 2004. С. 192.
10. Лачаева М.Ю. Указ. соч. С. 336-337.
11. Олейников Д.И. Указ. соч. С. 230.
12. [Абрамов Я.В.] Преувеличенные обвинения // Неделя. 1885. № 49. Стб. 1716.
13. Зверев В.В. Русское народничество: Учебное пособие. М., 2009. С. 250.
14. Азаркин Н.М. Эволюция народнической идеологии // История политических учений: Учебник для вузов. М., 2002. С. 736; Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России: Учебник для вузов. 5-е изд. М., 2014. С. 173; Есиков С.А., Слезин А.А., Двужилова И.В. История России: век XIX: Учебное пособие. Тамбов, 2005. С. 38.
15. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России: учебник. 4-е изд. М., 2015. С. 280-281; Перепелицын А.И. История России (VII–XX вв.): Учебное пособие. 3-е изд. Пятигорск, 2000. С. 263.
16. Федоров В.А. История России. 1861–1917: Учебник. 2-е изд. М., 2011. С. 118.
17. История России XIX – начала XX века: Хрестоматия. Воронеж, 2002. С. 530-535.
18. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Указ. соч. С. 172-173.
19. Хорос В.Г. Указ. соч. С. 80-83; История России XVIII–XIX веков: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2006. С. 680; Цимбаев Н.И. История России XIX – начала XX вв.: Учебное пособие. Владимир, 2010. С. 234-235; Лачаева М.Ю. Указ. соч. С. 337.
20. Олейников Д.И. Указ. соч. С. 230.
21. Хорос В.Г. Указ. соч. С. 80.
22. Зверев В.В. Русское народничество: Учебное пособие. С. 257; Отечественная история: Учебное пособие для студентов неисторических факультетов. Воронеж, 2002. С. 297.
23. Мокшин Г.Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX в. Воронеж, 2010. С. 288.

УДК 947.083

ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ МОЛОДЫМ ПОКОЛЕНИЕМ В ВЕЛИКОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

И.А. Шевченко

В статье рассмотрен вопрос о традициях потребления спиртных напитков в молодежной среде великорусской деревни Европейской России в конце XIX – начале XX века. Автором проведен анализ общего потребления алкоголя в Российской империи в указанный период в сравнении с другими странами, сопоставлено потребление в разных социальных слоях России. Для решения поставленных задач были привлечены разнообразные источники: данные официальной статистики, сведения периодической печати, отзывы современников и мемуары, стенографические отчеты заседаний Государственной думы III созыва, материалы Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством (1909–1910 гг.). Дана краткая характеристика историографии по теме дореволюционного, советского и современного периодов, выявлена специфика каждого из них. На основе анализа источников были сделаны выводы о том, что младшее поколение великорусских сел знакомилось со спиртным в ранние годы – под влиянием традиционных установок и по причине отсутствия должных медицинских знаний о вреде употребления алкоголя в несовершеннолетнем возрасте. При этом в деревне порицалось и являлось исключением регулярное систематическое потребление спиртных напитков. В то же время среди крестьянской молодежи имела место тенденция к увеличению размеров потребления под влиянием неземледельческого отхода, службы в армии. Уход молодых людей из-под контроля общины на заработки в города, как правило, негативно сказывался на соблюдении трезвеннических установок. Вероятно, подогреваемая алкоголем сельская молодежь внесла существенный вклад в радикализацию атмосферы в деревне на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: великорусская деревня, трезвость, пьянство, дети, молодежь.

Борьба за трезвость в России на рубеже XIX–XX вв. является довольно хорошо разработанной темой. Изучение проблем, связанных с чрезмерным потреблением алкоголя в разных слоях населения и мерами по борьбе с оным, привлекало пристальное внимание уже современников [1]. В советское время данный вопрос, как правило, поднимался в годы антиалкогольных компаний и рассматривался через призму борьбы с «буржуазными пережитками» [2]. В настоящее время исследовательский интерес также не ослабевает в отношении указанной проблемы – в огромной степени в связи с высокими показателями современного потребления спиртного [3].

По данным переписи населения 1897 г., крестьяне составляли 77,1% населения страны [4]. Трезвость и благополучие социального большинства – вопрос национальной безопасности страны для любого времени. Данные официальной статистики сообщают о том, что на рубеже XIX–XX вв. Россия занимала 11-е место среди европейских стран и США по потреблению абсолютного алкоголя (с учетом всех спиртных напитков) и 9 место по потреблению водки в 40 градусов [5]. Кроме того, имеющиеся статистические сведения о потреблении алкогольных напитков в Российской империи в указанный период единогласно утверждают о том, что в сельской местности в силу разных обстоятельств пили спиртного меньше, чем в городах. Так, по данным директора Центрального статистического комитета при министерстве внутренних дел России А.М. Золотарева, опиравшегося на отчеты Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей министерства финансов, за период с 1904 по 1908 гг. душевое потребление спиртного в городах составило 1,56 ведра, в селах – 0,45 [6]. С этими данными был полностью согласен экономист И.Х. Озеров, также оперировавший сведениями официальной статистики [7].

В этой связи особый интерес должен вызывать вопрос о том, как обстояла ситуация с потреблением алкоголя среди подрастающего поколения. По некоторым свидетельствам современников, которые могут несколько шокировать современного читателя, знакомство крестьян со спиртным происходило в весьма раннем возрасте, в абсолютном большинстве случаев во время широкого празднования семейных или церковных торжеств.

Доктор А.М. Коровин в 1908 году вместе с коллегами провел опрос в 358 сельских школах Московской губернии на предмет употребления алкогольных напитков учащимися. В своем докладе на Всероссийском съезде по борьбе с пьянством он цитировал одного знакомого врача, который, описывая крестьянский быт в Калужской губернии, приводил следующий факт: «Ни один престольный праздник, ни одно семейное или иное торжество не обходятся без того, чтобы 3-4 летним и 2-летним детям не давали водки» [8]. Существование подобной традиции применительно к сельским свадьбам подтверждал и Д.Н. Бородин: «По обычаю, жених или отец жениха выносят в холодные сени большой графин водки с закуской и начинают подносить всем по очереди по 2 стакана водки. Маленьким, пришедшим смотреть на свадьбу, наливают такой же стакан» [9]. Известный публицист М.О. Меньшиков приводил слова сельского учителя, который под Рождество дал задание своим ученикам написать в сочинении о том, как они проведут праздник: «Многие ребята написали: “Пойду в гости с родителями и напьюсь пьян”» [10].

При этом необходимо отметить, что подобное раннее знакомство со спиртным происходило в деревне под влиянием традиционных установок. По мнению абсолютного большинства этнографов, земских деятелей, врачей, священников, учителей, тесно соприкасавшихся с сельской жизнью, и самих крестьян, потребление алкоголя в деревне носило спорадический характер. Иными словами, оно было не систематическим, а приуроченным к тем или иным значимым церковным и семейным событиям – покровским свадьбам, престольным праздникам.

Таким образом, и приучение младшего поколения к употреблению алкогольных напитков шло, как правило, через личный пример поколения старшего, которое позволяло себе спиртное, как правило, в строго оговоренные традицией случаи. «Сельские школьники пьют, вернее, поят их, конечно, при тех же самых случаях, что и взрослые», – указывал А.М. Коровин [11]. Дети приучались с ранних лет к тому, что для потребления спиртного есть определенные, относительно немногочисленные поводы, выход за рамки которых является отклонением от норм сельской жизни. Так в деревне у молодого поколения формировалась определенная культура питания, которая, конечно, была далека от идеальных трезвеннических установок, но, так или иначе, контролировала потребление алкоголя, держала этот процесс в рамках.

Безусловно, раннее знакомство со спиртным, пусть даже не носившее регулярного характера, негативно влияло на растущие организмы крестьянских детей. Однако неизвестно, отдавали ли себе в этом полный отчет сельчане, если, по словам отечественного психиатра И.А. Сикорского, сказанным на закате XIX века, «вред алкоголизма стал точно известен медицине лишь с конца 70-х годов настоящего столетия, до того же времени пьянство скорее привлекало внимание моралистов, нежели врачей, в пьянстве усматривали отвратительную, но не особенно вредную привычку» [12]. Более того, у крестьян бытовало мнение, что употребление спиртного с малых лет будет являться залогом того, что, повзрослев, человек не станет пропойцей, вероятно, избегав, таким образом, комплекса «запретного плода». «В простом народе сохраняется убеждение, что, если дитя приучить пить водку сызмала, тогда он не будет пьяницей, не будет даже и пить водку в зрелых годах», – отмечал священник В.Я. Михайловский [13].

Кроме того, нельзя сказать, чтобы дети в деревне каким-то образом отличались от своих сверстников в городе в плане потребления алкогольных напитков. Д.Н. Бородин сообщал о том, что в четырех школах Санкт-Петербурга из 182 учеников 8-13 лет 166 человек были уже знакомы со спиртным, 151 учащийся пил водку [14]. Как видно, в городе также подавляющее большинство школьников пили алкогольные напитки. Более того, дети рабочих, ориентируясь на пример своих родителей, имели больше шансов пристраститься к спиртному, чем их ровесники из сельской местности. По мнению А.М. Коровина, «городской промысловый и рабочий люд обнаруживает

сильную склонность приближаться к ежедневному потреблению спиртных напитков, в виду особых условий городского склада существования» [15].

Нельзя не отметить и тот факт, что число детей, больных алкоголизмом, то есть регулярно употреблявших спиртное, имевших влечение к нему и, как следствие, страдавших различными физическими и психическими недугами, было сравнительно мало. Из 22 с лишним тысяч школьников Московской губернии в этом смысле алкоголиками можно было назвать 0,7% мальчиков и 0,4% девочек [16]. Для сравнения отметим, что сто лет спустя регулярными потребителями спиртного в России являются 9,1% 12-летних детей [17].

Некоторые современники вовсе отрицали факты питья алкоголя детьми или считали их совершенно нетипичными. Примечательно, что это были, как правило, отзывы самих крестьян или непосредственных свидетелей их жизни. «Среди детей употребление спиртных напитков является как исключение», – утверждал священник из Орловской губернии [18]. «Между тем, пьют только мужчины, хотя говорили тут, что и дети. Но это, так сказать, дворянские дети, может быть, пьют, а крестьянским не до того, не до питья», – говорил в Государственной думе депутат из крестьян И.С. Томилов [19]. В то же время современники признавали, что сравнительно высоким уровнем потребления алкоголя отличалась деревенская молодежь. Депутат-октябрист из Пензенской губернии С.В. Андронов отмечал, что основным потребителем сельских винных лавок являлось молодое поколение, «те подростки, которые, с одной стороны, стараются подражать взрослым, а с другой стороны, к величайшему нашему ужасу и сожалению, думают, что пьянство есть молодечество» [20].

Стоит признать, что модернизация постепенно разрушала патриархальный уклад деревни, в начале XX в. во взрослую жизнь вступало поколение молодых крестьян, чье мировоззрение существенно расширилось за счет отходничества, распространения грамотности, свободы, зачастую эти молодые люди были свидетелями и участниками революционных событий 1905–1907 гг., что вело к напряжению обстановки в деревне на фоне конфликта отцов и детей. «В настоящее время патриархальность общины подорвана, сыновья и внуки вышли из-под контроля отцов, авторитет старейших членов общины пал, старики отстранились от схода и общественных дел – уже не они повелевают детьми, а дети ими. На сходах появились водка и подкуп», – сообщали об изменениях в общинной жизни современники [21]. «Драки в деревнях среди деревенской молодежи, уже прошедшей через школы, на деревенских праздниках и гуляньях становились совершенно заурядным явлением, и кровавая, под пьяную руку, расправа была главным средством для сведения счетов, возникших на почве имущественных или романтических отношений», – констатировал князь Б.А. Васильчиков [22].

Согласно опросу крестьян Владимирской губернии, первое место по приучению молодежи к потреблению спиртного играли отхожие промыслы. В пользу них ответил 71% респондентов. Еще 17% высказались в пользу того, что вовлечение молодого поколения в процесс питья алкоголя происходило в домашних условиях, 9% опрошенных отвели эту роль армии [23]. Последний пункт нуждается в комментарии. Дело в том, что следствием введения в России в 1874 г. всеобщей воинской повинности вместо рекрутского набора стал тот факт, что масса молодых крестьян несколько лет проводила вдали от своей общины, в местах воинской службы. За это время крестьяне могли как научиться полезным умениям и навыкам, в том числе грамоте, так и пристраститься к употреблению алкоголя. «Нередко парень, поступающий на военную службу трезвым, возвращается в деревню пьяницей солдатом», – утверждал учитель А.Т. Соловьев [24]. Обострение алкогольной проблемы многими современниками отмечалось и применительно к русской армии во время русско-японской войны: «Во время последней войны вопрос об алкоголиках был очень острым, о чем открыто свидетельствует ряд участников войны» [25]. Напомним, что долгое время военнотружущим была положена винная порция. В военное время строевые солдаты получали одну чарку (0,16 л.) три раза в неделю, нестроевые – 2 раза. В мирное время количество выдач чарок солдатам в год доходило до 15. В декабре 1908 г. на общей волне борьбы с пьянством выдача винных порций, а также продажа водки в солдатских буфетах, были отменены [26].

Обобщая, можно сказать, что традиционная крестьянская культура предполагала раннее знакомство молодого поколения со спиртными напитками в рамках широкого празднования семейных или церковных торжеств, при этом речь не могла идти о регулярном потреблении алкоголя, нераспространенного в деревне в принципе. Ситуация менялась при активном вовлечении сельского населения к заработкам на стороне – отходничеству. Мобильная крестьянская молодежь, подогреваемая казенной водкой, становилась недооцененным исследователями фактором, радикализующим и без того непростую обстановку в российской деревне начала XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кроль Т.К. К вопросу о влиянии алкоголизма на заболеваемость, смертность и преступность. СПб., 1897; Бородин Д.Н. Значение школы в борьбе с пьянством. СПб., 1903; Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне. М., 1914.
2. Ларин Ю. Алкоголизм и социализм. М., 1929; Зеневич Г.В. Алкоголизм – вреднейший пережиток капитализма. Л., 1955; Народная борьба за трезвость в русской истории. Материалы семинара, проведенного обществами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ, ЛОИИ АН СССР 18 декабря 1987 г. Л., 1989.
3. Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2000; Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск, 2007.
4. Россия. 1913 год. Документально-статистический справочник. СПб., 1995. С. 219.
5. Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 2001. С. 43–44, 332.
6. Золотарев А.М. Потребление вина в России в 1904–1909 годах // Ежегодник России. 1909 год. СПб., 1910. С. LXXIX.
7. Озеров И.Х. На темы дня. К экономическому положению России. М., 1912. С. 91.
8. Коровин А.М. Сельская школа и алкоголизм в Московской губернии // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. В 3 т. СПб., 1910. Т. 2. С. 567.
9. Бородин Д.Н. Пьянство среди детей // Там же. С. 483.
10. Меньшиков М.О. Пьяный бюджет // Новое время. 1907. №11 393.
11. Коровин А.М. Указ. соч. С. 567.
12. Сикорский И.А. Алкоголизм и питейное дело. Киев, 1897. С. 10.
13. Михайловский В.Я. Друзьям трезвости. Винопитие детей, отроков и отроковиц. СПб., 1891. № 6. С. 11.
14. Бородин Д.Н. Указ. соч. С. 484.
15. Коровин А.М. Указ соч. С. 567.
16. Там же.
17. Дудкина О.В. Алкоголизация населения в России: социально-демографические последствия: автореф.... дис. канд. социол. наук. Новочеркасск, 2007. С. 22.
18. Прот. Н. Миртов. Народное пьянство и современная борьба духовенства за трезвость по данным анкеты, произведенной Александро-Невским обществом трезвости // Труды... Т. 3. С. 1142.
19. Стенографические отчеты Государственной думы третьего созыва. Сессия вторая. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 96.
20. Там же. Стб. 80.
21. Тернер О.Г. Общинное владение и частная собственность // Вестник Европы. 1895. № 3. С. 45.
22. Кн. Борис Васильчиков. Воспоминания. М., 2003. С. 106.
23. Черневский В.А. К вопросу о пьянстве во Владимирской губернии и способах борьбы с ним. Владимир, 1911. С. 24.
24. Соловьев А.Т. К вопросу о борьбе с пьянством // Труды... Т. 3. С. 953.
25. П.Н. О пьянстве в армии // Новое время. 1907. № 11. С. 416.
26. Протько Т.С. В борьбе за трезвость: страницы истории. Минск, 1988. С. 32–35.

УДК 947.083.71

П.А. СТОЛЫПИН И РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

В.Н. Шульгин

Историография П.А. Столыпина характеризуется давним противостоянием сторонников и противников дела этого последнего царского реформатора. Противники его аттестуют в диапазоне от «пигмея» политики до «отца» революции. Подчас забывается, что «аграрный компонент» столыпинской реформы не был самоцелью преобразователя. С опорой на фонд классической мысли рассматривается наследие Столыпина – одного из носителей отечественной цивилизационной альтернативы. Неслучайно гениальный В.В. Розанов после его убийства сказал: «П.А. Столыпин... начертал на своем знамени слова “национальная политика”. И принял мучение за это знамя». Ему вторил Л.А. Тихомиров: «Завелся “раз в жизни” человек, способный объединить и сплотить нацию... и того убили!» Первостепенные отечественные мыслители избегали зауженного идеологизированного подхода, из оков которого до сих пор не могут вырваться многие историки, писатели и журналисты. Наличие их обличений свидетельствует, что мы еще не вышли из петербургско-революционного цикла истории, «заквашенного» западными идеологемами и до сих пор «разрываемся» между либеральными «правами человека» и марксовской «социальной революционностью». При этом Россия с ее духом народности и величием превращается в некую служебную функцию реализации ложных «идеалов». Столыпин не в ответе за то, что позднейшие политики не удержали русский имперский корабль на взятом им устойчивом курсе. Однако его уроки любви к отечеству и жертвенности во имя славы России не пропали даром, они могут и должны найти добрых подражателей.

Ключевые слова: *историография, идеология, наука, самобытность, цивилизация, альтернатива.*

Современное состояние историографии Столыпина характеризуется противостоянием сторонников и противников дела этого политика. Подчас спорящие забывают, что «аграрный компонент» реформы Столыпина был для него не самоцелью. Об этом и хотелось бы поразмышлять.

Печальнее всего, что в ряду невольных хулителей последнего реформатора Империи мы встречаем имена ученых-профессионалов. С.Г. Кара-Мурза, честный критик подражательности политической элиты, винит Столыпина за создание предпосылок Революции. Ученый-обществовед осудительно нарек Столыпина «отцом русской революции», хотя, впрочем, сам так полюбил революционный процесс, что назвал его «спасением корня России» [1]. Тут противоречие: если считать Столыпина «отцом» столь любезной революции, то отчего же его не полюбить? Очевидно, здесь проявляется стремление, может быть неосознанное, соединить несовместимое: православно-русский дух соборности и воспринятый автором революционный настрой большевизма, того большевизма, который воспользовался общинным духом крестьянства для своих целей, а затем «отплатил» тотальным, никогда невиданным на Руси закрепощением деревни. Видим нравственно ущербную попытку реабилитации практического марксизма при искренней попытке сохранить русский лик. И.Я. Фроянов, большой знаток Древней Руси, в недавнем интервью одной из наших православных ежедневных интернет-газет принялся противопоставлять, как он выразился, «великана Сталина и пигмея Столыпина». Довод у мэтра один, а именно: «Столыпин – либерал», который выступлением против крестьянской общины «больше навредил России». Столыпин якобы довел крестьянство «до кипения» и «тем самым подготовил то, что произошло в 1917 г.» На этом основании видный историк высказался против плана создания памятника Столыпину [2].

Признаем, что степень честности представителей современного российского политкласса, ратующих за увековечение памяти виднейшего политика *позднететровской Империи*, действительно может обсуждаться. Однако эта дискуссия не должна бросать тень на образ Столыпина, жертвенно служившего законной верховной власти (совсем другой вопрос, что историческая царская власть еще в конце XVII в. исказила самобытные начала русской жизни, а затем мучительно пыталась справиться с неизбежно возникшей социально-культурной «асимметрией»). Профессору Фроянову, как и другим подобным критикам реформатора, мы вправе предъявить встречный иск: «Почему вы одновременно вменяете Столыпину Революцию и в то же время превозносите ее “советские” итоги?» [3].

Это вопрошание о мнимом «революционере Столыпине» тем более уместно в связи с тем, что В.И. Ленин однозначно связывал фигуру реформатора с контрреволюцией. После подавления *первой революции* Ленин, скрывавшийся в эмиграции, даже подумывал перенести свою деятельность по подготовке «земшарного» переворота в США (его соратник Троцкий туда и переехал до Февраля 1917 г.). Ленин, по сути, скрипя зубами, стал признавать победу Столыпина в деле замирения России и негодовал против появившегося в социал-демократии реформистского течения «ликвидаторов», снимавших с повестки дня задачу подготовки революции. Итак, до самого убийства Столыпина Ленин скорбел, что премьер одерживал общеполитическую победу, ослаблявшую боевую социал-демократию и действительно пресекал революционную перспективу [4].

Об охранительстве Столыпина говорили и представители более правых флангов радикализма, которые, правда, любили не только революционность («освободительное движение»), но и саму Россию. Так, правый кадет В.А. Маклаков критиковал однопартийцев, прежде всего П.Н. Милюкова, за ликвидацию «традиционной власти» в феврале 1917 г. Дело Столыпина, по Маклакову, было совершенно незаменимо, поскольку оно соединяло «историческую власть» с окончательным гражданским освобождением страны. Для кадетов же было характерно «чисто интеллигентское непонимание своей страны». Трагедией обернулось их «вышучивание» естественной мысли, что России нужно развиваться в рамках законного царского строя. Маклаков писал, что противники нигилизма кадетов потому и «привязали свою ладью к Столыпину», что понимали положительные возможности «консервативного конституционализма», открывшегося со столыпинской III Думой. Именно эту необходимость синтеза исторической верховной власти с передовой свобододоблюбивой земщиной понял Столыпин, что и выдвинуло его при блестящих организаторских талантах на самый верх государства. Маклаков был прав, считая «историческую власть» России единственно приемлемой, полагая что «Россия могла войну выиграть и что революция не была неизбежной». В этом суждении главным доводом была сильная фигура Столыпина, которому дала жизнь старая царская Россия. Маклаков писал, соглашаясь с корреспондентом: «... будь Столыпин вместо Горемыкина, Штюрмера и пр., картина была бы иная» [5].

Впрочем, не только радикалы разных тонов как действующие политики *точно опытно знали* о контрреволюционности Столыпина. Об этом говорили и лучшие представители национальной мысли, задолго до Маклакова предвидевшие ужасы неизбежной гражданской войны, которой чревата «освободительная» эйфория, если она победит законную власть. В.В. Розанов так сказал о спасительном «народном» курсе Столыпина после его трагической гибели: «П.А. Столыпин крупными буквами начертал на своем знамени слова “национальная политика”. И принял мучение за это знамя». В Столыпине ценили «не программу, а человека... вставшего на защиту, в сущности, Руси». «Дела его правления никогда не были партийными, групповыми, не были классовыми или сословными; разумеется, если не принимать за “сословие” – русских и за “партию – самую Россию”; вот этот “средний ход” поднял против него грызню партий, их жестокость; но она... была бессильна, ибо *все-то* чувствовали, что злоба кипит единственно оттого, что он не жертвует *Россию – партиям*» [6].

За стремление к величию России Столыпина высоко ценили и П.Б. Струве, И.А. Ильин, С.Н. Булгаков, Л.А. Тихомиров. А ведь это в совокупности – первейшие имена национальной

России! Так, бывший «народоволец» Л.А. Тихомиров писал в своем дневнике уже незадолго до предчувствуемой им революции: «Загубила... эта никуда не годная “интеллигенция”, ничего не знающая, кроме “прав человека и гражданина”, да жалованья на партийной, общественной и казенной службе <...> **Завелся “раз в жизни” человек**, способный объединить и сплотить нацию, и создать некоторое подобие творческой политики – и того убили!» Уникальность Столыпина была в том, что «это был ум с характером гениальности» (выделено мною – В.Ш.) [7].

Во всех высказываниях всего этого круга первостепенных мыслителей обращает на себя внимание на отсутствие у них зауженного классового, идеологического подхода, из оков которого до сих пор не могут вырваться современные критики Столыпина. Россия давно поняла, что миссия Столыпина была общенациональной, а его до сих пор иные обществоведы воспринимают лишь как неудачливого политика-аграрника. Так еще до Революции 1917 г. русская мысль заговорила о Столыпине, как выдающемся политике, стремившемся разрешить глобальную проблему модернизации России без ущерба для ее *самостояния*, главным залогом которого является законная власть, которой присягнул народ. Так ставили вопрос еще Карамзин в «Записке о Древней и Новой России» и Пушкин в «Борисе Годунове», произведениях, написанных, соответственно, за сто и восемьдесят пять лет до трагического выстрела террориста, оборвавшего земную жизнь Столыпина. Беда нашей политической и общественной элиты (царской, интеллигентской, да и советской) в том, что она не желала слышать мудрых предостережений национальных деятелей. Хотелось бы, наконец, прекратить воспроизводство этого хронического порока российских верхов.

Здесь намеренно обращено внимание на ошибочные суждения ученых, и не идет речь об аналогичных утверждениях журналистов. Все они свидетельствуют, что мы еще не выбрались из революционного цикла отечественной истории, заквашенного революционными идеологиями. Посему до сих пор многие среди нашей интеллигенции разрываются как буриданов осел между либеральными «правами человека» и марксовской «общественной собственностью». При этом сама Россия с ее славой и величием превращается в некую служебную функцию для реализации сих «идеалов», которые на деле никакими идеалами не являются. В них идея смешивается с идеологией, как набором отвлеченных утверждений, рожденных умом обмирщенного европейца, а затем некритически воспринятых его русскими адептами, которые до сих пор понять не могут, что «нам ничего этого не надо». У нас есть своя великая земля, а мы распыляем свое богатство по миру, скупая недвижимость в Лондоне и т.п., не вкладываясь в собственные города и веси под флер новых глобалистских идеологов. Столыпин же руководствовался любовью к своему отечеству, выполняя завет Достоевского, призвавшего завершить правительственное «чужебесие» и начать собственную народную политику.

Цитируя Священное Писание, Столыпин призвал II Думу ценить законность верховной власти, скрепляющей великое государство, подчеркнул правомерность ее граждански-свободных инициатив, являющихся капитальным достоянием всех: «Остановитесь, господа, на том соображении, что **государство есть один целый организм** и что если между частями организма, частями государства начнется борьба, то государство неминуемо погибнет и превратится в “царство, разделившееся на ся”». Столыпин, как типичный консерватор-самобытник, стремившийся к органическому, естественному развитию гражданской свободы, выступал, таким образом, против механического конструирования «неизвестной государственности». Именно поэтому он ополчился на планы радикальных аграрных ломок, отрицательно оценивая кадетский аграрный план: «Предлагается... взять и разделить все 130 000... поместий. Государственно ли это? Не напоминает ли это историю тришкина кафтана... Господа, нельзя укреплять больное тело, питая его вырезанными из него кусками мяса <...>. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства, **как одного социального целого**» [8].

Приведенные высказывания политика показывают, что главным для политика было сохранение Христианской государственности как общей спасительной рамки, в которой всегда

жила православная Россия. Аграрные преобразования были для него пусть основным, но лишь средством политики, направленным на осуществление высшей цели – укрепления нравственного единства Великой России. Ключевым для уяснения всеобъемлющего credo Столыпина является его первая программная речь во второй Думе. Он осветил «руководящую идею правительства» страны, «находящейся в периоде перестройки». Сказав о том, что «по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое» и, в частности, раз и навсегда решить проблему окончательного торжества гражданской свободы в деревне, он дал понять, что частные проявления этого курса нельзя путать с его общей основой. *Главная цель реформ не сводится к аграрному переустройству.* Именно эта мысль проходит красной линией через все выступление Председателя правительства. Столыпин заявил: «Государство... не может отойти от заветов истории, напоминающей нам, что во все времена и во всех делах своих русский народ одушевлялся именем Православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли». Премьер подчеркивал, что Россия не должна изменять своему главному духовному устою, на котором зиждется государственность. Он говорил, что правительство это «твердо» установило: «многовековая связь русского государства с христианской церковью обязывает его положить в основу всех законов о свободе совести **начала государства христианского**, в котором Православная Церковь как господствующая пользуется данью особого уважения и особою со стороны государства охраною». Заканчивая речь, Столыпин подчеркнул, что возрождение «великой нашей родины» возможно только при условии, что Государственная Дума принимает сложившуюся государственность и «чисто русское» правительство, «сознающее свой долг хранить исторические заветы России».

То же самое политик говорил в своем знаменитом выступлении 10 мая 1907 г. во II Думе. Столыпин сказал: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, **путь освобождения от исторического прошлого России**, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» Столыпинский курс подавления революции и обеспечения свободной связи народа с землей-кормилицей, одобренный царем, привел к ликвидации тогдашнего государственного бессилия. В народе укрепилась вера в законную власть и ее силу, а это всегда залог подлинного развития. Главная ценность для Столыпина – это Историческая Россия, поэтому никакие юридические и социальные доктрины, стремящиеся к демонтажу многовекового здания, не могут считаться истинными. Никакой «тонкий» юридизм не должен становиться хитроумным орудием разрушения – вот основной смысл слов Председателя правительства. Столыпин в Думе изрек свои знаменитые слова: «Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества» [9]. Это было честно заявленное стремление Столыпина «противопоставить силу» противоправительственному революционному течению. Оно опиралось на давно понятую отечественной мыслью истину о сверхправовом характере Русского Царства, созданного «божественным соизволением» [10].

Славянофилы и почвенники, столь печаловавшиеся за свободу общественную, были убеждены в правде сильной царской власти. И.С. Аксаков заметил: «Русский народ, образуя русское государство, признал за последним, в лице царя... неограниченную свободу *государственной власти...*» как «залог внутреннего мира» [11]. Позднее Розанов сильно сказал об этом же. В «Опавших листьях» он писал: «Государство есть сила. Это его главное. Поэтому единственная порочность государства – это его слабость» [12].

Сказанное свидетельствует, что курс Столыпина, опиравшийся на веру в сверхправовую силу законного Христианского царства, полностью соответствовал русским народным представлениям о необходимом и возможном в политике. Этого духа народности нам сегодня как раз более всего и недостает. Это главная наша беда. Не случайно современный русский писатель вполне традиционно в духе великих предшественников назвал эту проблему «госу-

дарственной недостаточностью» [13]. От нее мы вновь страдаем и ждем сегодня решительного «нового Столыпина».

Суммируем. Современные «патриотические», равно и западническо-либеральные нападки [14] на Столыпина являются недоразумением, отражением того, что либеральная или марксистская историческая методология, к сожалению, еще не канула в лету. Именно последняя выставляет на первое место «объективные причины» исторического процесса и суживает деятельность Столыпина до рамок лишь «аграрной политики». Зашоренный взгляд на Столыпина, искажающий его общенациональный облик, является частным случаем ошибочных воззрений на природу революции. До сих пор она с подачи идеологов, последователей Маркса или Милюкова, воспринимается как следствие социально-экономических или политических «противоречий» царской России. Тот капитальный факт, что она явилась следствием страстных устремлений *новой безбожной* пассионарной интеллигентской элиты, рвавшейся сесть на законное царское место, до сих пор сознается слабо. «Воля к власти» новых групп людей – это самостоятельный фактор в политике, о котором хорошо знали Достоевский, Розанов и Столыпин, наряду с их современником немцем Ницше (или еще ранее Макиавелли), но до сих пор не ведают многие журналисты и даже ученые, все еще ищущие «классовые» корни революционных перемен.

Конечно, Столыпин не может быть освобожден от исторической критики. Он, видимо, хотя и был лично религиозным человеком, недооценивал всю глубину духовного падения царской России, которая в лице правящих слоев, да и в среде простого люда в массе своей отвернулась от Бога и «изменила вере» [15]. Отсюда недостаточное внимание премьера к нуждам господствующей Церкви и проблеме возрождения Патриаршества, то есть к чисто духовным проблемам, воздействовавшим на народ и общество. Поэтому можно ставить вопрос о не вполне сбалансированном его курсе с преимущественным этатизмом и умаленным вниманием к общественным и социо-культурным проблемам. Но вся эта ретроспективная критика для нас, «крепких задним умом», не должна затушевывать главного. Столыпин показал наличие в старой России национальных сил, стремившихся к ее возрождению на собственных исторических основах. Именно поэтому сегодняшней исследователь вправе изучать проблему русской цивилизационной альтернативы и большой роли Столыпина в ее намечившемся торжестве задолго до 1917 г.

Политика только тогда успешна и победна, когда она народна. Это доказал наш замечательный герой, о котором шла речь. В этом смысле по масштабу личности его можно сопоставить с такими бесспорными «вершителями» истории нового времени, как американец Дж. Вашингтон или немец князь О. Бисмарк. Вашингтон буквально покорил Америку силой и величием поистине аристократического духа. Несмотря на огромное богатство, он возглавил борьбу за свободу, бросив на кон «все свое», и благородной решительностью поведя за собой тысячи и тысячи борцов за американскую самобытность. Неслучайно Дж. Адамс (тоже «отец-основатель США») пророчески заметил в 1775 г., что назначение Вашингтона главнокомандующим «будет иметь громадные последствия, цементируя колонии и обеспечивая им единство» [16]. Умел соединить дух народности и жертвенности Отто фон Бисмарк, подчеркивавший в конце жизни в своем выступлении перед студентами Йены, что только тот политик побеждает, кто может лучше других в своей деятельности воплотить назревшие устремления «великого народа» [17].

Мы, русские, горды сознанием того, что имеем в лице П.А. Столыпина исторического деятеля, конгениального двум вышеназванным. Они оказались на высоте положения в кризисные для их стран времена, сумев показать своим народам дорогу в будущее и повести их по ней, и не несут ответственность за тех своих более поздних соотечественников, которые забыли о духовном благородстве и жертвенности «отцов-основателей» и сроднились либо с идеологией, либо с мамоной, либо с гомерической пошлостью. Так и Столыпин не в ответе за то, что позднейшие политики не смогли удержать русский корабль на том устойчивом курсе, который придал ему Реформатор. Однако его уроки любви к отечеству и жертвенно-

сти во имя него не пропали даром, они могут и должны найти добрых подражателей в настоящем и будущем. Не будем разрубать единое тело родной истории, противопоставляя один его период другому. Гораздо честнее, патриотичнее и конструктивнее видеть ее единство, проблемы и достижения, извлекая полезные уроки для спасительного жертвенного действия во имя плодоносного будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кара-Мурза С.Г. Столыпин – отец русской революции. М., 2002. С. 244.
2. Оставляю в стороне проблему состояния крестьянской общины к началу XX в. Давно известно, что она непрерывно разлагалась под давлением развивавшихся внутреннего и внешнего рынков. Русские статистики отмечали ход этого естественного процесса и приходили к выводу о необратимом характере перехода крестьянства к новым формам самоорганизации, исключавшим земельные переделы, которые необоснованно боготворили социалисты, необоснованно отождествляя общинность с земельными переделами (см., напр.: Шульгин В.Н. Народничество и капитализм // Общественно-политические движения России XVIII–XX вв. Межвузовский сборник научных трудов. Самара, 1993. С. 50-57). Статистикам не приходило в голову винить Столыпина за то, что он конструктивно воспользовался тенденцией отмирания архаичной формы общины, не противясь ни кооперативной, ни земской самоорганизации крестьянства, на которые и сам сделал ставку.
3. Интервью И.Я. Фроянова [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2011/07/14/velikan_stalin_i_pigmej_stolypin/
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 51, 246, 287, 316.
5. «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. Т. 3 (1923–1951). М., 2002. С. 366-367, 438-439, 440, 441.
6. Розанов В.В. Террор против русского национализма: Статьи и очерки 1911 г. М., 2005. С. 219, 273, 274-275 – курсив Розанова.
7. Дневник Л.А. Тихомирова: 1915–1917 гг. М., 2008. С. 332, 134.
8. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия: Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911 гг. М., 1991. С. 94-95.
9. Там же. С. 50-53, 62, 74-75, 96.
10. Киреевский И.В. Разум на пути к истине. М, 2002. С. 49-58 и далее.
11. Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 462-463.
12. Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 488.
13. Ю.М. Поляков, главный редактор «Литературной газеты», писатель и публицист.
14. Этот лагерь общественности укоряет Столыпина за русский национализм.
15. Дневник Л.А. Тихомирова. С. 178.
16. McCullough D. 1776. New York, 2005. P. 43.
17. Bismarck O. von. Dokumente seines Lebens. 1815–1898. Leipzig, 1989. S. 437.

УДК 94(329.12)

К ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО «ЛИБЕРАЛИЗМА» В СВЕТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ XIX–XX ВВ.

В.Н. Шульгин, Н.В. Шульгина

В статье рассматривается феномен современного российского «либерализма». Последний не соответствует критериям классического либерализма XVII–XIX вв. ввиду отказа от защиты интересов России. Если для старого либерала интересы родины были на первом месте (отсюда и «национальный» лозунг Французской революции «Да здравствует Республика...»), то для нашего «освобожденца» на первом месте была англо- или франкомания, а Россия, ее народ отходили на второй план. Отсюда стремление к радикальному переустройству «отсталой России» по неприемлемым западным образцам. К сожалению, космополитизм российского либерализма сегодня возрос. Если кадеты при своем подражательном западничестве все-таки надеялись на обретение «новой Россией» большей геополитической силы, то представители сегодняшней «внесистемной оппозиции» внутренней силы и внешнего могущества для России не желают. Отрицательно они относятся и к идее торжества гражданской свободы, как ядра подлинного либерализма, поскольку свободу дает собственность (Б.Н. Чичерин). Современные «правые» не ставят целью возрождение крестьянского землевладения с ликвидацией латифундизма, без чего невозможен рост народонаселения и внутренних сил страны. Не ставится ими и насущный вопрос о победе над «оффшорным бандитизмом» (выводом средств за границу). Ложным является самопровозглашение либералов «правыми». В европейско-русской традиции правыми обоснованно именуется движения, отстаивающие национальные ценности. Современные российские «либералы» в худшую сторону отличаются от предшественников. Есть и общее, на что обратил внимание В.А. Маклаков: тяга к радикализму, то есть к «левому» революционному проекту.

Ключевые слова: либерализм, кадеты, «правые», радикализм, геополитика.

Известна мысль Ф.М. Достоевского, что «русский либерал – это не русский либерал». Писатель-философ вел речь в «Дневнике писателя» не столько об этнической принадлежности типичного либерала, гордого участника «Освободительного движения», сколько о некоей вненациональной его ориентации, безразличии или вражде к русским духовным, культурным и политическим традициям. «Русская Триада» веры, самобытной государственности и верной им «народности» была для них пустым звуком, тогда как именно эти *начала* были приняты со времен св. Филофея и отстаивались всеми поколениями классиков карамзинско-пушкинской традиции, этих свободных консерваторов последних веков. Если для подлинного либерала интересы его родины выступали на первое место (отсюда и «национальный» лозунг Французской революции «Да здравствует Республика, да здравствует Франция»), то для нашего «модерного» «освобожденца» на первое место выступала англо- или франкомания, а Россия, ее народ отходили на второй план. Отсюда проистекало стремление к радикальному переустройству «отсталой России» по западным образцам, неприемлемым в их совокупности. Эта ориентация представляла собой типичный революционный радикализм кадетского толка, бывший «союзником справа» прямых революционных партий – эсеров и эсдеков. Эта подмена либерализма революционаризмом была подробно разобрана историком-эмигрантом В.В. Леонтовичем (см.: его монографию «История либерализма в России»). Подлинный либерализм, во многом смыкающийся со свободным консерватизмом, исходит из ак-

сиомы, что самодержавная политическая традиция (то, что А.С. Пушкин называл «самостоянием») в принципе не мешает постепенному торжеству гражданской свободы, как главного элемента либерализма. Поэтому либерал Б.Н. Чичерин, как и консерватор Ф.М. Достоевский, стоял за охранение традиционной монархической власти, главной опоры порядка, без которого никакие усовершенствования цивилизованной жизни невозможны.

К сожалению, «западнический» характер мнимого либерализма в наши дни многократно возрос. Если кадеты при своем подражательном западничестве все-таки надеялись на обретение «новой» Россией новой геополитической силы, то нынешние «ходоки» в американское посольство и т.п. политические персоны «внесистемной оппозиции» никакой внутренней силы и внешнего могущества для России не желают. Они подчас даже муссируют как нечто положительное рожденную спецслужбами США «идею» расчленения России «для блага русского народа» (см., например, писания «распиаренного» блоггера Широпаева). Даже те из «либералов», кто до таких крайностей не доходит, очень волнуются отсутствием права иностранцев на безвизовый въезд в Россию, в частности, в Калининградскую область. Во время апрельской (2016) встречи в Калининграде с предпринимательской общественностью глава новой предпринимательской партии Б. Титов вместе с местным «правым» депутатом С. Гинзбургом отстаивали необходимость подобной односторонней либерализации законодательства в интересах «зарубежных партнеров». Сомнительные с патриотической точки зрения позиции так называемых «правых» (на самом деле – радикалов-западников) сочетаются с попытками прозападных общественных сил, также мнящих себя «либеральными», породить социальный хаос, проявляющейся в массовых акциях, эпатажных действиях и т.п. по образу и подобию малороссийских событий 2013–2014 гг. Попытаемся разобраться, на кого Западом делается ставка в попытке повлиять на Россию.

Публичная власть, должным образом реагируя на вызовы современности, «расширяет» политическое поле. Несколько лет тому назад был взят курс на понижение минимального порога численности партий. «Внизу» заметна консолидация на «правом фронте», то есть в кругах либерально-западнической ориентации. На смену старых партий типа «Союза правых сил», создаются новые, например, «Партия народной свободы», «Гражданская платформа» [1]. Встает вопрос, как оценить это «новое-старое» движение (старое потому, что и прежде предпринимались попытки западников-капитулянтов овладеть электоратом). Решить эту задачу, которая носит не только исследовательский характер, необходимо. К этому толкает и то, что новые «правые» склонны считать себя продолжателями отечественного либерализма XIX – начала XX в. [2]. Между тем, рассмотрение их программ и практической деятельности убеждает в обратном.

Сначала о наиболее очевидном. Ложным, по определению, является самопровозглашение либералов «правыми». В европейской и русской политической традиции, в том ее виде, который она приняла со времени Французской революции, *правыми* обоснованно называют консервативные, традиционалистские партии или движения, отстаивающие национальные ценности европейских народов. *Правые* течения традиционно являются христианскими. Типичным примером является «Народный Фронт» в современной Франции. Впрочем, прошлый век дал примеры «правой» политики, которая (в особенности на Западе) склонялась к отрыву от религии, к исключительной опоре на принцип *народности*, понимаемой как привилегированная раса. Это нарушение гармонии между благой верой и народным духом привело к немецкому национал-социализму, итальянскому фашизму, в которых смешалось *правое* начало *народности* и *левый* принцип *социализма*. Впрочем, это исключение лишь подтверждает правило: в России и Западной Европе подлинно *правыми* всегда были национальные партии с христианской идейной основой. Либералы никогда не претендовали на имя «правых». Классический европейский либерализм эпохи, длившейся между Французской революцией 1789 г. и Русской революцией 1917 г., всегда помещал себя левее *правых* политических движений. В духовном отношении либерализм опирался либо на религиозный *дуализм*, отрекшийся от Христа Бога и превратившийся в богоборчество, как это было у Вольтера, главнейшего идеолога XVIII в.,

либо на прямое безбожие либералов-позитивистов, вроде О. Конта или Г. Спенсера. Даже либерализм И. Канта, причислявшего себя к христианам-протестантам, немногим отличался от безбожного вольтерианства [3]. Итак, европейско-русский либерализм давно отрекся от Христианства. Он сам в лице своих носителей это честно признал, не претендуя называться *правым* политическим течением с «охранительным» субстратом.

В предреволюционной России был пример другой политической конфигурации. Либералы-эволюционисты к 1917 г. превратились в радикалов-революционеров. Так, кадеты, главным представителем которых был П.Н. Милюков, на деле качественно уже не отличались от откровенно радикальных социалистических партий, призывавших к революции и гражданской войне против «старого строя». Если бы не фактически подрывная деятельность старой «Партии народной свободы», как официально называлась эта организация «конституционных демократов», решившая свергнуть царя в условиях войны, то вполне возможно, что революции 1917 г. бы не случилось, поскольку война с Германией была почти выиграна. В.А. Маклаков, критик Милюкова, отметил, что «истинные вожди либерализма» своей поддержкой революционной анархии фактически «отказались от своей программы» и перешли в радикальный лагерь [4].

Таким образом, современные либералы в худшую сторону отличаются от предшественников, поскольку склонны захватывать чужое им наименование «правых». Однако есть и общее, на что обратил внимание Маклаков, а именно, их общая тяга к радикализму, то есть ко вполне «левому» безбожно-революционному проекту в отношении России. Если современные либералы необоснованно назвали себя «правыми», то их предшественники столь же неоправданно в 1900-е годы сместились «влево», став прямыми вдохновителями большевизма на «углубление революции», которую эти горе-либералы, слившиеся с радикалами, в основном и сделали, в чем был «элемент предательства» России [5]. Значение политического обозначения «левый», наоборот, не изменилось. Сегодняшние коммунисты, русский или французский, гордо называют себя *левыми*, как и их предшественники из XIX столетия, и также, как встарь, стоят под красным знаменем. Не разбирая эволюции «красного лагеря», отметим только, что, во-первых, упала боевитость *левых*, что связано, прежде всего, с осознанием изрядной доли утопизма их «классической» программы, разработанной Марксом, основоположником движения. Кроме того, российские коммунисты после краха 1991 г. стали тяготеть к национально-русским ценностям, т.е. обрели объективно «правые» устремления. Одновременно можно заключить и об их некоторой либерализации, поскольку они согласились быть в составе легальной оппозиции существующей верховной власти, которую они считают буржуазной. Итак, следует сделать вывод, что современные российские либералы в понимании своей миссии гораздо больше уклонились от своего традиционного облика, чем их коллеги на подлинно *правом* (православно-русском) и *левом* (радикально-революционном) политическом флангах российского общества. Это проявилось в неправомерной узурпации ими чужого наименования «правый», которое никогда не относилось и не может относиться к либералам, тем более современным.

Далее следует разобрать степень соответствия политического курса либералов классическим постулатам своего наследия. В этом главнейшем вопросе заметна еще большая деградация современного либерализма, чем в деле, связанном с самоназванием этого движения. Положительное ядро классического либерализма, сформировавшееся в XVI–XVIII вв., состояло в честной и твердой вере в необходимость торжества *гражданской свободы* в данной стране, у данного народа при законной верховной власти. Само прославление либералами идеала «правового государства» связано с этим ключевым элементом их учения. При этом *гражданская свобода* считалась первичной и не сливалась в сознании теоретиков либерализма, от Г. Гроция до Б.Н. Чичерина, с *политической свободой*. Гражданская свобода понималась как правовое равенство граждан – собственников недвижимых и движимых имуществ, участников «гражданского оборота», имеющих равное право на землю, торговлю, промышленную деятельность и другие занятия, которые дают возможность свободного существования. С такой поста-

новкой вопроса во многом соглашались свободные консерваторы школы Карамзина. Они считали, что в уникальной по пространственному величию и православному наследию Империи именно курс на эволюционное развитие гражданской свободы при неизменной самодержавной православной государственности, защищающей величие отечества, является основополагающим. Агитацию радикалов в пользу обретения политической свободы при забвении идеалов главной (даже для чистых либералов) гражданской свободы консерваторы-самобытники считали преступлением. Они понимали, что обретение многопартийности и парламентаризма в стране с не завершившимся гражданским освобождением крестьянства чревато гибельной политической революцией, которая будет способна заглушить ростки гражданской свободы [6]. Это предостережение оказалось пророческим. Радикал-либералы сумели провести февральский политический переворот 1917 г., восторгаясь степенью обретенной политической свободы, невиданной ни в какой другой стране.

Если посмотреть на немедленные и долговременные последствия Революции с юридической точки зрения, то неизбежен вывод о полном крахе двухвекового процесса гражданского освобождения народа. Сначала разъяренный радикалами народ лишил законной земельной собственности все дворянство и часть состоятельного крестьянства, воспользовавшегося реформой П.А. Столыпина, завершавшей начатое в 1861 г. гражданское освобождение деревни. Затем крайние радикалы-большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 г., взяли курс на полную ликвидацию гражданской свободы народа **во имя полной политической свободы** с установлением непосредственной демократии под лозунгом «Вся власть Советам». Этот процесс завершился ликвидацией свободного крестьянского землевладения к началу 1930-х гг. Более того, крестьянство было вновь закрепощено, только гораздо сильнее, чем до 1861 г. Так история подтвердила правоту предостережений Карамзина и Пушкина, учивших радикалов ценить законную христианскую власть, любимую народом, идти курсом гражданского освобождения исключительно в политических рамках традиционного Царства. В противном случае, при ликвидации вековой скрепы самодержавия, русский народ с резко самобытным мужественным народным характером, отмеченным предельным максимализмом, способен в духе новой веры к штурму «любых горизонтов», даже в ущерб себе.

Беда современного российского «либерализма» заключается в полном игнорировании как действительных достижений реального либерализма дореволюционной России, увенчавшегося преобразованиями Столыпина, так и забвением свободно-консервативной традиции, рожденной к кругу Карамзина и Пушкина. Посему современные политики типа Л. Гозмана, М. Касьянова, покойного Б. Немцова и т.п. способны лишь повторять ошибки своих радикальных предшественников 1917 г., т.е. под флагом политической свободы еще раз попытаться развалить страну. При этом их уверения в собственной «либеральности» и приверженности к отечественному «первоклассному культурному наследию», как это сделано в программном заявлении «Парнаса» от 13 декабря 2010 г., не более чем пустое сотрясение воздуха [7].

Эти лже-правые политики к подлинному либерализму не имеют касательства, поскольку игнорируют центральный пункт либерализма – учение о гражданской свободе. Они похожи на большевиков-троцкистов, поскольку стремятся исключительно к радикальным политическим переменам при игнорировании интересов народа в гражданской сфере, например, по обеспечению его землей. Конечно, такое положение стало возможным лишь вследствие ошибок публичной власти, которая пока не вполне осознала, что гражданская свобода является главной для народа, потому и отвращающегося от политиканства и совершенно не нужной сегодня «многопартийности», рецидиве «освобожденческих» иллюзий позапрошлого века, помноженных на обычный политический карьеризм. Программные документы СПС и Парнаса предполагают исключительно политические преобразования, совершенно не затрагивая главной для народа гражданской сферы жизни. Так, Программа СПС специально говорит о своем наследии: «Даже во времена тоталитарного режима... российские либералы... не дали угаснуть традиции отечественного свободолюбия и подготовили приход **политической свободы** в последние десятилетия двадцатого века» [8]. Подобным же образом

деятели Парнаса считают главным политический процесс в надежде перехватить верховную власть в стране. Жизнь народа их не волнуют. Так, в качестве одной из главных целей намечается следующее: «Формирование условий для ведения **свободной политической деятельности**, не ограничиваемой произволом чиновников; обеспечение на деле плюрализма мнений и политической конкуренции...» [9].

В программе «Парнаса» читаем о необходимости «восстановления реального федерализма» (то есть *ослабления центральной власти*, что опасно в условиях геополитических вызовов России), «кардинального сокращения всех функций государства...» (т.е. устранения *социального государства*, берущего на себя обеспечение медицины, народного образования и т. п. общих нужд. «Парнас» стремится к «отмене прописки... включая миграционный учет...», т.е. «борется» за наполнение страны чужестранцами с фатальной криминализацией городов и сел, бьющей по трудоустройству коренных граждан, побуждая их к эмиграции. Партия даже стоит за ликвидацию суверенитета России, превращению ее в «подстилку» Запада: «Россия должна стать частью общеевропейской цивилизации; всесторонняя интеграция с Европейским Союзом... отвечает интересам российских граждан <...> делает необходимым постепенное движение к формированию Союза Россия–НАТО для **обеспечения европейской и глобальной безопасности на основе единых ценностей**» [10].

«Программное заявление» партии только усиливает этот курс на самозакабаление. Парнас призывает обеспечить «открытость российской экономики, **снятие ограничений на иностранные инвестиции и участие в конкурсах**, переход на европейские нормы технического регулирования, экономическую интеграцию с Европейским Союзом» [11]. Нас, по сути, призывают самоустраниться, усиленно отдавая Западу свои ресурсы. Между тем, «Европа» нас никогда не считала своими, даже когда при последнем Императоре русские граждане лили кровь за, казалось бы, общие интересы стран, воюющих с Германией и Австро-Венгрией. Запад никогда не просил нас «объединяться», значит, предлагается капитуляция России с уничтожением национальной валюты, хотя и сегодня она при сырьевой ориентации не является вполне суверенным инструментом. Но мы можем сменить этот курс. Если же финансовую столицу мы перенесем в Брюссель, то «вернуться к себе» будет невозможно. Кстати, «своими» Запад считает только вольных или невольных своих политических слуг вроде М.С. Горбачева, ослабивших Россию. Подобные положения приняты еще более 10 лет назад СПС, который поставил целью достичь «успешной интеграции России в сообщество развитых демократических стран». Большим «достижением» эта партия считает «демонтаж закрытой тоталитарной империи и становление России как современного федеративного государства, приверженного принципам политической демократии и рыночной экономики» [12].

Итак, можно сделать вывод о полном отрыве политиков, выдающих себя за либералов, от реальных интересов страны, которая не желает растворяться среди чуждых ей народов, кстати говоря, охваченных сильнейшим системным кризисом бездуховной потребительской цивилизации. России, издревле имеющей свои ценности, не пристало закабалить саму себя.

Совершенно напрасно этот круг политиков называет своими предшественниками Б.Н. Чичерина, П.Б. Струве, В.С. Соловьева, П.А. Столыпина и других либерально-консервативных мыслителей и политиков [13]. Эти выдающиеся деятели выступали за государственное и христианское величие России как Империи. Именно этого чураются добровольные слуги Запада. Стержнем консервативного либерализма классиков была приверженность к гражданской свободе. Так, Б.Н. Чичерин учил: «собственность есть краеугольный камень всего **гражданского порядка**»; «право собственности есть коренное юридическое начало, вытекающее из человеческой свободы»; «...свободная собственность при свободном труде составляет... идеал всякого **гражданского быта**. Посвятить на эти начала – значит, подрывать свободу в самом ее корне, уничтожить фундамент великого здания...» [14]. Чичерин и все перечисленные выше классики русской мысли и политики никогда не смешивали гражданской и политической свободы [15]. Наоборот, современные политики, необоснованно называющие себя «правыми», ничего не говорят о необходимости торжества гражданской свободы в России. Не говорится,

например, о необходимости возрождения массового крестьянского землевладения, проведения политики по ликвидации нового латифундизма (массовой скупки крестьянских земель, лесов), что подрывает внутренние силы страны, препятствует росту рождаемости у народа, освоению Сибири и Дальнего Востока. Не ставится и насущнейший вопрос о необходимости противостояния попыткам пресечения практики вывода в «оффшоры» огромных средств.

Выборы всех уровней прошедшего десятилетия и более показали следующее. Граждане России верно почувствовали, что так называемые «либеральные» партии, называющие себя «правыми» не являются ни правыми, ни либеральными, поскольку не защищают национальные интересы России и сознательно отворачиваются от сердцевины европейского либерализма – учения о гражданской свободе народа, который должен быть собственником своей земли для ведения на ней национального хозяйствования. Им, как фактическим агентам влияния, нужно любыми средствами добыть власть для подрыва государственного суверенитета России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Далее название этих партий приводится в сокращении: СПС, Парнас.
2. Так, в Программе СПС («Российском либеральном манифесте») 2001 г. перечисляются имена известных политиков Российской Империи и пореволюционного Зарубежья, от М.М. Сперанского до П.Б. Струве, и заявляется, что современные «правые» хранят наследие этой «давней и достойной традиции», то есть осуществляют их историческую миссию. – См.: <http://www.sps.ru/?id=214522>
3. В классической работе П.А. Флоренский назвал Канта «величайшим представителем интеллигентщины» (См.: Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи. М., 2003. С. 246).
4. На это обстоятельство неоднократно обращал внимание поправевший кадет В.А. Маклаков, критик курса Миллюкова. См., например: «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3 т. Т. 3. М., 2002. С. 373. См. также: С. 363–372.
5. Там же. С. 372.
6. См., в частности, по этой проблеме: Шульгин В.Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. СПб., 2009.
7. http://www.ryzkov.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=30061&catid=11:20-11-12-26-10-30-14&Itemid=6
8. <http://www.sps.ru/?id=214522> (выделено мною – В.Ш.)
9. <http://solidarnost-nsk.org/node/581> (выделено мною – В.Ш.)
10. Там же (выделено мною – В.Ш.).
11. http://www.ryzkov.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=30061&catid=-11:2011-12-26-10-30-14&Itemid=6.
12. <http://www.sps.ru/?id=214522>.
13. Там же.
14. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб., 2005. С. 161, 171, 176.
15. Там же. С. 701.

УДК 947.05

К ВОПРОСУ О «ШКОЛЕ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

М.Ю. Лачаева

Статья посвящена анализу понятия «школа В.О. Ключевского», которое имеет разное толкование в научной литературе. У Василия Осиповича Ключевского (1841-1911) – великого русского историка – учились многие выдающиеся отечественные историки и ученые. Среди учеников Ключевского были как оставшиеся после революции в Советской России историки, которые внесли свой вклад в развитие советской исторической науки, так и эмигранты, представители Русского Зарубежья. Ученики Ключевского были самостоятельно мыслящими учеными, их творчество отличала яркая индивидуальность. В статье обращается внимание на тематику исследований учеников Ключевского. Школу-выгучку Ключевского прошли: А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, С.К. Богоявленский, Ю.В. Готье, В.П. Алексеев, В.Н. Бочкарев, А.Ф. Изюмов, Н.А. Рожков, М.Н. Покровский, Н.М. Никольский, В.И. Пичета, С.В. Бахрушин, А.Н. Троицкий, С.П. Мельгунов, А.И. Яковлев и др.

В статье показаны самооценки представителей школы Ключевского, данные ей; разбирается идеологическая критика, которой подвергся А.И. Яковлев советской властью. У учеников Ключевского были свои последователи. Их творчество обеспечивало преемственность и высокий уровень в отечественной исторической науке. В статье показано, как наряду с комплементарным подходом в исследованиях, посвященных Ключевскому, формировался критический подход к его творчеству. Одновременно складывался своеобразный «канон» в восприятии самого Ключевского. В статье также рассматриваются историко-научные мероприятия по увековечиванию памяти Ключевского.

Ключевые слова: «школа Ключевского», «московская школа Ключевского», образы «школы Ключевского», научная «школа», «направление», «течение», коммуникативные практики историков, политика Л.А. Кассо, протест профессоров Московского университета в 1911 г.

В отечественной историографии термин «школа Ключевского» оценивается неоднозначно. Эту «школу» рассматривают как «одно из самых противоречивых явлений в истории отечественной исторической науки» [1]. На постановке вопроса: «А была ли школа Ключевского?», – сказались несколько обстоятельств. Одно из них – сложные судьбы учеников Ключевского после Октябрьской революции. Одна часть его учеников эмигрировала, другая осталась в Советской России.

Среди тех, кто остался, был М.М. Богословский – учитель советского историка Н.М. Дружинина (1886–1986). В 1922 г. Богословский консультировал другого советского историка – ученицу М.Н. Покровского – М.В. Нечкину (1901–1985) в отношении перспектив разработки ею темы о В.О. Ключевском. Замысел был реализован М.В. Нечкиной только в 1974 г. в монографии «Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества». Эти примеры свидетельствуют о существовавших взаимосвязях между отечественной дореволюционной исторической наукой и исторической наукой советского периода. Такие связи проявились в СССР не раз, в частности в 1937 г. при переиздании «Курса русской истории» Ключевского. К тому же ряду историографических явлений относится заседание Ученого совета Московского государственного историко-архивного института, состоявшееся в мае 1946 г. и посвященное 35-летию со дня кончины Ключевского, на котором доклад о своем учителе прочитал С.К. Богоявленский. Кроме него, по теме собрания выступили ученик М.В. Довнар-Запольского – П.П. Смирнов (1882–1947), а также ученик Д.М. Петрушевского и В.И. Пичеты советский историк Н.В. Устюгов (1896–1963).

Следует отметить, что в советское время не все историко-научные практики увековечивания памяти о Ключевском прошли благополучно для их участников. В том же 1946 г. в Саранске, в «Записках Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР» была опубликована мемориальная статья о Ключевском его ученика А.И. Яковлева (1878–1951). А.И. Яковлев был старшим сыном чувашского просветителя И.Я. Яковлева (1848–1930). В 1916 г. он подготовил магистерскую диссертацию «Засечная черта Московского государства в XVII в.», а через год докторскую – «Приказ сбора ратных людей». В 1930 г. по «академическому делу» он был арестован, ссылку отбывал в Минусинске. В 1933 г. был реабилитирован и возвращен в Москву. Труды Яковлева посвящены социально-экономической, военно-политической истории и общественной мысли в России XVII в. За исследование «Холопство и холопы в Московском государстве в XVII в.» он был удостоен Сталинской премии за 1942 г.

Статья Яковлева о Ключевском была подвергнута жесткой классово-идеологической критике. Для власти оказалось неприемлемым, что Яковлев назвал произведения Ключевского «классической школой творческой и пылливой научной мысли». Более того, Яковлев позволил себе подчеркнуть, что поколение Ключевского «всегда высоко держало скрижали свободного научного исследования и ни перед кем не склоняло знамени независимой мысли». Он представил Ключевского в качестве «главы всей современной русской историографии». Критика Яковлева сопровождалась усилением партийно-классовой риторики борьбы «с буржуазными взглядами старых историков», к которым причислили и Ключевского. Сам Яковлев имел опыт чтения лекций и проведения семинаров по историографии. До революции он вел семинары в Московском университете в 1907 г., читал лекции на Московских высших женских курсах в 1908–1909 гг. В 1938 г. Яковлев вернулся к курсу историографии. Под «историографией» он понимал не только историю исторического знания, но и развитие источниковой базы исследования, а также методологию исторической науки [2].

Время вносило идеологические коррективы. В 1948 г. на одном из заседаний Ученого совета Института истории АН СССР С.В. Бахрушин (1882–1950), сам учившийся у Ключевского и ученика Ключевского М.К. Любавского, сказал, что сочинения Василия Осиповича, «благодаря блеску изложения, продолжают иметь известное хождение среди молодежи». Одновременно Бахрушин озвучил задачу, стоящую перед исследователями, которую видел в демонстрации несовершенства концепции Ключевского, особенно в области методологии, где мировоззрение историка «противоречит научным установкам марксизма». Все это говорилось Бахрушиным после его возвращения из ссылки в Семипалатинск, которую он отбывал в начале 1930-х гг. по «академическому делу». Наряду с комплементарным подходом в исследованиях, посвященных Ключевскому, формировался критический подход к его творчеству. Одновременно складывался своеобразный «канон» в восприятии самого Ключевского [3].

Второй причиной, вызывавшей затруднения у исследователей при разговоре о «школе Ключевского», являлась «звездность» его учеников. Среди учеников В.О. Ключевского преобладали известные и самостоятельно мыслящие ученые, творчество которых отличала яркая индивидуальность. Все же, помимо сомнений, в литературе существует еще и рациональная мотивация, дающая историографам основания использовать термин «школа Ключевского». Заметим, он часто берется в кавычки. В историографии принимается во внимание тот факт, что данное словосочетание уже использовалось современниками и исследователями. Так, термин «школа Ключевского» употреблял Н.Л. Рубинштейн в труде «Русская историография» (1941).

Вместе с тем, современный историограф В.П. Корзун обращает внимание на недостаточную разработанность самого понятия «научная школа» и смешение в современной исторической литературе таких дефиниций, как «школа», «направление» и «течение». По мнению исследовательницы, на сегодняшний день наметился очевидный «разрыв между изучением научных достижений, закономерностей развития науки и реального ее достижения через творчество крупнейших ученых» [4]. В современной историографии исследуются образы «школы Ключевского», которые формировались в разные периоды – дореволюционный, советский, Русского Зарубежья и уже в современный – постсоветский. При изучении образов «школы Ключевского»

обращается внимание на особенности личности и творчества каждого из учеников Ключевского, стиль научного мышления, мировоззрение, политические, исторические и историографические взгляды, этапы творческой жизни. На основании системного изучения этих факторов в дальнейшем возможно определение принадлежности каждого из учеников к научной школе учителя. «Образ научной школы – это своего рода ее биография, отложившаяся в представлениях различных сообществ. Категория «образа» включает три основных структурных компонента: коммуникативные практики историков внутри «своей» школы и их рефлексия относительно собственной научной принадлежности; восприятие «школы» внешней средой, будь то современное ей научное сообщество или последующие поколения исследователей, а также восприятие отдельных представителей школы в качестве учителей широкими слоями общества», – пишет современный исследователь [5].

Помимо употребления концепта «школа Ключевского», в литературе встречается название «Московская школа историков», где Ключевский и его ученики занимают видное место. Н.И. Кареев использовал словосочетание «Московская школа Ключевского», что охватывает более узкий хронологически и персонально диапазон и предполагает рассмотрение влияния творчества В.О. Ключевского, в том числе и на ученых, трудившихся в других городах.

Научная традиция, сложившаяся вокруг Ключевского, внимательно изучалась в отечественной историографии. В свое время П.Н. Милюков противопоставил «московскую историческую школу» «петербургской», выделив отличительные черты обеих и отдав научный приоритет «московской школе». У петербуржцев на сей счет была принципиально обратная точка зрения. Одним из первых ее высказал А.Е. Пресняков при защите докторской диссертации в 1918 г. Представители «петербургской школы» ставили себе в заслугу как раз то, что принципиально не принимал Милюков – внимание в историографии и источниковедению. Основным недостаток «московской школы» видели в ее излишней социологической схематизации. Не принимал Ключевского в качестве главы собственной научной школы М.В. Довнар-Запольский (1867–1934). Он работал в Московском и Киевском университетах, в исторической науке известен как создатель собственной «киевской школы» и основоположник белорусской историографии. Учениками М.В. Довнар-Запольского были Д.И. Дорошенко, А.П. Оглоблин, Н.Д. Полонская-Василенко. В марксистской историографии сомнения в существовании «школы Ключевского» высказал М.Н. Покровский, сам учившийся у Ключевского сначала в качестве студента, а затем магистранта.

Пользуясь термином Н.И. Кареева «Московская школа Ключевского», отметим, что школа имела свои тематические приоритеты. Важнейшими направлениями в исследованиях учеников В.О. Ключевского были историческая география и история колонизации (М.К. Любавский), социально-экономическая история (Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтер, П.Н. Милюков, М.Н. Покровский, Н.А. Рожков), история культуры и историография (П.Н. Милюков), история государства и его институтов (М.М. Богословский, М.К. Любавский), история общественной мысли (А.А. Кизеветтер), история петровской эпохи и жизни первого императора России (М.М. Богословский, П.Н. Милюков).

Лекции Ключевского слушали несколько поколений студентов. Среди его первых учеников были выпускники историко-филологического факультета Московского университета 1878–1879 гг. М.К. Любавский, П.Н. Милюков, В.Е. Якушкин. В.Е. Якушкин (1856–1912), был внуком декабриста И.Д. Якушкина. Историка интересовала конституционная идея. Ей он посвятил труд «Государственная власть и проекты государственной реформы в России: с приложением проекта конституции Никиты Муравьева» (СПб., 1906). Якушкин описал историю земских соборов XVI–XVII вв., рассмотрел после петровский период, представительство в законодательных комиссиях XVIII в., конституционные проекты графа Н.И. Панина, Комитет общественного спасения, Финляндскую конституцию, проект Сперанского, Польскую конституцию, Государственную Уставную грамоту Российской империи и «конституцию» графа М.Т. Лорис-Меликова.

Свой след в отечественной исторической науке оставили прошедшие через школу-выучку Ключевского В.П. Алексеев, С.В. Бахрушин, М.М. Богословский, С.К. Богоявленский,

В.Н. Бочкарев, Ю.В. Готье, А.Ф. Изюмов, А.А. Кизеветтер, С.П. Мельгунов, Н.М. Никольский, В.И. Пичета, М.Н. Покровский, Н.А. Рожков, А.Н. Троицкий, А.И. Яковлев и др. В числе учеников Ключевского были историки, плодотворно работавшие в провинции, например, глава Рязанской ученой архивной комиссии (РУАК) С.Д. Яхонтова, который рекомендовал в 1894 г. к избранию в РУАК другого ученика Ключевского – М.К. Любавского. У учеников Ключевского были свои ученики, что обеспечивало в науке определенную преемственность и высокий уровень. Так, А.А. Новосельский учился у Яковлева. И.А. Голубцову, помимо Ключевского, преподавали Готье и Богословский. Сохранение научной культуры, передача способов и навыков научного изучения и является одной из важнейших функций научной школы. Одновременно ученики Ключевского стремились к расширению границ современной исторической науки. Одних это вело к увлечению социологией, других – марксизмом или иными новомодными теориями. Некоторые из учеников оставались на твердой почве исторических фактов (Богословский), другие были склонны к широким обобщениям (Милуков, Рожков).

Унаследовав колониационную концепцию С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, Любавский наполнил ее углубленным и детализированным содержанием, расширив хронологические рамки рассмотрения проблемы. Любавский разделял убеждения своих предшественников, которые Ключевский коротко сформулировал следующим образом: Россия – «страна, которая колонизируется». Любавский был согласен и с другой мыслью Ключевского, что мы обязаны возникновению городов «большим дорогам». До Любавского главная роль в заселении территории Рязанской земли отводилась выходцам из Киевских и Черниговских земель. Любавский отводил главную роль в северо-восточном направлении славянской колонизации финских земель племени словен из Новгородской земли. В частности, новгородский «след» он увидел в названии Коломны, впоследствии служившей крайним форпостом Рязанского княжества на границе с Московским княжеством. Коломна рязанская, по его словам, напоминает Коломны, поставленные новгородскими словенцами на реках Волхове, Ловати и Мсте [6]. Подобно учителю, Любавский сотрудничал со многими провинциальными научными обществами. Среди них, помимо Рязанской ученой архивной комиссии, также были Тверская, Витебская, Смоленская, Тульская, Нижегородская, Псковская, Полтавская губернские ученые архивные комиссии. Историк высоко оценивал их вклад в архивное дело и разработку местной истории. Свою исследовательскую работу Любавский завершил, находясь в ссылке в г. Уфе, из которой ученый уже не вернулся. Через семинары Любавского прошли историки С.П. Мельгунов, В.И. Пичета, Н.Г. Бережков, А.А. Новосельский, В.К. Никольский, С.В. Бахрушин и др.

В.О. Ключевский ушел из жизни 12 (25) мая 1911 г., вскоре после скандала, разразившегося в Московском университете, когда в знак протеста против политики Л.А. Кассо из университета ушли более ста преподавателей. Конфликт с властью затронул и учеников Ключевского, в числе которых был А.А. Кизеветтер. Поэтому рекомендация Ключевского об избрании на свое место более близкого ему по взглядам Кизеветтера не состоялась. Преемником стал Богословский, считавший уход из университета неправильным. Позднее Богословский утвердился в правильности своего решения. Оставшись на кафедре, он сохранил традиции главы ее школы В.О. Ключевского, «сберег их в чистоте», чем и гордился [7]. Политизация российского общества в условиях революции затронула и учеников Ключевского. Богословский вспоминал, что 1896–1904 гг. были исключительно научной полосой в жизни. Эти сведения подтвердил в своих воспоминаниях и Кизеветтер: «Если бы кто-нибудь следил тогда за ежедневной совместной прогулкой трех молодых доцентов (Кизеветтер имел в виду себя, Богословского и Рожкова. – М.Л.), вряд ли ему пришло бы на мысль, что это идут три будущих политических противника: будущий кадет, будущий октябрист и будущий большевик» [8].

Заметим, что в первых работах Рожкова в экономической трактовке юридических вопросов (в частности вопроса о происхождении сословий) сказывалось сильное влияние Ключевского. Представляется, что разные политические предпочтения, партийные интересы разводили жизненные пути и взгляды учеников Ключевского. Но были отличия и в научных взглядах на конкретные проблемы учителя и учеников. Так, Ключевский подверг критике магистерские

диссертации П.Н. Милюкова и Н.А. Рожкова. Сюжет о разногласиях Милюкова и Ключевского в трактовке петровского времени и оценке Петра I прописан в литературе. В его основе лежало концептуальное разногласие. Если для Ключевского Петр был реформатором как бы нехотя, поневоле (в отличие от позиции С.М. Соловьева, учителя Ключевского, для которого Петр был «великим человеком»), то Милюков отказал Петру в роли реформатора, сделав вывод о реформе без реформатора.

Магистерская диссертация Рожкова была посвящена сельскому хозяйству Московской Руси в XVI в. (1900). Рожков разошелся с Ключевским в оценке роли внешней торговли в социально-экономической истории, считая, что внешней торговлей занимались исключительно социальные верхи (городские верхи и княжеская дружина), сосредоточившие в своих руках капитал; «глубины народного хозяйства остались нетронутыми внешней торговлей». Капитал понимался как суммированное богатство, а не только его денежное выражение. Начиная с XIII в., Рожков выделяет регионы на территории Руси, которые отличались друг от друга характером экономического развития. Друзья и однокурсники С.К. Богоявленский и Ю.В. Готье – представители поколения 1870-х гг. – также находились первоначально под сильным методологическим влиянием В.О. Ключевского. Многие его ученики (Милюков, Кизеветтер, Богословский, Рожков, Богоявленский) также занимались в семинаре П.Г. Виноградова, занимавшем сходную позицию с Ключевским в отношении работы с источниками. В этом педагоги были единогласны, дополняя друг друга. Мысли Ключевского обладали магнетизмом при его жизни, не утратили они своих качеств и в настоящее время. Для историков он особенно интересен высказанными им «методологическими предосторожностями» и предупреждениями, которые характеризуют глубинные научные прозрения ученого и сформулированы с присущей его текстам многозначностью при одновременной конкретной постановке проблемы и определения подходов к ее решению [9].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Попов А.С. В.О. Ключевский и его «школа»: Синтез истории и социологии. М., 2001. Bohn T.M. Russische Geschichtswissenschaft von 1880 bis 1905. Pavel N. Miljukov und die Moskaveschule. Köln-Weimar-Wien, 1998 (Бон Т.М. Русская историческая наука (1880 г. – 1905 г.). Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб., 2005); Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010. С. 23.
2. Подробнее см.: Тихонов В.В. А.И. Яковлев как историограф. Режим доступа: <http://russia-istoria.ru/library/text/item/1465-a-i-yakovlev-kak-istoriograf>.
3. Гришина Н.В. Указ. соч. С. 4.
4. Корзун В.П. О роли и месте научной школы в истории науки. Режим доступа: <http://arheologija.ru/korzun-o-rol-i-meste-nauchnoy-shkolyi-v-istorii-nauki/5>.
5. Гришина Н.В. Указ. соч. С. 17.
6. Толстов В.А. М.К. Любавский – действительный член Рязанской ученой архивной комиссии // Историографическое наследие провинции. Материалы IV научно-практической конференции, посвященной памяти Д.И. Иловайского и М.К. Любавского. Рязань, 2009. С. 37.
7. Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (научное наследие). М., 1987. С. 6.
8. Цит. по: Волобуев О.В. Н.А. Рожков: историк и общественный деятель. М., 2012. С. 22. С мая 1898 г. Рожков был приват-доцентом Московского университета.
9. Лачаева М.Ю. В.О. Ключевский об отношении историка к феномену памяти русского народа // Ключевские чтения – 2014. Россия и русский мир перед лицом глобальных угроз. М., 2015. С. 7.

УДК 940.54

ИСТРЕБИТЕЛИ «ЯК» И «МЕССЕРШМИТТ» НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ: СРАВНЕНИЕ В ЧЬЮ ПОЛЬЗУ?

Г.В. Уваров

В настоящей статье рассматриваются и сопоставляются тактико-технические характеристики, боевые возможности и способы наиболее эффективного применения самых распространенных на советско-германском театре военных действий самолетов истребительной авиации – семейства «Як» и различных модификаций Messerschmitt Bf 109. Опираясь на широкий круг работ разнообразного характера, автор подробно воссоздает крайне сложный процесс совершенствования советского истребителя специалистами бюро под руководством авиаконструктора Александра Яковлева и создателя авиационных двигателей Владимира Климова в условиях острого военного и технического превосходства «люфтваффе» над военно-воздушными силами Рабоче-крестьянской Красной Армии – особенно в течение первых двух самых тяжелых для нашей страны лет Великой Отечественной войны. В статье наглядно показано, как буквально по крупицам советские конструкторы повышали и совершенствовали конструктивные характеристики и боевой потенциал истребителя «Як», «подтягивая» его до уровня появившихся на советско-германском театре военных действий новых модификаций «мессера». Автор подробно и со знанием дела объясняет причины трудностей, возникавших в процессе создания и модернизации истребителей семейства Яков. Далеко не последнюю роль при этом играли такие факторы, как недостаточная мощность, моральное и техническое устаревание и исчерпание резервов дальнейшего совершенствования авиационных двигателей, которыми комплектовались истребители Яковлева и которые изначально представляли собой образчик европейского моторостроения конца 1920-х – начала 1930-х гг. На основе сопоставления разнообразных фактов и свидетельств технических специалистов и пилотов делаются выводы о сильных и слабых сторонах каждого из сопоставляемых истребителей.

Ключевые слова: Вторая мировая война, советско-германский фронт, ВВС РККА, «люфтваффе», истребитель, воздушная победа, техническое превосходство.

Наверное, еще не всеми забыта небольшая заметка начала 1990-х годов в газете «Аргументы и факты», в которой, пожалуй, впервые в нашей стране был официально опубликован список воздушных побед самых результативных немецких асов [1] Второй мировой войны. Но именно она вызвала на страницах периодических изданий долгую и бурную полемику в достоверности трехзначных боевых счетов германских «экспертов». Автор настоящей статьи не намерен вступать в дискуссию о том, насколько реальными или фиктивными были боевые счета пилотов истребителей всех воюющих держав и признает уместными предложения ряда исследователей «урезать» количество заявленных воздушных побед в среднем в три раза для получения более достоверных представлений об успехах каждого летчика [2]. На наш взгляд, сегодня гораздо важнее, опираясь на ставшие известными факты и сведения, сравнить подлинные возможности истребительной авиации обеих сторон, дать непредвзятую, объективную оценку условий, в которые были поставлены противостоящие «экспертам» советские летчики.

В советской историографии господствовала точка зрения, согласно которой «сталинские соколы» в первые месяцы войны располагали весьма незначительным количеством

современных истребителей [3], немалая часть которых была к тому же уничтожена на аэродромах в результате бомбардировок утром 22 июня, и были вынуждены принимать бой на устаревших машинах. Но 1942 г. ознаменовался началом решительного перелома в пользу ВВС РККА, чему способствовали титанические усилия партии, правительства и наркомата авиационной промышленности (НКАП) по наращиванию выпуска новой авиатехники и преодолению возникавших при этом трудностей, создание новой производственной базы в Заволжье, на Урале и в восточных районах страны, невиданный трудовой героизм тружеников тыла, постоянное совершенствование конструкций самолетов инженерным и техническим персоналом КБ, рост летного мастерства и боевого опыта советских пилотов и т.п. В ходе упорных сражений в небе Сталинграда, Кубани и Курска советские истребители окончательно восторжествовали над своими «нешадно битыми» противниками из люфтваффе и завоевали полное превосходство в воздухе. Действительно, в годы войны и конструкторы, и рабочие авиапредприятий самоотверженно трудились, не покладая рук, военно-политическое руководство жестко контролировало работу КБ и НКАП [4], военные летчики совершенствовали тактические приемы боя и проводили активную разъяснительную работу с пополнением и инструкторами военных летных училищ. Все направления этой многогранной деятельности сходились в одной точке – там, где завязывались схватки боевых порядков советских и немецких истребителей. Суровое фронтовое небо давало окончательную и беспристрастную оценку результативности всей проделанной ранее работы.

Но вместе с тем необходимо признать, что положение ВВС РККА как накануне войны, так и в военные годы оставляло желать лучшего практически во всем. «Отставание СССР (от мирового уровня авиастроения – Г.У.) было как бы эшелонировано по нескольким уровням, – отмечает Г. Герасимов, – самолеты (1-й уровень); моторы (2-й уровень); технологии (3-й уровень); станкостроение (4-й уровень); образование и культура производства (5-й уровень), и т.д.» [5]. Проблемы первого и второго уровней сталинское руководство стремилось решить, как уже отмечалось, в самые сжатые сроки. Но, «как показывает исторический опыт, настоящий, длительный, а не одномоментный, из последних сил, успех обеспечивается уровнями 3, 4, 5-х порядков, – констатирует Г. Герасимов. – Условий для их развития в 30-е гг. в СССР еще не было» [6].

Как нам представляется, немецкие истребители на протяжении первых трех лет Великой Отечественной войны по совокупности боевых качеств превосходили истребители ВВС РККА, т.е. были, в конечном счете, лучше. Причем «лучше» – это не значит быстрее, легче, маневреннее, сильнее с точки зрения штатного вооружения и т.д. Истребители люфтваффе, уступая советским разве что по маневренности, были, тем не менее, технически более совершенны, в большей степени приспособлены для уничтожения в воздухе летательных аппаратов противника – иными словами, для решения основной задачи самолетов такого класса. Предвидя, что подобное утверждение у многих может вызвать протест, постараемся его должным образом аргументировать, принимая в расчет особенности конструкции и боевые возможности самолетов Яковлева и Мессершмитта – основных истребителей на советско-германском фронте.

Для подтверждения этой мысли необходимо обратиться к цифрам. Советская авиапромышленность выпустила: истребителей ЛаГГ-3 всех модификаций (1941–1944) – 6528, в действующие части было отправлено 5924 [7]; истребителей МиГ-3 (1940–1942) – 3272 [8]; истребителей Як-1 всех модификаций (1940–1944) – 8720; истребителей Як-7 всех модификаций (1941–1944) – 6399 [9]; истребителей Як-9 всех модификаций с 1942 г. и до конца войны – 14579 [10]; истребителей Як-3 (с 1944 до мая 1945 г.) – 3550 [11]; истребителей Ла-5 всех модификаций (1942–1944) – 10003 [12]; истребителей Ла-7 во время войны – 5905, из них в действующие части было отправлено 2957 [13].

Таким образом, учитывая известную разницу между количеством произведенных на заводах и отправленных на фронт истребителей новых типов можно с определенной

уверенностью заявить, что на вооружении ВВС РККА в годы войны находилось 33248 самолетов типа Як и 22156 истребителей всех остальных типов [14]. Следует также принять во внимание, что боевые части, вооруженные МиГ-3, заметно уступавшими истребителям противника на средних и малых высотах, довольно скоро исключили из состава фронтовых воздушных армий и переподчинили командованию ПВО Московского военного округа. Становится очевидным, что более 60% истребительного парка ВВС РККА на протяжении всей войны составляли Яки, они же, в основном, и сражались на фронтах Великой Отечественной в тяжелейший для нашей страны период с июня 1941 по октябрь-ноябрь 1942 г.

Составить представление о количестве построенных истребителей Мессершмитт Вf 109 сложнее, поскольку в 1944–1945 гг. немецкие производители, а также их партнеры австрийского завода WNF и авиационных предприятий в Чехии, Венгрии и Румынии были вынуждены отправлять на фронт немалое количество машин, собранных из отдельных узлов и деталей различных модификаций. Это вносило путаницу в статистические сводки по выпуску истребителей, и поэтому итоговые цифры можно восстановить лишь в самом общем виде: Вf 109 F – произведено более 2000; Вf 109 G – 22054 [15]; Me 109 K – 534 [16]. Можно, таким образом, утверждать, что с осени 1940 г. и до конца войны в Европе люфтваффе получили более 24500 одномоторных поршневых истребителей Мессершмитт Вf 109 (с 1944 г. – Me 109), немалая часть которых использовалась на Восточном фронте [17]. Другой массовый немецкий истребитель – Фокке-Вульф FW 190 – был построен в количестве 20000 экземпляров, а на советско-германском ТВД его появление отмечено только осенью 1942 г.

Техническое отставание наших самолетов было обусловлено в первую очередь низким качеством авиационных моторов. Перед войной СССР не располагал технологиями должного уровня, специальными высокопрочными и жаростойкими сталями и сплавами, а также высокоточным металлообрабатывающим станочным парком. Поэтому в 1935 г. за рубежом был закуплен ряд лицензионных моторов для их производства на вновь построенных авиамоторостроительных заводах. Двигатель французской разработки Испано-Сюиза-12 V послужил исходным образцом для создания конструктором-моторостроителем В.Я. Климовым отечественного М-100. Его модификация М-105 и последующие [18] устанавливались на истребителях Яковлева. «Климов добился результатов, каких не смогла добиться сама эта фирма...» – восторженно вспоминает тогдашний нарком авиационной промышленности А. Шахурин. – Его двигатель был вдвое мощнее, сделанный, если можно так сказать, более тонко, но он не потерял прочности, надежности, имел большой ресурс работы» [19]. В самом деле, двигатели М-105 и М-105П, установленные на опытных образцах И-26 – прототипах Як-1, – были мощнее, но не «вдвое», как небрежно заметил Шахурин, а лишь на 23% [20]. Объективности ради отметим, что И-26 проектировался Яковлевым под перспективный мотор М-106 мощностью 1350 л.с., но создание последнего затягивалось. Угроза срыва сроков проектирования истребителя заставила А. Яковлева остановить выбор на менее мощном и высотном М-105. Отсутствие мощных двигателей жидкостного охлаждения определила на весь период войны генеральную линию развития истребителей Як – достижение сопоставимых с зарубежными аналогами характеристик за счет снижения массы планера, снятия части оборудования, вооружения, уменьшения запаса топлива. И-26-1 был спроектирован и построен всего за 8 месяцев, и в январе 1940 г. шеф-пилот фирмы Яковлева Ю. Пионтовский поднял его в воздух. «Уже первые испытания самолета, впоследствии получившего наименование Як-1, показали высокие аэродинамические качества новой боевой машины», – отметил А. Шахурин [21]. В действительности, «рекордные» сроки создания И-26 сразу же напомнили о себе самым неприятным и трагическим образом: в 42-х испытательных полетах общей продолжительностью 13 часов 9 минут пилот 15 раз прибегал к вынужденной посадке, главным образом, по причине недостаточной прочности конструкции;

за это время на самолете пришлось сменить 5 двигателей [22]. 27 апреля 1940 г. испытания И-26 были прерваны катастрофой и гибелью Пионтковского. Причиной тому послужила опять-таки слабость конструкции: у самолета отвалилось крыло во время выполнения фигуры высшего пилотажа – «бочки».

Гибель В. Чкалова на опытном самолете Н. Поликарпова И-180 во многом предопределила отрицательное отношение НКАП к этой многообещающей машине с мощным мотором воздушного охлаждения. Яковлев же, не будучи «королем истребителей», как уважительно именовали Поликарпова, к тому времени уже занимал пост заместителя наркома авиапромышленности и в 33 года успел превратиться в удачливого фаворита Сталина, которого убедил в непогрешимости концепции легкого истребителя и перспективности своего детища. Уже в мае 1940 г. на испытания в НИИ ВВС был передан И-26-2, причем руководство института согласилось на это лишь по причине беспрецедентного давления сверху и по той же причине провело испытания лишь на 65% от первоначально запланированных [23]. Заключение НИИ ВВС для любого другого самолета явилось бы приговором: И-26-2 госиспытаний не выдержал. В дефектной ведомости, включавшей 123 пункта, особое внимание обращалось на недостаточную прочность (такова была цена, уплаченная за облегчение самолета) и перегрев двигателя. «И-26 передали с недоведенными по температурному режиму ВМГ (винтомоторной группой – Г.У.), вооружением, шасси и недостаточной прочностью носка крыла, – авторитетно отмечает В. Алексеенко. – Самолет не испытали на пикирование, штопор и не опробовали на вооружение» [24].

Но «пробивные» способности Яковлева оказались поистине уникальны: еще до катастрофы И-26-1 началась постройка войсковой серии из 11 самолетов, переданных затем 12-му ИАП, дислоцировавшемуся в подмосковной Кубинке. Испытания И-26-2 еще не закончились, а уже были приняты постановления о массовом производстве истребителей Яковлева на заводах № 47 в Ленинграде, № 301 в Химках и № 292 в Саратове [25]. Все это время КБ Яковлева лихорадочно работало над созданием третьего прототипа – И-26-3. Этот самолет, получивший наименование Як-1, по результатам испытаний в НИИ ВВС осенью 1940 г. получил оценку «удовлетворительно».

Что же представлял собой Як-1 в начале войны? Это был деревянный самолет, имевший минимальное количество алюминиевых элементов обшивки и фактически лишенный бронирования. Силовой каркас был сварен из хромансильевых труб, популярных у советских конструкторов с 20-х годов, когда в СССР действовал авиазавод фирмы «Юнкерс». Эти трубы, будучи легкими, имели невысокий предел выносливости, но суровые условия фронтальной эксплуатации показали, что Яки долго не летали. На самолете отсутствовали радиостанция, посадочная фара, указатель остатка топлива, счетчик боеприпасов. Истребитель был вооружен 20-мм пушкой ШВАК, имевшей невысокую начальную скорость полета снаряда [26] и установленной в развале цилиндров мотора и двумя 7,62-мм пулеметами ШКАС, которые фронтовые летчики с известной долей сарказма называли «гуманным оружием» из-за их невысокой эффективности [27]. Все огневые точки имели систему пневматической перезарядки в случае возникновения задержек со стрельбой, приводимую в действие с помощью тривиальных рукояток на панели приборной доски, но эта система не отличалась надежностью, особенно на Яках первых серий выпуска.

В советских исследованиях Як-1 сравнивался с немецким Мессершмиттом Vf 109 E, что позволяло сделать вывод о качественном превосходстве советского истребителя. Но «Эмиль» (так называли немцы Vf 109 модификации «E»), продемонстрировавший свои незаурядные боевые возможности в период «Битвы за Англию», к началу войны против СССР рассматривался в Германии как устаревший и стоял на вооружении лишь некоторых участвовавших в осуществлении плана «Барбаросса» подразделений: II-й и III-й групп JG 27 [28] и JG 77. Основной костяк истребителей в составе JG 3, JG 51, JG 52, JG 53 и JG 54 составляли «Фридрихи»-Vf 109 модификации «F». Если Vf 109 F-1 имел мотор Даймлер-Бенц DB-601 N мощностью 1175 л.с., то F-4, появившийся в боевых частях в середине лета 1941 г., комплек-

товался более мощным DB-601 E (1350 л.с.). Vf 109 F-4 разгонялся до скорости 635 км/ч на высоте 6000 м, в то время как максимальная скорость Як-1 с мотором М-105 П на высоте 4860 м составляла 569 км/ч. Цельнометаллический «Фридрих» имел, как и Як-1, бронестекло и бронезаголовник сиденья пилота, но, кроме этого, также 8-мм бронеплиты, защищавшие спину и ноги летчика, и лист 5-мм брони для защиты цилиндров мотора от попаданий снизу (двигатель на Vf 109 устанавливался в перевернутом положении цилиндрами вниз). Бензобак Мессершмитта, в отличие от Яка, был протектированным: мелкие пробоины затягивались сами благодаря специальному устройству стенок. Самолет вооружался двумя 7,92-мм пулеметами MG 17 и центральной пушкой MG 151, комплектовавшейся стволом калибра 20 или 15,1 мм, причем последний вариант отличался большей скорострельностью и начальной скоростью полета снаряда. Селектор огня позволял пилоту вести стрельбу из любой огневой точки на выбор или всех одновременно. Остаток боезапаса пилот контролировал благодаря специальному счетчику.

Но главными преимуществами Vf 109 были его мощный и надежный двигатель и наличие ряда автоматов, облегчавших работу летчика. Практически все моторы на немецких серийных самолетах имели реальный ресурс работы не менее 100 часов до первого ремонта. Начиная с «Эмиля», все последующие модификации оснащались системой непосредственного впрыска топлива в цилиндры фирмы «Бош», что позволяло их пилотам, в отличие от летчиков Яков, не бояться маневров, сопровождавшихся отрицательными перегрузками (карбюраторные двигатели М-105 при отрицательных перегрузках давали перебои, а иногда и вовсе глохли из-за прекращения поступления топлива). Автоматика «мессера» регулировала температурный режим работы мотора, качество и количество топливной смеси, установку оптимального шага винта, управление полетом в соответствии с заданным курсом, обеспечивала «слепую» посадку, перезарядку оружия с помощью электропривода в случае возникновения неполадок при стрельбе. Для выполнения последней операции пилоту требовалось лишь отпустить гашетку и нажать ее вновь. Каждый немецкий самолет в обязательном порядке оснащался приемо-передающей радиостанцией, в то время как на первых 1000 серийных Яках радиостанции не устанавливались вовсе, а на последующих передатчиками комплектовался только каждый 15-й самолет, а остальные – только приемниками [29].

Яковлев понимал, что Як составит конкуренцию «Фридриху» только в том случае, если обретет более мощное «сердце». Поэтому он, игнорируя возражения В. Климова, добился через ГКО принятия решения о форсировании М-105 по наддуву. Результатом этой работы явился М-105 ПФ, мощность которого составила 1180 л.с. После установки этого мотора Як получил некоторое преимущество в скорости перед Vf 109 F на малых и средних высотах. Но за увеличение мощности пришлось заплатить снижением некоторых летно-технических характеристик. Диапазон высот, на которых Як эффективно сражался с «Мессершмиттом», сократился до 5000 м. Система охлаждения перестала справляться с возросшей теплоотдачей, и потому самолет мог лететь на максимальной скорости не более 2-х минут. При наборе высоты через каждые 2500-3000 м приходилось «делать площадки», т.е., переводить машину в горизонтальный полет для охлаждения двигателя. Кроме того, М-105 ПФ выбрасывал в атмосферу много масла, часть которого оседала на остеклении кабины и существенно ухудшала обзор из нее. Летчикам приходилось летать с открытыми сдвижными частями фонарей кабин, а этот прием при боевом маневрировании «съедал» 10-15 км/ч скорости.

Впрочем, относительное равенство боевых возможностей Яков с М-105 ПФ и немецких истребителей сохранялось недолго. Осенью 1942 г. на советско-германском фронте появился «Густав»-Vf 109 модификации «G», оснащенный новым двигателем DB 605 А мощностью 1475 л.с. Появление нового грозного противника, превосходившего по своим характеристикам Як, произошло в критический момент – в ходе Сталинградской битвы. Для Яковлева повышение боевой эффективности истребителей за счет роста мощности

моторов, как это делали немцы, было невозможным, поэтому пришлось прибегнуть к уже опробованным методам – снижать полетную массу и совершенствовать аэродинамику. Напряженное положение с алюминием не позволяло заменять деревянные элементы конструкции металлическими, а резервы улучшения аэродинамических качеств КБ Яковлева сочло в тот момент практически исчерпанными. Поэтому с Яков стали снимать все, без чего самолет сохранял возможность летать и стрелять: радиооборудование (если оно было ранее установлено), пулеметы ШКАС (!), систему пневматической перезарядки оружия с баллоном сжатого воздуха и т.д. Распоряжение о постройке войсковой серии из 20 самолетов отдал Г.М. Маленков, курировавший в то время в ЦК ВКП (б) авиапромышленность [30]. «Улучшенный» Як-1 был вооружен лишь одной 20-мм пушкой, но зато возросли его скороподъемность и маневренность в результате уменьшения полетной массы примерно на 160 кг.

Но идея облегчения боевой машины за счет ослабления вооружения была в штыки встречена военными, и потому новых подобных истребителей строить не стали. К этому времени у инженерно-технического персонала ЦАГИ, 1-я лаборатория которого проводила работы по Яку, уже был подготовлен ряд предложений по дальнейшему совершенствованию аэродинамических свойств. Параллельно с исследованиями ЦАГИ улучшением летно-технических качеств своего детища занималось и яковлевское КБ. Все эти усилия воплотились в самолете Як-1 Б, который, как показало небо Сталинграда, по основным характеристикам сравнялся с Vf 109 G и традиционно превосходил его по маневренности в горизонтальной плоскости. Истребитель вооружался все той же мотор-пушкой ШВАК и 12,7-мм пулеметом УБС.

В ходе Сталинградской битвы немецким истребителям, наряду с Як-1, противостояли также Як-7 и Як-9. Два последних имели явно выраженное внешнее сходство с Яком-«прародителем», аналогичные двигатель М-105 ПФ и силовой каркас. Но, в сущности, это были другие машины, имевшие смешанную конструкцию крыльев из деревянных и дюралюминиевых элементов и цельнометаллическое горизонтальное и вертикальное хвостовое оперение. Як-7, разработанный ведущим инженером КБ Яковлева К.В. Синельщиковым на базе учебного истребителя УТИ-26, имел по сравнению с Як-1 большую устойчивость и управляемость, чем понравился фронтовым летчикам. Конструкторам удалось несколько повысить не только прочность, но и живучесть самолета: на нем устанавливались протектированные бензобаки. Як-7 Б (лучшая модификация Яка-«седьмого») был на 120 кг тяжелее Як-1 Б, но превосходил последнего по скорости и имел на один пулемет УБС больше. Но у фронтовых летчиков и по отношению к Як-7 возникали претензии, вызванные, главным образом, надежностью стрелкового вооружения. «Пушка и пулеметы, установленные на нем, все еще довольно часто отказывали в бою, – вспоминает авиационный специалист А.Ф. Семенов, инспектировавший по заданию Г.М. Маленкова боевые части в 1942 г. – Я считал, что лучше иметь менее скорострельное, но более надежное оружие» [31]. Впрочем, на подобные отказы жаловались и пилоты «Мессершмиттов». «20-мм пушку Vf 109 часто заклинивало во время боя, – вспоминал командир III./JG 51 Хайнц Ланге, сравнивая FW 190 и Vf 109G не в пользу последнего. – Я упустил по меньшей мере шестерых по этой причине» [32]. Очевидно, что в каждом случае потеря драгоценных мгновений на перезарядку давала потенциальной жертве шанс уцелеть. И все же, несмотря на самоотверженные усилия конструкторских коллективов, во фронтовых подразделениях предпринимаемые по улучшению боевых качеств Яков меры воспринимались как недостаточные. Как свидетельствует В.Алексеев, летный состав частей, воевавших осенью 1942 г. на Як-1 и Як-7, считал, что для успешного исхода воздушного сражения под Сталинградом «на каждого немца необходимо иметь пару «Яков» [33].

Дальнейшим развитием Як-7 стал Як-9 – самый массовый истребитель ВВС не только РККА, но и всех, за исключением Германии, воюющих держав. Он постоянно и кропотливо совершенствовался, причем одна из его многочисленных модификаций,

Як-9 М, появившаяся на фронте в мае 1944 г, выгодно отличалась от всех предыдущих. Это был первый истребитель Яковлева, на котором удалось устранить все конструкционные и производственные дефекты, отмеченные в рекламационных актах и дефектных ведомостях.

В большинстве исследований советского и современного периода проводится мысль о том, что, начиная с 1943 г., советские конструкторы сумели создать образцы истребителей (Як-9, Як-3, Ла-5 ФН, Ла-7), превосходившие по совокупности боевых возможностей «Мессершмитты» и «Фокке-Вульф» противника. Как нам представляется, подобное суждение требует определенной корректировки. Радикального качественного прорыва в советском авиастроении не произошло хотя бы потому, что остались прежними качество моторов, уровень культуры производства и т.п. В том, что «Мессершмитт» стал все чаще проигрывать воздушные схватки Яку, одну из главных ролей сыграл фактор объективного рода – моральное устаревание немецкого истребителя, ставшее очевидным уже в 1943 г. [34]. Появление во фронтовом небе Вф 109G 6 – самой многочисленной модели «Густава» – ознаменовало начавшуюся тенденцию к обвальному нарастанию его полетного веса. Увеличение скорости и усиление огневой мощи машины было достигнуто за счет ухудшения ее летно-пилотажных характеристик. Последующие серийные разработки «Густава» – G 10 и G 14, а также последняя серийная модификация Me 109 K 4 («Карл») заставляли управлявших ими пилотов, особенно обладавших недостаточным опытом, чаще чувствовать себя не охотником, а жертвой. При этом следует заметить, что отчаянная ставка на увеличение скорости, усиление стрелкового вооружения и бронирования была обусловлена не прихотью немецких авиаинженеров, а изменением обстановки на Западном фронте, поскольку в ходе самоубийственных атак сплоченных оборонительных порядков бомбардировщиков союзников разгонные характеристики, вес секундного залпа и живучесть истребителя значили намного больше, нежели его маневренность.

Возвращаясь к истребителям Яковлева, отметим, что Як-9 имел отличную маневренность, был легок и приятен в управлении, но при этом оставался, в сущности, весьма архаичным самолетом. В 1944–1945 гг. только СССР строил истребители с подобной схемой конструкции. Большое количество его модификаций (22, из которых 15 строились серийно и 4 – крупными сериями), подается как главное достоинство самолета, пригодного для выполнения любой фронтовой «работы». Но вплоть до появления Як-9 М его предшественники имели один общий недостаток, смертельно опасный для летчика: отрыв обшивки от дюралюминиевого каркаса крыла. В условиях повышенной влажности это могло произойти даже при выполнении энергичного маневра. довольно часто обшивка вспучивалась и разрушалась после попадания в крылья нескольких пуль пристрелочной пулеметной очереди немецких самолетов [35].

На Як-9 М прочность крыла впервые за 2 года производства «девяток» была доведена до соответствия техническим требованиям. Но следующая и последняя крупносерийная модификация – Як-9 У (улучшенный) – неприятно поразила пилотов и механиков капризами нового двигателя ВК-107А мощностью 1500 л.с. На госиспытаниях Як-9 У с таким мотором развил скорость 600 км/ч у земли и 700 км/ч на высоте 5600 м, что позволило инженерам НИИ ВВС отметить в соответствующем акте, что этот истребитель является лучшим из всех известных отечественных и зарубежных аналогов. Но ВК-107А в то время годился только для испытаний и никак не для серийной постройки. Уже на втором моторе через 9 часов работы разрушились коренные подшипники коленчатого вала – и это при заявленном В. Климовым ресурсе безаварийной работы в 100 часов! Остается догадываться, почему во время войсковых испытаний каждый ВК-107А работал не более 7 часов. Но даже за это время летчики и механики успевали обратить внимание на усиливающееся дымление моторов, что говорило о выработке гильз и об износе поршневых колец и, как следствие, существенной потере мощности. В. Климову пришлось официально признать, что ресурс ВК-107А составляет 25 часов (!), но... лишь немногие экземпляры

работали все это время. Гораздо чаще случалось, что мотор приходилось снимать по причине износа через 10-20 часов эксплуатации! ВК-107А имел чрезвычайно напряженный тепловой режим и громадными порциями выбрасывал масло – около 30 кг за 30-35 минут полета. Обычным явлением были периодическая лихорадочная тряска двигателя и частый выход из строя свечей зажигания. По мере набора высоты давление масла снижалось и при достижении 6000 м падало ниже минимально допустимого уровня, что значительно ускоряло износ. С фронтов поступали многочисленные жалобы на работу капризного ВК-107А, что, в конце концов, заставило провести его новые испытания в НИИ ВВС в декабре 1944 – феврале 1945 гг. В выводах комиссии НИИ значилось, что серийный Як-9У с ВК-107А испытаний не прошел, но и после этого поставка истребителей на фронт продолжалась [36].

Весной 1944 г. во фронтовые части начал поступать Як-3, о замечательных летно-пилотажных свойствах которого много написано в советской и постсоветской литературе. Этот очень легкий истребитель, явившийся дальнейшим развитием Як-1 и заслуживающий определения вооруженного спортивного самолета, отлично летал, но очень плохо выдерживал боевые повреждения и крайне редко переживал вынужденные посадки. Облегчение Як-3 по сравнению с Як-1 было достигнуто, главным образом, за счет уменьшения площади крыла на 2,3 м². При этом неизбежно возросла нагрузка на крыло, имевшее такую же конструкцию, как на Як-9. В итоге, Як-«третий» получился машиной ненадежной и настолько хлипкой, что попытка установить на нем ВК-107А оказалась безрезультатной: крылья (или «плоскости», как говорят конструкторы и летчики) оказались неспособны держать в воздухе самолет с более тяжелым и мощным мотором. Яковлеву пришлось смириться с установкой проверенного и более надежного ВК-105ПФ2 – дополнительно форсированного варианта ВК-105ПФ (1240 л.с.).

Контрольных испытаний в августе 1944 г. Як-3 не выдержал, но на фронт эти самолеты все-таки отправлялись. Уже в действующей армии проводились войсковые испытания, выявившие немало конструкционно-производственных и эксплуатационных дефектов. Самым массовым и опасным из них явилось отставание фанерной обшивки плоскостей после 20-25 часов налета. Причиной 5 катастроф и 3 аварий послужило одно и то же явление – разрушение крыльев. В сентябре 1944 г. один из полков 3-го ИАК РВГК перегнал на фронт 40 Як-3. В сентябре-октябре 1944 г. на двух самолетах разрушились крылья в сходной ситуации – при выводе их из пикирования. Ремонт и усиление плоскостей оставшихся новых Яков закончился только в декабре 1944 г., и, следовательно, все это время они в боях не участвовали. Возросший поток жалоб и критики в адрес «самого легкого и маневренного» истребителя заставил провести его очередные испытания в начале 1944 г. В одном из испытательных полетов у произвольно выбранного серийного Як-3... отломилось крыло! Летчику-испытателю С. Анохину, можно сказать, повезло: он получил тяжелую травму и лишился глаза [37]. Французским летчикам из состава авиаполка «Нормандия» везло меньше: известно, как минимум, о двух случаях разрушения крыльев Як-3 во время боевого маневрирования.

И в заключение скажем несколько слов о маневренности Яков в горизонтальной плоскости, дававшей им безусловное преимущество перед всеми типами и модификациями немецких истребителей. В самом деле, наши пилоты, имевшие боевой опыт, могли на горизонтальных виражах превзойти любого «эксперта» люфтваффе. Но последние, не желая вести схватки на заведомо невыгодных условиях, с 1941 г. избегали участвовать в силовых маневренных боях, называемых ими полупрезрительно «собачьими свалками». Их тактика была иной: «Мессершмитты» подходили к линии фронта на большей высоте, чем Яки, а затем атаковали советские самолеты с пологого или крутого пикирования, используя энергию разгона. Если же бой неожиданно складывался не в их пользу, они могли, перейдя в крутой набор высоты, уйти вверх и выйти из боя, или повторить атаку с другого положения. Иными словами, Вф 109, используя превосходство в вертикальном

маневре, навязывали свою схему боя. «Немецкие летчики не ведут бой на виражах, так как знают, что становящийся в вираж теряет инициативу в бою, отдавая ее тому, кто ведет бой на вертикальном маневре, – находим мы в книге «Тактика истребительной авиации», изданной под грифом «для служебного пользования» в 1943 г. Примечательно, что авторы книги не рекомендуют советским пилотам «переводить бой на виражи... вследствие общих недостатков боя на виражах», имея в виду неизбежную потерю скорости и высоты. Тон итоговых выводов представляется еще более категоричным: «не втягиваться в бой на виражах, чтобы не потерять инициативу» [38]. И хотя в воспоминаниях наших прославленных асов нередко описания эпизодов воздушных боев с использованием горизонтального маневрирования, становится очевидным, что этим бесспорным преимуществом Яков их пилоты могли воспользоваться далеко не всегда.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны СССР располагал малочисленной и недоукомплектованной до нужного состояния новой авиационной техникой. Три последующих тяжелейших года истребительный парк ВВС РККА находился в незавидном положении «отстающей-догоняющей» стороны. Тем не менее, за это время нам удалось нанести люфтваффе невосполнимый урон и завоевать превосходство в воздухе. О том, какую цену пришлось уплатить за это, написано немало. Остается добавить, что в силу ряда объективных и субъективных причин отечественные КБ и НКАП пошли по пути создания и массового выпуска истребителей из недефицитных материалов, «числом поболее, ценою подешевле». Возможно, это было в известной мере оправданным в условиях острейшего хронического дефицита самых разных видов военных материалов и сырья, который испытывала советская авиационная промышленность в 1941–1942 гг. [39].

Но прямым следствием такого подхода явились громадные потери материальной части советских истребительных подразделений, причем в этом печальном списке лидировали части, оснащенные именно Яками. Автор надеется, что материалы данной статьи в некоторой степени позволят понять, почему многие «эксперты» люфтваффе имели впечатляющие счета личных побед даже при условии их «урезания» втрое.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В люфтваффе (военно-воздушных силах фашистской Германии) использовался термин «эксперт», а не «ас», как в ВВС других воюющих держав. Право называться «экспертом» летчик-истребитель получал после 15 воздушных побед, в то время как «асом» можно было стать после 5 побед.
2. См.: Щербаков А. Крапленые тузы // *Авиация и космонавтика*. 1998. № 3. С. 39; Корнюхин Г. И вновь эксперты люфтваффе. Предисловие к кн.: Спик М. Асы люфтваффе. Смоленск, 1999. С. 13; Спик М. Указ. соч. С. 313; Рыбин Ю. Уравнение с одним неизвестным, или Снова о воздушных победах асов II Мировой войны (советский вариант) // *АвиАМастер*. 1999. № 5. С. 31.
3. С этим нельзя не согласиться после ознакомления с материалами статьи историка авиации В. Алексеенко, с 1934 г. служившего в ВВС РККА, бывшего ведущего инженером НИИ ВВС. На основании исследования документов в фондах ЦАМО, РГВИА, РГАЭ он приходит к выводу, что «в ВВС Западных приграничных округов было 304 истребителя и 73 Пе-2, всего 377 самолетов нового типа» (Алексеенко В. Советские ВВС накануне и в годы Великой Отечественной войны // *Авиация и космонавтика*. 2000. № 2. С. 4).
4. Любопытный пример такого контроля приводит в своих воспоминаниях А.И. Шахурин. «В двигателе, который ставили на истребитель Яковлева, конструктор Климов увеличил наплыв в картере, чем утяжелил мотор на 200 граммов (! – Г.У.), – вспоминает он. – Именно в этом месте к картеру крепилась пушка, проходившая через редуктор. Когда... стрельбу стали вести в воздухе, в месте крепления пушки к картеру появились трещины. Вот и увеличили немного наплыв в картере. Моторы стали выдерживать стрельбу». Ша-

- хурин далее утверждает, что Сталин, лично рассматривавший этот, как и многие другие, случай, распорядился объявить ему выговор за нарушение приказа НКАП № 518 от 2 октября 1940 г. о соблюдении технологической дисциплины на заводах авиационной промышленности (Шахурин А. Крылья победы. М., 1985. С. 93-94).
5. Герасимов Г. Количественно-качественная характеристика ВВС РККА накануне войны // *Авиация и космонавтика*. 2000. № 1. С. 6.
 6. Там же.
 7. Алексеенко В., Никольский М. Истребители Лавочкина в Великой Отечественной войне // *Авиация и космонавтика*. 2000. № 5-6. С. 8.
 8. Косминков К., Гринюк Д. Самолеты «сталинских соколов». Советские самолеты 1920-1945 гг. СПб., 1992. С. 8.
 9. Там же; Никольский М. Истребители Яковлева Як-1, Як-7, Як-9, Як-3 // *Авиация и космонавтика*. 1999. № 5-6. С. 12.
 10. Степанец А.Т. Истребители «Як» периода Великой Отечественной войны. М, 1987. С. 111. Всего было построено 16769 Як-9.
 11. Косминков К., Гринюк Д. Указ соч. С. 37. Всего в 1944-1946 гг. было произведено 4848 Як-3 (Никольский М. Указ. соч. С. 19).
 12. Косминков К., Гринюк Д. Указ соч. С. 38.
 13. Алексеенко В., Никольский М. Указ. соч. С. 15.
 14. Не учтено количество истребителей И-15 бис, И-153 и И-16, находившихся на вооружении ВВС РККА в начале войны, а также боевых машин иностранного производства, поставлявшихся в СССР в соответствии с соглашением о ленд-лизе. Но цифры, обозначающие их количество, в незначительной степени способны повлиять на общую статистику и, следовательно, могут не приниматься во внимание.
 15. Не учтены 50 построенных Вф 109 G3, использовавшихся только на Западном фронте (Катков В., Фирсов А. Истребитель Мессершмитт Вф 109 // *Авиация и космонавтика*. 1999. № 5-6. С. 61).
 16. Там же. С. 57-61. Авторы утверждают, что модификация Вф 109 К 4 была размножена в 1200 экземплярах, но на фронт до 30 ноября 1944 г. было отправлено только 534 самолета.
 17. В. Катков и А. Фирсов утверждают, что в первые месяцы войны против СССР в сражениях против ВВС РККА применялось около 450 Вф 109 модификации «Е», предшествовавшей следующей – «F», но к началу 1942 г. в боевых частях их уже фактически не осталось (Катков В., Фирсов А. Указ. соч. С. 61).
 18. С начала 1943 г. по решению правительства моторы КБ В.Я. Климова стали обозначать инициалами главного конструктора: ВК-105, ВК-106, ВК-107 и т.д. (Григорьев Н., Берне Л. С «движками» Климова // *Крылья Родины*. 1993. № 11. С. 27).
 19. Шахурин А. Указ. соч. С. 61.
 20. Французский двигатель имел мощность 860 л.с.; М-105 – 1060 л.с., М-105П – 1050 л.с. (Кузнецов С. Первый Як. М., 1995. С. 62-63).
 21. Шахурин А. Указ. соч. С. 52.
 22. Степанец А. Указ соч. С. 12; Никольский М. Указ соч. С. 2.
 23. Степанец А. Указ. соч. С. 17.
 24. Алексеенко В. В суровые годы войны. О советском моторостроении // *Крылья Родины*. 2000. № 5. С. 14. А. Степанец отмечает, что крыло И-26-1 имело только 67% прочности согласно нормам редакции 1939 г. (там же. С. 17).
 25. Никольский М. Указ. соч. С. 5.
 26. Как вспоминал нарком вооружения Б.Л. Ванников, пушка ШВАК была сконструирована на основе крупнокалиберного пулемета путем установки сменного 20-мм ствола и увеличения размера дульца гильзы до максимально возможного такого же внутреннего диаметра. При этом объем пороховой камеры для нового снаряда возросшей массы и, следовательно, количество порохового заряда остались такими же, что и для пули

- 12,7 мм, что снизило начальную скорость полета снаряда (Русецкий А. Фокке-Вульф FW 190 А, F, G. Минск, 1994. С. 17).
27. Медведь А.Н. Фокке-Вульф FW 190. М., 1993. С. 58.
28. Никольский М. Указ. соч. С. 34; Ledwoch J., Skupiewski A. Messerschmitt Bf 109. Gdansk, 1994. S. 56. JG – Jagdgeschwader – истребительная эскадра. Состояла из истребительных групп (Gruppe), обозначавшихся римскими цифрами и делившихся на эскадрильи (Staffel), нумерованные арабскими цифрами. Как правило, эскадрилий в группе было три, и они имели сквозную нумерацию в составе эскадры (например, 7, 8 и 9 эскадрильи входили в состав III группы). Эскадрилья обычно состояла из 9-12, группа – из 30-36, эскадра – из 100-120 истребителей.
29. Алексеенко В. Советские ВВС накануне и в годы... С. 7; Синайский В. Знакомство с «мессером» // Крылья Родины. 1992. № 11. С. 7.
30. Кузнецов С. Указ. соч. С. 45, 47; Никольский М. Указ. соч. С. 8.
31. Семенов А.Ф. На взлете. М., 1969. С. 67.
32. Цит. по: Асы Люфтваффе. Пилоты FW 190 на Восточном фронте: В 2-х ч. / Сост. Егерс Е.В. Ч. 1. Рига, 1997. С. 10.
33. Алексеенко В. В суровые годы войны... С. 15.
34. При этом, разумеется, необходимо учитывать рост профессиональной выучки и боевого мастерства советских пилотов, использование ими накопленного опыта, в том числе и немецкого, гибель многих «экспертов» высокого класса, которая не могла быть восполнена за счет менее квалифицированного молодого пополнения и другие факторы.
35. Лейпник Д. Як-9: рядовые небес. Киев, 2000. С. 14-15.
36. Никольский М. Указ. соч. С.15; Алексеенко В. В суровые годы войны... С. 16. Всего из 16769 Яков – «девяток» было построено 3921 серийный Як-9У (Степанец А. Указ. соч. С. 111; Лейпник Д. Указ. соч. С. 34, 60).
37. Алексеенко В. В суровые годы войны ... С. 16; Щербаков А. Летные испытания на прочность // Авиация и космонавтика. 1998. № 10. С. 40.
38. Тактика истребительной авиации // Аэроплан. 1994. № 2. С. 3, 8, 12.
39. Подробнее об этом: Шахурин А. Указ. соч. С. 141-213.

Фото 1. Мессершмитт Bf 109 G6, зима 1942–1943 гг.

Фото 2. Мессершмитт Bf 109 G2 из эскадры JG 54

*Фото 3. Техническое обслуживание Bf 109 F4 перед очередным вылетом.
Зима 1941–1942 гг.*

удк 94(47).084.9

СТРУКТУРА ПИТАНИЯ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА Н.С. ХРУЩЕВА

В.Н. Томилин

Статья посвящена анализу важнейших аспектов социально-экономического развития советского общества в период политического лидерства Н.С. Хрущева. Она базируется на рассмотрении итогов обследования бюджетов населения СССР 1950-х – 1960-х гг. В публикации отражена положительная динамика в изменении структуры потребления продовольствия населением СССР в первые послевоенные десятилетия. Исследование бюджетов населения позволило выявить общее и особенное в уровне жизни и структуре потребления материальных благ различных категорий городского населения – семей рабочих, инженерно-технических работников, а также жителей деревни – семей рабочих совхозов и колхозников. Показана динамика уровня жизни населения в период хрущевского реформаторства, а также выявлены нерешенные проблемы. Особое внимание в статье уделяется изучению положения семей колхозников. Это – размер доходов и его источники, потребление ими продовольственных товаров, роль личного подсобного хозяйства и т.д. Обобщенные данные по СССР показывали только общие тенденции развития колхозной деревни. Статистические материалы бюджетного обследования дали возможность исследовать данный вопрос в региональном разрезе, в итоге были выявлены регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры. Правительственная политика, направленная на выравнивание уровней социально-экономического развития регионов, на преодоление отставания деревни от города в период 1950-х – начала 1960-х гг., оказалась неэффективной. Курс руководства страны на построение коммунизма на деле вылился в пропагандистскую кампанию. Структура питания основных категорий городского населения была далека от оптимальной. Она определялась не только уровнем доходов населения, но и предложением продовольственных товаров. В сельской местности указанные проблемы проявились еще более рельефно.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства; колхозы; семьи колхозников; семьи рабочих, уровень жизни населения.

Добившись политического лидерства, Н.С. Хрущев стремился подкрепить свои позиции успехами в социально-экономическом развитии страны. Эти две составляющие поведения Первого секретаря ЦК КПСС следует рассматривать в неразрывном единстве. Хрущев для подкрепления своих амбиций в сентябре 1953 г. организовал партийный пленум по вопросам развития сельского хозяйства. Решения сентябрьского пленума были во многом новаторскими: разрабатывается экономический подход к решению проблем развития советской деревни, в основе которого лежал курс, предусматривающий перевод сельского хозяйства на путь интенсификации. Перевод аграрного сектора экономики на интенсивный путь развития предполагал системный подход к решению задачи. Это и укрепление его материально-технической базы, качественное улучшение агрокультуры, укрепление кадров механизаторов и специалистов. На это требовались финансовые ресурсы и время. К середине 1950-х гг. страна восстановилась после Великой Отечественной войны, появились возможности для проведения политики сбалансированного развития различных отраслей экономики, прежде всего, промышленности и сельского хозяйства. Понимание переживаемого этапа развития было представлено Председателем Совета Министров СССР Г.М. Маленковым еще в августе 1953 г. во время выступления на сессии Верховного Совета СССР. В целом аналогичное настроение сопровождало и вскоре начавшего работу сентябрьского пленума ЦК партии. В начале 1954 г. Н.С. Хрущев занимал

пост Первого секретаря ЦК КПСС, но его политическое лидерство еще не стало безоговорочным. Рядом находились сталинские тяжеловесы, такие как Г.М. Маленков, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович и др. Для повышения собственной значимости Н.С. Хрущев пошел на резкий разворот аграрной политики советского государства, ему хотелось «делом» доказать обоснованность своих амбиций. Уже в феврале 1954 г. созывается пленум ЦК КПСС, в центре внимания которого вновь оказались вопросы развития аграрного сектора. Только на этот раз проблема интенсификации сельского хозяйства не обсуждалась. Более того, теперь речь шла о расширении посевных площадей и освоении целинных и залежных земель. Хрущев внушил активу партии мысль о том, что такая политика позволит сэкономить миллиарды рублей и выиграть время [1]. Так было положено начало целинной кампании.

Самый грандиозный аграрный проект Н.С. Хрущева оказался крайне затратным и экономически неэффективным. Урожайность целинных гектаров на уровне 20-30 ц зерна оказалась только в воображении авторов идеи. А в действительности все оказалось иначе. Районы освоения целины – это зоны рискованного земледелия, высокая урожайность за счет естественного плодородия на одном уровне долго держаться не может. В 1956 г. целинные земли дали рекордный урожай на уровне 11,4 ц зерна с гектара. Это достижение Н.С. Хрущев расценивал как личный подвиг, за него он был удостоен звания Героя Социалистического труда. Однако уже в следующем 1957 г. урожай зерна на целине составил всего лишь 4,3 ц. Пришлось осваивать новую систему земледелия, вести борьбу с сорняками, ветровой эрозией, привлекать дополнительные материально-технические ресурсы. В целинной кампании было задействовано 1,7 млн человек, для обустройства их также требовались время и деньги [2]. Традиционные земледельческие центры не получали средств на развитие, в то время как они растрачивались в необжитых районах. В результате к началу 1960-х годов в СССР не удалось решить продовольственную проблему, в стране элементарно не хватало зерна.

Социально-экономическая политика Н.С. Хрущева – это череда экспромтов и экспериментов. Неудачи политики освоения целины несколько не повлияли на его увлеченность радикальными мерами. В 1958 г. начинается реформа по реорганизации МТС, она без преувеличения затронула каждого жителя деревни. Путем продажи сельскохозяйственной техники МТС колхозам государство стремилось пополнить казну. Ввиду особой значимости мероприятия власть организовала всенародное обсуждение реформы по уже принятому решению (!). Все опять свелось к политической кампании. Разумеется, вновь «народ поддержал» намерения партии и правительства. Постановление февральского пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» предполагало поэтапное проведение реформы на протяжении ряда лет. В действительности произошла ликвидация структуры МТС, являвшейся опорной конструкцией аграрной экономики [3]. Уже к зиме 1958 г. 80% МТС было реорганизовано и 75% колхозов купили сельскохозяйственную технику на сумму в 20 млрд руб. [4].

На рубеже 1950-х – 1960-х гг. правящая партия объявила курс на построение коммунизма в СССР. В 1961 г. XXII съезд КПСС принял новую программу – программу построения коммунистического общества. В течение ближайших 20 лет предполагалось создать такой экономический базис, который обеспечить «изобилие материальных и культурных благ для всего населения», «общество вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям» [5]. В ней было заявлено о том, что в самой ближней перспективе будут удовлетворены основные потребности человека. Партийная пропаганда проповедовала прекрасное коммунистическое завтра, создавая некое «зазеркалье», совершенно оторванное от реальной жизни. Реприза популярных советских артистов Тарапуныки (Юрий Тимошенко) и Штепселя (Ефим Березин) стала народной. На вопрос: «Где ты продукты покупаешь?» следовал ироничный ответ: «Да я сумку к радиоприемнику подвешиваю!». Эта шутка неизменно вызывала бурный восторг у слушателей. Газеты, радио и телевидение постоянно твердили о том, как страна догоняет Америку по производству мяса и молока на душу населения. Продуктов же в магазинах становилось все меньше и меньше. Причем пропадали те самые товары, которых, если

послушать радио, становилось все больше и больше – именно мясо и молочные продукты. Затем вдруг дефицитом стали растительное масло, хлеб, крупы [6].

В начале 1960-х гг. советская страна переживал острейший кризис потребления, население испытывало недостаток в продуктах питания, товарах повседневного и длительного спроса, в жилье и т.д. Особенно тяжелым было положение с продовольствием. Аграрная политика Н.С. Хрущева провалилась. Сельское хозяйство не могло развиваться в таких экономических условиях, когда затраты на производство продукции превышали директивно установленные цены на нее. С экономической точки зрения это была тупиковая ситуация. И пропагандистские лозунги о соображениях высокого государственного порядка, внушаемые властью, ситуацию не меняли.

Политика государственных закупочных цен на продукцию сельского хозяйства – это вопрос вложения ресурсов в аграрный сектор экономики. Руководство страны было вынуждено признать необходимость привлечения дополнительных финансовых средств на развитие деревни. У государства денег не было, потому принимается вариант перераспределения финансовых потоков в аграрный сектор путем повышения закупочных и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное. 17 мая 1962 г. Совет Министров СССР принимает постановление «О повышении закупочных (сдаточных) цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, птицу, масло животное и сливки и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное». Оно предусматривало значительное повышение их на мясную и молочную продукцию колхозов. Закупочные цены на скот и птицу с 1 июня 1962 г. в среднем по стране поднимались на 35%, на животное масло – на 10% и на сливки – на 5%. Для совхозов и других государственных предприятий цены на крупный рогатый скот, свиней, кроликов и птицу устанавливались на 10% ниже. В постановлении разъяснялось положение о необходимости увеличения розничных цен на продукты питания – «в целях сокращения убытков, которые несет государство при продаже населению мяса, мясопродуктов и масла животного, а также установления более правильного соотношения между закупочными и розничными ценами на продукцию животноводства» [7].

31 мая 1962 г. населению было объявлено о повышении цен на мясо и мясные продукты в среднем на 30%, на колбасные изделия – на 31%, а также на масло животное – на 25%. Правительственное известие вызвало взрыв массового недовольства граждан. Службы государственной безопасности направляли информацию о тревожной обстановке в промышленных центрах, союзных республиках и областях. Руководство правящей партии и правительство опасались роста протестных настроений среди населения. Новочеркасская трагедия 2 июня 1962 г. свидетельствовала о том, что трудящиеся доведены до опасной черты. Для получения объективной информации о реальном положении различных социальных групп правительство поручило органам статистики провести их бюджетное обследование. ЦСУ СССР разработало данные выборочного обследования семейных бюджетов рабочих, колхозников и служащих за девять месяцев 1962 г. Органы статистики ставили своей целью определить влияние на бюджет семьи рабочего и колхозника повышения розничных цен на мясо, мясопродукты и масло животное. В ЦК КПСС была направлена аналитическая записка ЦСУ СССР «Об итогах обследования бюджетов населения за девять месяцев 1962 года и о влиянии на бюджет семьи повышения розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное» – источник, весьма информативный по содержанию и обширный по объему [8]. Документ содержит почти полсотни страниц машинописного текста и большой цифровой материал, размещенный по таблицам. Текстовый материал является разъяснением разнообразных статистических цифровых данных. На 1-й странице документа стоит гриф «Секретно». Он был предназначен лишь для служебного пользования. Положение изменилось только после «архивной революции» конца 1990-х – начала 2000-х гг.

Аналитическая записка по итогам обследования бюджетов населения 1962 г. носила совершенно закрытый характер, предназначались исключительно для информирования высшего руководства партии и государства о ситуации в стране. Указанное обстоятельство делает

названный источник в высшей степени достоверным и репрезентативным. Опираясь на итоги статистического обследования населения 1962 г., можно определить основные показатели уровня жизни населения. Уровень жизни населения является базовым показателем общественного развития, он характеризует эффективность социально-экономической политики государства. В обществоведении существует большое количество определений данной категории. Чаще всего «уровень жизни» трактуется как уровень благосостояния населения, потребления материальных благ и услуг населения. В более широком толковании «уровень жизни» характеризуется уровнем человеческого развития (состояние здоровья и возможности населения для удовлетворения потребностей) и условий жизнедеятельности населения (состояние среды обитания и безопасности населения) [9].

В выборочное обследование населения 1962 г. вошли 51 тыс. семейных бюджетов, в том числе 16,4 тыс. бюджетов семей рабочих промышленности, 0,5 тыс. – рабочих строительства, 0,5 тыс. – работников железнодорожного транспорта, 1 тыс. – рабочих совхозов, 4,8 тыс. – служащих и инженерно-технических работников и 26,9 тыс. – семей колхозников. Состав обследуемых семей неодинаков. В среднем на 100 семей рабочих приходилось 324 человека, рабочих строительства – 291, работников железнодорожного транспорта – 311, рабочих совхозов – 410, колхозников – 394, служащих и инженерно-технических работников – 323. В общей сложности обследованием было охвачено около 200 тыс. человек [10]. Данные статистического обследования показывают рост денежных доходов населения. За девять месяцев 1962 г. денежные доходы семей рабочих промышленности, строительства и железнодорожного транспорта составили 1,6-1,7 тыс. руб. и выросли в сравнении с прошедшим годом на 2-6%. Денежные доходы рабочих совхозов увеличились на 10% и составили порядка 1,3 тыс. руб. Самый большой денежный доход имели семьи служащих и инженерно-технические работники – более 2 тыс. руб. со средней динамикой его роста – 8% (таблица 1; диагр. 1).

Таблица 1

*Денежные доходы и расходы населения СССР в среднем на семью за девять месяцев 1962 г.**

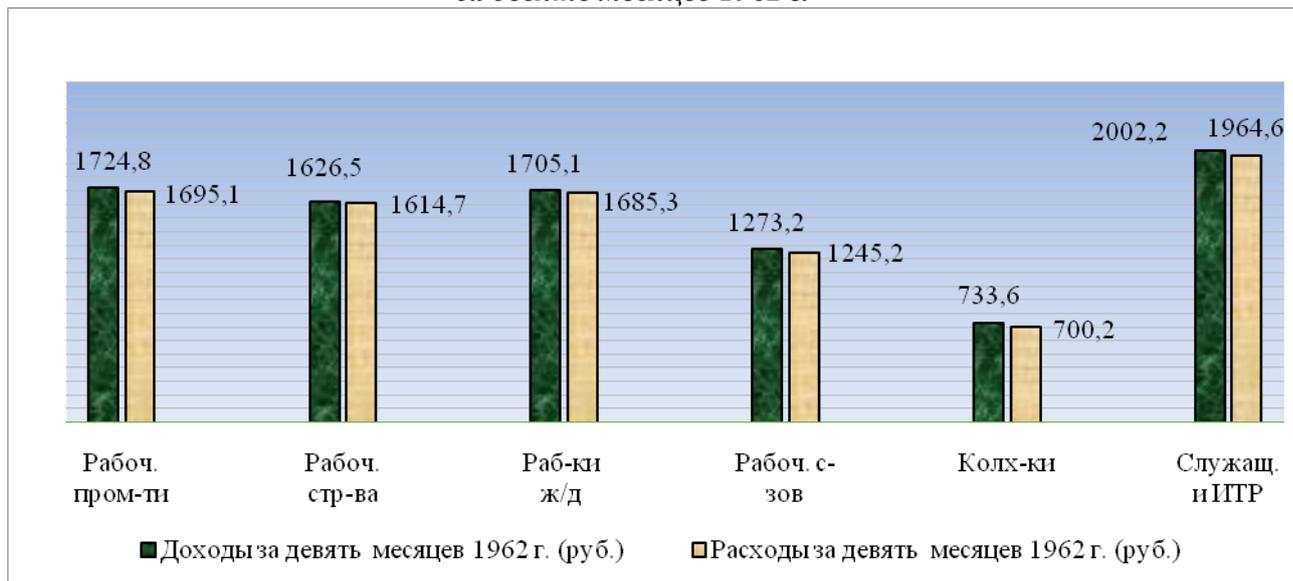
	Доходы за 9 месяцев 1962 г. (руб.)	Доходы за 9 месяцев 1962 г. в % к доходам за 9 месяцев 1961 г.	Расходы за 9 месяцев 1962 г. (руб.)	Расходы за 9 месяцев 1962 г. в % к расходам за 9 месяцев 1961 г.
Рабочие промышленности	1724,8	104	1695,1	104
Рабочие строительства	1626,5	106	1614,7	107
Работники ж/д	1705,1	102	1685,3	102
Рабочие совхозов	1273,2	110	1245,2	110
Колхозники	733,6	113	700,2	113
Служащие и ИТР	2002,2	108	1964,6	102

*Таблица составлено по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 117.

Наибольшую положительную динамику за 1962 г. показали денежные доходы колхозников: они выросли на 13%, но при этом составили всего лишь 733,6 руб. В колхозах существовала двухканальная оплата труда – денежная и натуральная. Но при этом определяющее значение имело денежное обеспечение колхозной семьи, именно оно формировало уровень жизни. Ведь многие товары приходилось покупать в магазинах. В сравнении с денежными доходами рабочих промышленности колхозники значительно проигрывали, их доходы составляли 42,5% от показателей рабочих. Колхозники были беднее и рабочих совхозов, они имели только 57,6% в сравнении с денежными доходами последних.

Диаграмма 1

Денежные доходы и расходы населения СССР в среднем на семью за девять месяцев 1962 г.

При этом следует обратить внимание на следующее обстоятельство: ежемесячные доходы населения и расходы практически совпадают, т.е. многие семьи жили «от зарплаты до зарплаты». Как видно из таблицы, семьи промышленных рабочих за девять месяцев 1962 г. заработали 1724,8 руб., а израсходовали 1695,1 руб. или 98%. В итоге рабочая семья в среднем за девять месяцев смогла отложить «на черный день» всего лишь 29,7 руб. Семьи строительных рабочих израсходовали в это время почти все заработанные средства. Правительственное постановление о повышении розничных цен на продовольственные товары животного происхождения с 1 июня 1962 г. существенным образом повлияло на семейный бюджет населения. Так, расходы на покупку продуктов питания в семьях рабочих промышленности в июне-сентябре 1962 г. по сравнению с тем же периодом прошлого года увеличились на 7%, в том числе на покупку мяса и мясопродуктов – на 16%. При этом потребление продуктов животного происхождения (в пересчете на калории) снизилось на 5%. Рабочие семьи сократили потребление молока и молочных продуктов на 11%, сливочного масла – на 15%, мяса и мясопродуктов – на 3%. Дефицит поступления калорий продуктов животного происхождения компенсировался за счет рыбы, масла растительного и яиц [11].

Почему рабочие семьи стали меньше покупать мяса и мясопродуктов? В июне-сентябре 1962 г. в торговую сеть стали больше поставлять продтоваров животного происхождения: мяса – на 14%, колбас – на 2, мясных консервов – на 26%. Городские торгующие организации сообщали об увеличении запасов мяса и птицы на 56%, колбас – на 67, мясных консервов – на 43, жиров животного происхождения – на 81%. Сокращение потребления мяса и мясопродуктов было связано с понижением покупательной способности населения, явилось прямым следствием повышения цен. В первую очередь, пострадали семьи с низкими доходами – до 25 руб.

на одного члена. Они сократили потребление мяса и мясных изделий на 18% (с 1,7 до 1,4 кг), масла сливочного – на 33% (с 0,3 до 0,2 кг) [12].

Структура семейных расходов в значительной мере характеризует уровень и качество жизни. При стабильной экономической ситуации доля расходов, направляемая на приобретение непродовольственных товаров и потребление услуг, свидетельствует о социальном благополучии населения. Первая и главная потребность человека – это питание, обуславливающее его биологическое существование. Для поддержания работоспособности человеку требуется энергия и различные микроэлементы. Другими словами, ему необходимо нормальное и сбалансированное питание. От этого зависит не только работоспособность человека, но и его долголетие. В развитых обществах на питании не экономят. В структуре потребления населения страны в начале 1960-х годов отражается противоречивая ситуация (табл. 2; диагр. 2). Семьи различных категорий рабочих, служащих и ИТР на приобретение продуктов питания тратили 56-58% бюджета, семьи рабочих совхозов – 44%, а колхозников – 40%. Исходя из данных бюджетного обследования, жизнь в советской деревне можно характеризовать как наиболее комфортную. Но в действительности все было иначе. И семьи рабочих совхозов, и особенно семьи колхозников имели меньшие доходы, нежели горожане. Большим подспорьем для жителей села было личное подсобное хозяйство.

Таблица 2

Денежные расходы населения СССР в среднем на члена семьи за 9 месяцев 1962 г. на покупку продуктов питания и промышленных товаров (руб.)*

	На продукты питания		На промышленные товары		Всего
	На сумму (руб.)	% от общих расходов	На сумму (руб.)	% от общих расходов	
Рабочие промышленности	216,4	58	158,3	42	374,7
Рабочие строительства	220,8	56	171,9	44	392,7
Работники ж/д	228,3	57	170,4	43	398,7
Рабочие совхозов	96,5	44	124,6	46	221,1
Колхозники	50,7	40	76,7	60	127,4
Служащие и ИТР	240,9	56	190,6	44	431,5

*Таблица составлено по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 118.

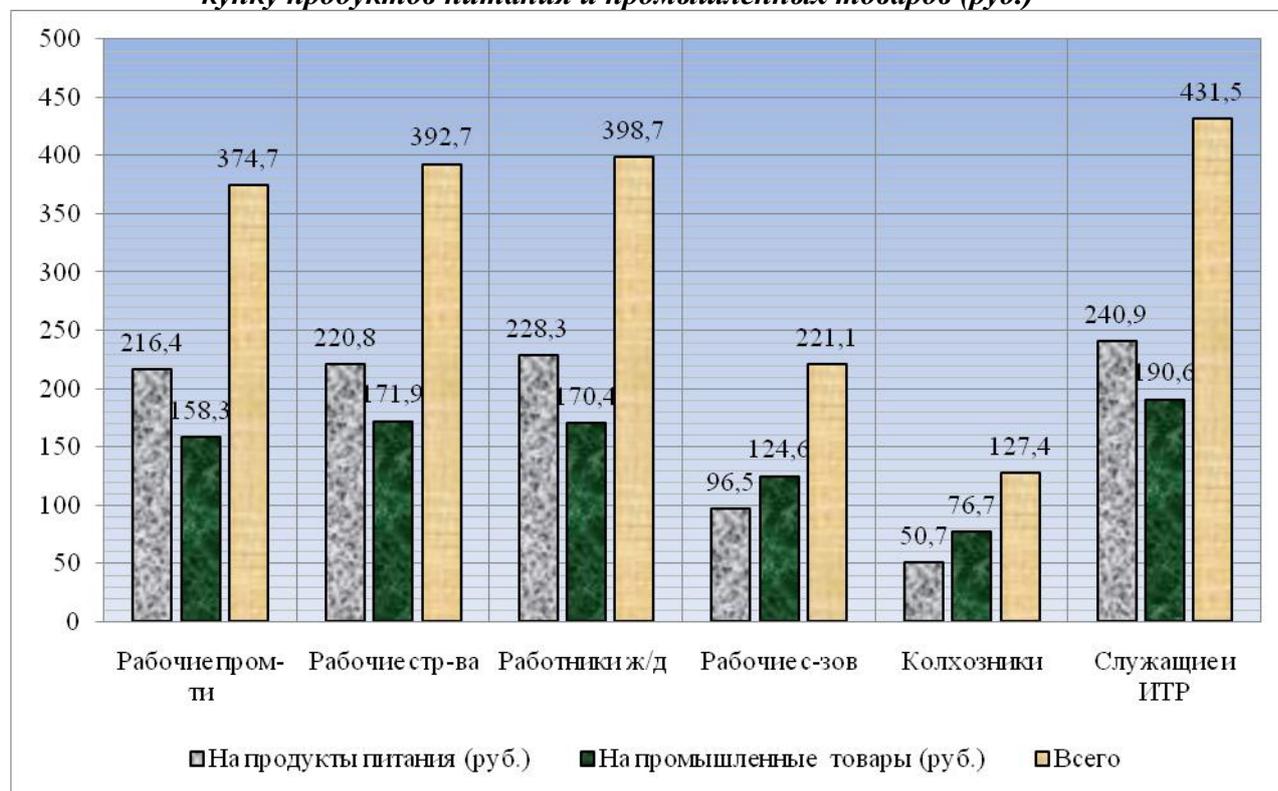
В бюджете семьи промышленных рабочих траты на покупку продуктов питания составляют 58%. Это самый высокий показатель среди всех обследованных категорий населения. При этом расходы составили 216,4 руб. Но они в 4,2 раза превысили расходы колхозников на покупку продовольственных товаров. И промышленных товаров рабочие семьи приобретали в 2 раза больше в сравнении с колхозниками. Семейные расходы на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров служат подтверждением неравенства материального положения работников государственных предприятий и колхозников. В обследуемых группах городского населения денежные расходы на покупку продуктов питания за девять месяцев 1962 г. находились в пределах 216-241 руб.

На этом фоне следует обратить внимание на большой разрыв, образовавшийся между жителями города и деревни. Сравнительно низкие расходы на покупку продуктов питания в семьях рабочих совхозов (96,5 руб.) и колхозников (50,7 руб.) отчасти можно объяснить тем, что ряд продуктов – мясо, молоко, яйца, картофель и овощи они получали из личного подсобного хозяйства и колхоза. Но при этом мясо, различные овощи колхозники не могли получать регулярно от своих хозяйств по вполне понятным причинам: эти продукты надо еще произвести.

Но допустить такое положение можно, как и то, что часть продуктов колхозники могли продавать на рынке и получать доход. В таком случае сельское население могло бы тратить больше денег на приобретение непродовольственных промышленных товаров. Но в действительности у колхозников не было достаточного количества денег ни на одно, ни на другое.

Диаграмма 2

Денежные расходы населения СССР в среднем на члена семьи за 9 месяцев 1962 г. на покупку продуктов питания и промышленных товаров (руб.)

Повышение закупочных и розничных цен на мясную и молочную продукцию привело к росту доходов семей колхозников. За июнь-сентябрь 1962 г. они выросли в сравнении с тем же периодом прошлого года на 11%, составив 347,3 руб. При этом поступление денег от продажи скота, птицы и других продуктов, полученных из колхоза и личного подсобного хозяйства, увеличилось на 17%. По справедливому замечанию И.Е. Зеленина, это была единственная в советской истории правительственная акция, которая проводилась в интересах крестьянства, деревни, но с очевидными потерями для горожан. Каким же образом колхозники потратили увечившиеся доходы? Динамика расходов позволяет сделать вывод о приоритетных направлениях. Это были продовольственные товары. Расходы семей колхозников на покупку продуктов питания в июне-сентябре 1962 г. выросли на 14%, промтоваров – на 8%. Следовательно, по мере появления дополнительных денежных средств колхозники первым делом стали их тратить на приобретение качественных продуктов и улучшение структуры питания. Потребление ими мяса выросло на 7%, рыбы – на 17%, масла растительного – на 7%, сахара – на 19% [13].

Личное подсобное хозяйство было большим подспорьем для семей колхозников. Но даже при таком раскладе они едва «сводили концы с концами». Колхозники тратили больше денег на покупку промтоваров, нежели на продукты питания. Но это вполне сопоставимые величины – соответственно 50,7 и 76,7 руб. В сравнении с обследуемыми группами городского населения жители деревни намного отстают. В среднем на члена семьи колхозника расходы на промтовары составили только 48% соответствующей статьи расхода промышленного рабочего, или 40% – служащих и инженерно-технических работников. При этом необходимо выделить следующее обстоятельство: по сравнению с 1961 г. темпы роста расходов на покупку продовольственных товаров во всех обследуемых группах населения превышали темпы роста

расходов на покупку непродовольственных промышленных товаров. А это означает снижение уровня жизни всех основных групп населения СССР в период «развернутого коммунистического строительства».

Представляет большой интерес структура питания горожан и жителей деревни в рассматриваемый период. Она показывает, насколько и каким образом население покрывало потребности в питании за счет общественной торговли и личного подсобного хозяйства и колхозов. В 2010 г. Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации утвердило рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни населения [14]. Рациональные нормы соответствуют потребностям в продуктах питания, обеспечивающих оптимальную реализацию физиолого-биологических процессов в организме человека. Рациональные нормы потребления продуктов питания населения при их сопоставлении с реальным положением в СССР начала 1960-х годов позволяют сделать выводы об эффективности социально-экономической политики партии и правительства. В итоговом документе по бюджетному обследованию населения 1962 г. представлены данные, характеризующие количественные и качественные параметры потребления продуктов питания в семьях рабочих промышленности и колхозников (табл. 3).

Данные табл. 3 показывают существенные различия в структуре питания семей рабочих промышленности и колхозников. В рабочих семьях больше потребляют таких ценных продуктов, как молоко, мясо, рыба и сахар. Особенно велики различия в потреблении мяса и мясопродуктов: колхозники потребляли 2,9 кг в месяц, а рабочие – 4,4 кг. Таким образом, потребление колхозниками мяса составило 65,9% от соответствующего показателя рабочих. Но и структура питания рабочих была далека от оптимальной. Потребление мяса и мясопродуктов находилось на уровне 70-76% от рациональной нормы, рыбы – 66-80%, масла растительного – 50-63%, яиц – 74%. Горожане были лучше обеспечены молоком и молочными продуктами. Но и в этом случае не «дотягивали» до рациональных норм потребления (91-96%). К тому же научно обоснованные нормы потребления учитывают обязательный набор молочных и кисломолочных продуктов.

Таблица 3

Структура потребления продуктов питания в семьях рабочих промышленности и колхозников СССР в 1962 г.
(в среднем за месяц кг)*

	Рабочие промышленности		Колхозники		Рациональная норма потребления [20]
	Фактическое потребление	Потребление от нормы	Фактическое потребление	Потребление от нормы	
Потреблено продуктов в среднем за сутки в пересчете на калории	2793	-	2952	-	2900-3700[21]
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо	4,4	76-70%	2,9	50-46%	5,8-6,3
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко (включая масло животное)	25,7	96-91%	21,6	81-76%	26,7-28,3

Рыба и рыбопродукты (включая рыбные консервы в пересчете на рыбу)	1,2	80-66%	0,4	26-22%	1,5-1,8
Масло растительное и другие жиры	0,5	63-50%	0,3	38-30%	0,8-1,0
Яйца (штук)	16	74%	16	74%	21,7
Сахар (включая сахар, израсходованный на кондитерские изделия)	2,5	125-109%	1,5	75-65%	2,0-2,3
Мука и хлеб в пересчете на муку, крупа, бобовые и макаронные изделия	11,6	147-149%	14,6	185-187%	7,9-7,8
Картофель	8,7	110-105%	12,2	154-150%	7,9-8,3
Овощи и бахчевые	10,3	103-88%	8,1	81-69%	10-11,7
Фрукты и ягоды	-	-	-	-	7,7-8,3

* Таблица рассчитана по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 118, 125, 131.

Это – молоко, кефир, йогурт с жирностью 1,5-3,2%, молоко, кефир, йогурт с жирностью 0,5-1,5%, творог жирный, творог с жирностью менее 9%, сметана, сыр. В бюджетном обследовании населения 1962 г. структура молочных продуктов не раскрывается. Отсутствует в нем и учет потребления фруктов и ягод. Можно предположить, что это было сделано по причине низких показателей, мало влиявших на наполнение продовольственной корзины, хотя по рациональным нормам месячное потребление фруктов должно быть на уровне 7,7-8,3 кг.

Рабочие промышленности и колхозники – это люди, занятые преимущественно тяжелым физическим трудом. Обследование 1962 г. показало: суточная калорийность питания членов семей промышленных рабочих составляла 2793 единиц. Она достаточна, ведь в состав семьи входили и дети, иждивенцы. Но по структуре продуктов питания в рабочих семьях не было сбалансировано. Дефицит одних продуктов питания покрывался за счет сверхнормативного уровня потребления других. В частности, семьи промышленных рабочих потребляли сахара почти на четверть больше нормы, муки и хлеба – в 1,5 раза, картофеля – в 1,1 раза. В рассматриваемое время правительство заботилось, прежде всего, о том, как накормить население. Вопрос сбалансированности структуры продуктов питания отходил на задний план, а ведь это – залог укрепления здоровья населения и профилактика многих неинфекционных заболеваний. Обследование показывает большую калорийность продуктов, потребляемых колхозниками, нежели рабочими. Но при этом рабочие больше, чем колхозники, потребляли молока, мяса, рыбы и сахара. За счет чего же колхозники получали большее количество калорий? Только за счет большего потребления хлеба и картофеля. Колхозники ежемесячно в сравнении с рабочими больше потребляли муки и хлеба в пересчете на муку на 3,3 кг, картофеля – на 3,5 кг.

Изучение бюджетов населения СССР 1962 г. позволяет сделать вывод о несбалансированности структуры потребления, низкой платежеспособности населения и неудовлетворенности покупательского спроса. Но при этом необходимо учитывать и сдвиги, произошедшие в жизни советских людей в период политического лидерства Н.С. Хрущева. Они существенны, с ярко выраженной положительной динамикой (табл. 4).

Таблица 4

*Изменения в питании населения СССР в 1953–1962 гг.**

	Рабочие промышленности		Колхозники		Служащие и ИТР	
	1953 г.	1961 г.	1953 г.	1961 г.	1953 г.	1961 г.
Потреблено продуктов за сутки в пересчете на калории за девять месяцев в 1962 г. в % к девяти месяцам	103	99,7	109	99,9	104	99,5
в том числе продуктов животного происхождения	146	99,5	156	103	136	99,3
Потреблено продуктов питания за девять месяцев в 1962 г. в % к девяти месяцам:						
мясо и мясопродукты в пересчете на мясо	154	102	183	105	143	101
молоко и молокопродукты в пересчете на молоко	154	95	139	100,8	139	95
в том числе:						
Молоко	142	95	125	99,6	133	96
масло животное	135	93	145	101	121	93
рыба и рыбопродукты (включая рыбные консервы)	139	107	210	114	136	107
масло растительное и другие жиры	106	105	209	104	120	106
Яйца	180	107	208	100,8	146	107
сахар (включая сахар в кондитерских изделиях)	122	101	316	115	119	100,7
мука и хлеб в пересчете на муку	82	99,4	90	98	87	99
крупы, бобовые и макаронные изделия	85	96	110	99	89	96
Картофель	93	98	74	95	96	99
овощи и бахчевые	115	98	107	90	112	99

Таблица составлено по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 137–138.

За 1953–1962 гг. улучшилось питание населения страны. Из данных табл. 4 видно: потребление продуктов питания различными категориями населения в пересчете на калории за десятилетие фактически осталось на прежнем уровне. Но при этом произошли существенные изменения в структуре питания. В семьях рабочих и служащих потребление молока и молочных продуктов увеличилось на 39-54%, мяса и мясных продуктов – на 43-54%, рыбы и рыбопродуктов – на 36-39%, яиц – на 46-48%, сахара – на 19-22%. При этом в структуре их питания сократилась доля мучных и хлебобулочных изделий на 13-18%, круп, бобов и макаронных изделий – на 11-15%, картофеля – на 2-4%. В рассматриваемый период значительно улучшилось питание в семьях колхозников. Они стали больше потреблять молока и молочных продуктов – на 39%,

мяса – в 1,8 раза, рыбы и яиц – в более чем в 2 раза, сахара – в 3,2 раза. Следует обратить внимание на качественный сдвиг в структуре питания населения, произошедшие в годы реформ Н.С. Хрущева. В связи с ростом потребления продуктов животноводства всеми категориями населения потребление хлеба и хлебных продуктов в 1962 г. в сравнении с 1953 г. снизилось на 9-18% [15].

Изучение бюджетов населения СССР 1962 г. позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, оно отразило низкий уровень жизни населения страны в целом. Коммунистическая доктрина, предусматривавшая выравнивание уровней жизни различных социальных групп, на деле оказалась пропагандистским лозунгом. Среди социальных групп населения наблюдаются значительные различия как по доходам, так и по структуре их расходов. Причем по всем позициям колхозники как социальная группа населения СССР оказываются аутсайдерами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Более подробно см.: Томилин В.Н. Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954–1959 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 81-93.
2. Рогалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010. С. 152-153.
3. См. более подробно: Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009.
4. Рогалина Н.Л. Указ. соч. С. 157.
5. Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 140.
6. Академгородок, 1962. Часть 8 // <http://academgorodock.livejournal.com/27557.html>.
7. Постановление Совета Министров СССР от 17.05.1962 N 456 «О повышении закупочных (сдаточных) цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, птицу, масло животное и сливки и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное» // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=35733>.
8. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 116-164.
9. Уровень жизни // <http://center-yf.ru/data/stat/Uroven-zhizni.php>
10. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 135.
11. Там же. Л. 124-125.
12. Там же. Л. 126-127.
13. Там же. Л. 126-127, 131; Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 217.
14. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 г. N 593н «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания» // <http://base.garant.ru/12179471/#ixzz43blih5b2>. Рекомендуемое потребление энергии (в день) для работников тяжелого физического труда (строительные рабочие, основная масса сельскохозяйственных рабочих и механизаторы, горнорабочие на поверхностных работах, работники нефтяной и газовой промышленности, металлурги и литейщики, кроме лиц, отнесенных к группе занятых особо тяжелым трудом, работники целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, стропальщики, такелажники, деревообработчики, плотники, работники промышленности строительных материалов // Нормы физиологических потребностей в пищевых веществах и энергии для различных групп населения СССР. Утверждены Коллегией Министерства здравоохранения СССР 22 марта 1982 года // <http://www.bestpravo.ru/sssр/ehzakony/q0g.htm>.
15. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 139.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94.54

ЮЖНОАЗИАТСКИЙ УРОК¹

Л.А. Черешнева

В основу исследования положены неопубликованные и изданные документы архивов и библиотек Индии, Великобритании, Российской Федерации. Статья посвящена проблеме независимости и раздела мультинациональных и конфессиональных государств. На основе истории первых лет государственного строительства Индии и Пакистана автор характеризует их сложности и достижения, позволяющие учиться на аналогиях, раскрывает принципиальные различия в становлении индийского и пакистанского постколониального государство- и нациообразования. В статье показано, как Индийский Союз демонстрировал устойчивую тенденцию к превращению в демократическую федерацию, конституционным способом запрещая любые виды сепаратизма и дезинтеграции государства. Идеологическая основа создания Пакистана – «теория двух наций – двух Индий» – не выдержала проверку реальностью уже в первые годы существования молодого исламского государства, спровоцировала всплеск внутриакистанского этнорелигиозного сепаратизма. Стремление правительств обоих государств к неуклонному сохранению мощного центра при полиэтничной и поликонфессиональной периферии имело неоднозначные последствия для ранней государственности, в том числе – и обострение противоречий между отдельными народами, конфессиями, лингвистическими группами. Автор касается роли субъективного фактора, тем более что 1940-1950-е годы для Индии и Пакистана отмечены находждением на политической арене ярких исторических деятелей, повлиявших на личностно ориентированное национальное движение и менталитет индийцев в постколониальный период. В статье дается краткая характеристика роли Джавахарлала Неру, лидера Индийского национального конгресса, первого премьер-министра независимой Индии, а также Мухаммада Али Джинны, лидера Мусульманской лиги и первого генерал-губернатора Пакистана.

Ключевые слова: Южная Азия, Индийский Союз, Пакистан, независимость, дезинтеграция, «раздел умов», Индийский национальный конгресс, Всеиндийская мусульманская лига.

14-15 августа 2017 г. Индия и Пакистан отметят 70-летие своей независимости от Британии. Они возникли в результате передачи власти индийским политическим силам, пришедшим к компромиссному решению – вместе с освобождением от англичан разделить страну по религиозному признаку. Первым премьер-министром доминиона Индийский Союз стал лидер наиболее влиятельной поликонфессиональной партии Индийский национальный конгресс (ИНК) Джавахарлал Неру. Пакистан возглавил руководитель исламской организации Всеиндийская мусульманская лига (МЛ) Мухаммад Али Джинна.

Из XXI в. мы можем видеть некоторые из долгосрочных последствий раздела Индии, такие как этническая дезинтеграция (в случае Пакистана) и экономическая катастрофа (в случае Бангладеш, возникшей при распаде Пакистана 1971 г.). В мировой науке к настоящему времени даже сформировалось теоретическое направление, которое нацелено на постижение «феномена раздела» и позволяет сравнивать Индию с разделенными государствами – Ирландией, Кореей, Вьетнамом, Йеменом и Кипром и др. Проблема представляется более чем

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 16-01-00258.

актуальной. В последнее десятилетие XX – начале XXI в. со всей очевидностью просматриваются такие тенденции, как: 1) формальный и (или) фактический раздел государств: распад СССР, Югославии, Чехословакии, Грузии, современной Украины; 2) обострение проблем народов, разделенных границами разных государств: имеются в виду русские (в бывших советских республиках), корейцы, курды, киприоты, пуштуны, народы Кашмира, Панджаба и Бенгалии, и так далее. Эффект от такой фрагментации – появление так называемых «несостоявшихся государств» (failedstates) [1]. Их насчитывается более 20, например, Ангола, Афганистан, Конго, Судан, Сьерра-Леоне и др. [2]. Украина тоже вполне может быть указана в этом списке. При всем том обращают на себя внимание и противоположные процессы – воссоединение разделенных государств и частей государств. Некоторые из них уже воссоединились (ФРГ и ГДР, ДРВ и Южный Вьетнам, Крым и Россия). На наш взгляд, слово «раздел» стало символом какой-то оригинальной полумеры, компромиссного решения конфликта. Но может ли *полурешение* исчерпать конфликт и дать долгосрочный устойчивый эффект? Разделенные народы, территории, города и государства, как правило, надолго остаются в ситуации «ностальгии по целому». Они чувствительны даже к незначительным раздражителям. *Полурешенный* конфликт часто прорывается наружу и, внутри де-юре или фактически возведенных государственных, национальных, этнических или этнорелигиозных перегородок, не стабилизируется в течение долгого времени. Еще одна причина нестабильности, как ни парадоксально, заключается в том, что этнические и конфессиональные перегородки в относительно недемократических государствах (к примеру, в тех же Пакистане и Бангладеш) удерживаются преимущественно под военным, а не гражданским контролем.

Многие отождествляют национализм с нулевым вариантом, и в этом есть доля истины, так как при всей противоположности интересов конфликтующих игроков в одних вопросах, они дополняют друг друга в других. Есть ли предел способности националистических политических партий к компромиссам? Успех полиэтнических демократий (как в Индии) является свидетельством того, что конструктивные последствия компромиссов могут с течением времени возобладать над известной ущербностью и деструкцией любой полумеры. Но полностью устранить негативные последствия не удастся, они эволюционируют и обретают разнообразные формы. Так, «раздел умов» стал неотъемлемой частью современного индийского менталитета, как элитных интеллектуалов, так и обычного большинства, при всем том, что негативные последствия драмы 1947 г. для новообразовавшегося Индийского Союза были несколько сглажены в период стабильности и успеха политики секуляризма первого премьер-министра Джавахарлала Неру. Он выбрал путь синтеза капитализма и социализма. Демократия и социализм стали для Неру средством для строительства государства и общества, в котором все граждане пользуются равными возможностями в сферах образования, занятости, здравоохранения, и нет никакой расовой, кастовой, этнорелигиозной и этноязыковой дискриминации и сегрегации. Неру был архитектором и внешней политики Индии в начальный период независимости. «Раздел умов», бесспорно, отличает и пакистанскую ментальность тоже. Элитарной модернизации в Пакистане не произошло, после смерти его создателя Джинны в 1948 г. власть стала контролироваться армией, образ врага, – конечно, индеец, – сформировался явно и недвусмысленно.

Начиная с последней четверти XX в., уровень межконфессиональных противоречий в Индии и Пакистане значительно возрос, стал сопоставимым с драматическим 1947 годом. Мы имеем в виду сепаратистские движения в Джамму и Кашмире, сикхский экстремизм в Панджабе, насильственные действия в Нагаленде, Ассаме, Мизораме, события в Айдодхье в начале 1990 г., затем – в «эпоху Бхаратияя Джаната парти» в 1998 году, события в Гуджарате в 2002 г., индусско-мусульманские инциденты в Бихаре, Западной Бенгалии, Раджастане и так далее). Перед лицом вызовов современного мира южноазиатам, и не только им, человечеству в целом требуется прагматическая идеология и технология сохранения единства в многообразии. История государствообразования и нациестроительства двух «кусков»

колониальной Индии – Индийского Союза и Пакистана (в сопоставлении) – служит для этого классическим образцом для исследования.

После исторического 15 августа 1947 г., при становлении государственности новообразованных доминионов, сразу стали проследиваться их отличия. Так, в **Индийском Союзе** наметилась интересная тенденция – внутри пришедшего к власти поликонфессионального Конгресса все более проявлялись два противоборствующих политических течения, влиявших как на внутривластную, так на общегосударственную жизнь. Первое течение представлял сам Джавахарлал Неру и его единомышленники в руководстве партии. Их поддерживали левые и центристы. Неру видел будущую Индию неким синтетическим государством, соединяющим социалистическое и капиталистическое начала: при сохранении частной собственности, но с обязательным плановым началом и регулируемой государственной экономикой, социальной поддержкой беднейшего и малоимущего населения. В области внешней политики Неру выступал за невхождение в военно-политические блоки великих держав, «позитивный нейтралитет», развитие отношений со всеми государствами мира, капиталистическими и социалистическими.

Второе течение, консервативные круги ИНК во главе с заместителем Неру, министром внутренних дел Валлабххай Пателем и председателем Конгресса П. Тандоном выступали за свободное развитие капитализма в Индии, рыночные отношения, частное предпринимательство. В аграрном вопросе они предполагали сделать основной упор на техническое перевооружение индийской деревни. Их внешнеполитические предпочтения – державы Запада, Великобритания и Содружество наций. Иными словами, в ИНК сложилось своеобразное двоевластие. Смерть Пателя в 1950 г. «обезглавила» лагерь консерваторов, они так и не смогли выдвинуть нового лидера, способного составить конкуренцию Джавахарлалу Неру. Таким образом, первый премьер-министр, считаясь с плюрализмом мнений о стратегии развития Индии, последовал собственным курсом на создание социалистической Индии как он ее понимал [3].

Государственное **развитие Пакистана** в первые годы независимости происходило в обстановке большей политической нестабильности, частой смены генерал-губернаторов и премьер-министров. По мнению пакистановедки А.Л. Филимоновой, развитие идеи пакистанской нации в конце 1940-х – начале 1950-х гг. характеризовалось постепенным ослаблением консолидирующего потенциала «теории двух наций». Основная причина этого заключалась в том, что абстрактное представление о Пакистане как о совершенном мусульманском государстве, для жителей которого мусульманская идентичность первична, не соответствовало реальному облику пакистанского общества [4].

На наш взгляд, действительный Пакистан кардинально «разошелся» с представлениями о нем, с «теорией двух наций – двух Индий». Созданный ценой раскола древней цивилизации, он практически сразу, будто по закону бумеранга, сам оказался перед рисками дезинтеграции. Условия его создания, уникальность положения страны, состоящей из двух частей, разделенных территорией Индийского Союза, сделали чрезвычайно острой проблему целостности государства. Население Пакистана было неоднородно в религиозном и национальном (этническом) отношениях. По «теории двух наций», господствующей идеологии данного доминиона, все пакистанцы-мусульмане считались одной нацией (в отличие от всех мусульман мира – Л.Ч.) [5].

При этом не определялись ни теоретические основы, ни, тем более, технологии практического межэтнического взаимодействия живших в стране много- и малочисленных народов, и государство избрало политику подавления любого этнического регионализма. Неслучайно мусульмане, прибывшие в Пакистан из разных районов Индии, использовали в качестве самоназвания «*мухаджир*», то есть дословно «совершивший хиджру». Джинна указывал на практическую выгоду мусульманского единства по сравнению с этническим размежеванием. Создание целостного государства и единого экономического пространства гораздо больше бы отвечало интересам населения. Но готово ли было население к этому?

Партия Мусульманская лига Пакистана (МЛП) была образована в августе 1947 г. из провинциальных организаций МЛ, действовавших до раздела Британской Индии на территориях, вошедших в состав Пакистана. Представители МЛП, занявшие основные посты в новом государстве, отвергали любую возможность этнического национализма. Выступая 21 марта 1948 г. в г. Дакка, Джинна сформулировал позицию пакистанской администрации следующим образом: «Кем бы вы, пакистанцы, ни являлись сейчас и кем бы ни стали в будущем, вы – мусульмане. Теперь вы являетесь частью нации; вы получили территорию – огромную территорию – и она вся ваша. Она принадлежит не панджабцам, синдхам, пуштунам или бенгальцам; она принадлежит вам. У вас есть центральное правительство, в котором представлены провинции. Поэтому, если вы хотите составлять нацию, ради Бога, откажитесь от провинциализма. Провинциализм является для нас проклятием» [6]. Второе лицо государства, Лиакат Али Хан, выступая в Учредительном собрании в феврале 1948 г., заявил, что «Пакистан был создан по требованию ста миллионов мусульман субконтинента, и языком этих миллионов является урду» [7]. Подобная категоричность далеко не соответствовала реалиям молодого исламского государства, призывы и понуждение к абстрактному единению давили на искусственные и слабые «швы», которыми наскоро создатели Пакистана сметали разные этносы западной и восточной частей своего доминиона в подобие целого.

Для государственного и нациестроительства **выработка конституций** новообразованных Пакистана и Индии стала важнейшей задачей их правительств, проверкой на прочность и само наличие их «свежих» фундаментов. В Пакистане, в марте 1949 г., Лиакат Али Хан внес на рассмотрение Учредительного собрания резолюцию о целях конституционного переустройства государства [8]. Она содержала и демократические положения, и ряд положений исламского характера. В резолюции не упоминалось о секуляризме, светском устройстве государственной жизни, этнорегиональных интересах, что было весьма своеобразной трактовкой «теории двух наций – двух Индий» [9]. Подобные метаморфозы не могли пройти мимо внимания депутатов-немусульман, представлявших индусское Восточной Бенгалии, где насчитывалось 12 млн. индусов. Они сформировали партию Национальный конгресс Пакистана (НКП) и выдвинули требования светского характера государства, провинциальной автономии и признания бенгальского языка государственным. И противоречия стали нарастать. В итоге, процесс разработки и принятия конституции растянулся надолго, почти на 9 лет. Конституция Пакистана будет принята только в 1956 г. Буквально через 2 года после ее утверждения в стране будет введено военное положение. Это означало прекращение деятельности гражданских органов власти и отмену основного закона страны. Национальная интеграция и государственное строительство «детища Джинны» окажутся куда более сложным процессом, чем он когда-то полагал, иницируя раздел колониальной Индии. Он рано уйдет из жизни и не увидит кровавой драмы расчленения Пакистана и образования Бангладеш.

В Индийском Союзе конституционный процесс шел гораздо быстрее. Учредительное собрание одобрило проект Конституции Индии в ноябре 1949 г. Она была подготовлена Дж. Неру, П. Ситарамайей, Р. Прасадом, Б.Р. Амбедкармом и введена в действие 26 января 1950 г. Этот день стал национальным праздником – Днем Республики. Конституция провозгласила Индийский Союз независимой парламентской республикой, основанной на принципах секуляризма и демократии, гарантировала всем гражданам важнейшие демократические права и свободы, включая неприкосновенность частной собственности. Конституция [10] определила важную роль народных представительств, благодаря которой они действительно могут контролировать настоящее положение в стране и определять вектор ее будущего развития согласно воле народа. Представительные институты власти создавались на двух уровнях: федеральном – Совет штатов (Раджья сабха) и Народная палата (Лок сабха) (статья 79), региональном (штаты) – однопалатная (Законодательное собрание) или двухпалатная (Законодательный совет и Законодательное собрание) легислатура (статья 168). Избирательная система, при помощи которой проводились выборы в данный орган власти, была построена на таких демократических принципах, как всеобщее, равное и прямое избирательное право.

Согласно ст. 326, выборы в Народную палату и в Законодательное собрание каждого штата производятся на основе всеобщего избирательного права для совершеннолетних граждан; выборы были построены на принципе равенства: избиратель имеет один голос, одномандатные округа в принципе равны, а немногочисленные многомандатные пропорциональны численности населения [11]. Статья 246 предоставляла в ведение парламента такие сферы жизнедеятельности государства, как внешняя политика, оборона, денежное обращение, уголовное право и процесс, брак, воспитание детей, банкротство, гражданский процесс и др. представительные органы могли рассматривать по своему усмотрению и выносить по ним свои решения законодательным путем. Глава государства обладал правом вето по статье 111, но был полностью подконтролен палатам парламента [12]. Исполнительная власть реально принадлежала правительству – Совету министров во главе с премьер-министром [13].

По Конституции 1950 г. Индия объявлялась федеративным государством – союзом штатов, число которых по решению парламента могло меняться. Создавалось три группы штатов с различным правовым статусом: 1) штаты группы «А» – бывшие провинции Британской Индии (Ассам, Бихар, Бомбей, Мадрас, Мадхья Прадеш, Уттар-Прадеш), управлявшиеся губернатором провинции, правительством штата и двухпалатным законодательным собранием; 2) штаты группы «В» – бывшие княжества (Виндхья-Прадеш, Джамму и Кашмир, Мадхья-Бхарат, Майсур, Пепсу, Раджастхан, Сураштра, Траванкур-Кочин, Хайдарабад), управлявшиеся губернатором-раджпрамуком – бывшим князем и однопалатным законодательным собранием; 3) штаты группы «С» – бывшие провинции, не имевшие самоуправления (Дели, Аджмер, Андаманские острова, Бхопал, Кач, Кург, Куч-Бихар, Лаккадивские острова, Манипур, Трипура, Химачал-Прадеш), которые управлялись губернатором соседнего штата группы «А» или комиссаром, назначаемым президентом Республики.

При этом субъекты федерации не обладали правом выхода из Союза, не имели своих конституционных законов и гражданства, и пропаганда сепаратизма каралась законом. Конституция утвердила понятия «официальный язык доминиона», «местные (национальные) языки», «язык для употребления в Верховном суде и других судах». Хинди провозглашался официальным общим языком Индийского Союза, делопроизводство в Верховном суде и высших судах штатов должно было вестись на английском языке до принятия парламентом специального решения. Согласимся с мнением Ф.Н. Юрлова в том, что эта конституция определила «вектор развития Индии по демократическому пути и заложила основу управления на принципах федерализма» [14]. Однако, на наш взгляд, историческая традиция отсутствия на Индостане единого государства до прихода англичан, этнорелигиозные и этнолингвистические различия, тысячелетиями оформлявшиеся во множество самостоятельных государств (автократических княжеств), не могли (и не могут) в полной мере исчезнуть даже под воздействием данной, одной из самых демократических конституций мира, запрещающей дезинтеграцию. В Индийском Союзе острой проблемой стал этнорелигиозный и этнолингвистический сепаратизм, и Неру предстояло гибко использовать все формы и методы для сохранения новой Индии единой: и федеративное устройство государства, и механизмы автономии регионов, и адекватную лингвистическую политику, и – военную силу.

Таким образом, создание независимых государств на Индостане, несколько веков бывшем собственностью Британии и самой драгоценной частью ее колониальной империи, открыло возможности самостоятельного пути развития сотен народов субконтинента с их самобытной историей и культурой. Следуя за своими политическими лидерами, эти народы вкусили первые плоды свободы и независимости, начали экспериментировать в выборе путей и моделей дальнейшего развития Индии и Пакистана – федерации-унитарности, социализма-капитализма, наднациональности-этнорегионализма, кровью заплатили за свой выбор. Они дали миру южноазиатский урок единства в многообразии, самосохранения мультинациональных и поликонфессиональных государств – необходимость гибкого сочетания федеративного демократического устройства с практикой мощной автономии регионов при опережающей защите и развитии аутентичных религиозных, языковых, культурных традиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Doornbos M. State Collapse and Fresh Starts: Some Critical Reflections. *Development and Change*. Vol. 33. № 5. 2002. P. 797-815; см. также: Krasner S. D. *Sovereignty. Organized Hypocrisy*. Princeton, 1999; Malek M. *The Collapse of States and Its Meaning for International Relations (Actual Problems)* // *Vestnik of Moscow State University. Series 12. Political Sciences*. № 5. 2006. P. 46-56.
2. *Index of Failed States*. 2009. The Fund for Peace. Retrieved January 15th, 2012 from http://www.fundforpeace.org/web/index.php?option=com_content&task=view&id=99&Itemid=140.
3. Zachariah B. *Nehru*. London, 2004. P. 182.
4. Филимонова А.Л. *Идея национальной идентичности: опыт Пакистана*. М., СПб., 2013. С. 144.
5. Черешнева Л.А. *Радуга над Красным фортом: раздел колониальной Индии в 1947 г.* М., 2012. С. 38-39.
6. Jinnah, Quaid-i-Azam Muhammad Ali. *Speeches on National Consolidation at Dhaka on 21 March 1948* // http://www.quaid.gov.pk/quotes_quaid.htm.
7. National Archives of India (NAI). Government of India. Ministry of External Affairs. Branch Pakistan III. File No. 10 (55)-Pak. III. L. 39-41.
8. *Ibid.*; см. также: «Dear Mr. Jinnah» / *Selected Correspondence and Speeches of Liaquat Ali Khan*. Karachi, 2004. P. 235-240; Kazimi M.R. *Liaquat Ali Khan / His Life and Work*. Karachi, 2003. P. 120-126, 256. О силовых структурах см.: NAI. Branch Political. File No. 12 (27)-P/48. L. 6, 8, 9, 11.
9. См. подр.: Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н. *Три конституции Пакистана*. М., 1975. С. 21-22; Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. *История Пакистана*. М., 2008. С. 94.
10. *The Constitution of India*. *Encyclopaedia of Indian Government and Politics*. In 10 vols. Vol. 2. Jaipur, 2000; Конституция Индии 1950 г. // *Конституции зарубежных государств*. / Сост. В.В. Маклаков. М., 2006. С. 423-562.
11. *The Constitution of India*. P. 201; Конституция Индии 1950 г. С. 556.
12. *Ibid.*; см. также: Басу Д.Д. *Основы конституционного права Индии*. М., 1986. С. 289.
13. *The Constitution of India*. P. 202-213.
14. Юрлов Ф.Н. *От восхода до заката. Династия Неру-Ганди. Книга первая. Мотилал и Джавахарлал Неру*. М., 2015. С. 291.

КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 98

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЕБНОЙ КУЛЬТУРЫ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.¹

Р.М. Житин, Л.Н. Патрина

В статье представлена трехмерная виртуальная реконструкция комплекса строений Ново-Покровского имения семьи Орловых-Давыдовых в Тамбовской губернии. Данную реконструкцию авторы рассматривают как важную часть исследования социокультурных особенностей развития крупного капиталистического имения в конце XIX – начале XX в. Поэтапно представлен процесс виртуального восстановления построек, оценена значимость предпринятой реконструкции. Моделирование имения включает в себя ряд этапов. На первом авторы определились с технологией и методами воссоздания объекта, выбрали оптимальный программный софт. На втором этапе произошло выявление и обобщение источниковой базы по теме реконструкции. Попутно был осуществлен анализ сохранившихся чертежей строений, изучено текущее состояние объекта и произведен обзор среды, в которой он существовал. Третий этап посвящен непосредственно воссозданию имения и его визуализации. Авторами была выбрана программа 3DMax 2011. Обладая достаточно простым интерфейсом, выбранный софт позволяет обеспечить довольно высокую точность реконструкции облика имения.

Практическая ценность реконструкции имения как памятника историко-культурного значения, без сомнения, представляет интерес. Выполняемая реконструкция знаменует собой особое направление сохранения памятника истории, которое, в отличие от традиционных приемов реальной музеефикации, открывает перспективы воссоздания целостных архитектурных комплексов в виртуальном пространстве. Материалы реконструкции могут быть представлены в экспозиционной деятельности музеев или существовать в качестве самоценных ресурсов в сети Интернет. Виртуальная модель комплекса строений позволяет раскрыть по максимуму заложенные в конкретной музейной коллекции познавательные возможности. Она способствует усложнению представления о процессах социальной и культурной динамики развития имения, обозначает степень влияния жилищно-бытовых и производственных условий труда на состояние менталитета и особенностей поведения населявших хозяйство людей.

Ключевые слова: Ново-Покровское имение, А.А. Орлов-Давыдов, индустриальное наследие, 3D моделирование, реконструкция.

В последнее время методики 3D моделирования все активнее входят в исторические и историко-культурологические исследования. Показателем этого выступает рост числа работ по данной тематике, интерес к проблемам виртуальной реконструкции со стороны учреждений культуры и образования. Важную роль в развитии методик трехмерного моделирования в гуманитарных науках сыграла ассоциация «Историк и компьютер». Она одной из первых в нашей стране обратила внимание на важность и перспективность области трехмерного моделирования, способствовала ее популяризации в сообществе исследователей. С 2012 г. проблематика виртуальной реконструкции преподается в виде отдельного спецкурса на историческом факультете МГУ. Серьезную работу в области виртуальной исторической реконструкции ведут

¹ Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства договор № 4452-01-42/13-15 от 02.09.2015 г.

научно-исследовательские коллективы из Санкт-Петербурга, Тамбова, Красноярска и Екатеринбурга. Среди наиболее значимых проектов хотелось бы отметить создание точной модели фортификационной крепости г. Тамбов XVII в. (Р.Б. Кончаков, Д.И. Жеребятъев) [1], виртуальное воссоздание памятников историко-культурного наследия города Енисейска (И.Н. Рудов) [2], трехмерное моделирование памятников индустриального наследия [3].

Уже имеющийся опыт заслуживает транслирования, главным итогом же современного развития российских трехмерных ресурсов является выработка научно обоснованных положений о целесообразности применения новой методики в изучении прошлого, определение четких требований к историко-культурным реконструкциям и способам их разработки, проведение общих конференций и семинаров по тематике реконструкций. Предоставляя возможности качественно воссоздания внешнего вида памятника, технологии трехмерного представления дают несравненно большую информационную нагрузку об объектах, нежели графические реконструкции. 3D-среда способствует полному погружению зрителя в пространство памятника, дает возможность увидеть его в первоизданном виде. К достоинствам реконструкции можно отнести: короткие сроки ее проведения, точность в воссоздании, возможность подключения интерактива.

В данной статье мы представляем предварительные итоги реконструкции комплекса строений Ново-Покровского имения семьи Орловых-Давыдовых. Проводимую нами реконструкцию мы рассматриваем как важный элемент в исследовании социокультурных особенностей развития крупной капиталистической вотчины России в конце XIX – начале XX в.

Данное имение являло собой одну из самых развитых и доходных экономий Тамбовской губернии. До 1884 г. Ново-Покровское принадлежала князю Волконскому, после – купившему вотчину графу А.В. Орлову-Давыдову [4]. Новый владелец оказался хорошим управленцем. Именно при нем экономия вырвалась в число передовых на Тамбовщине. Его развитие сопровождалось усложнением производственной инфраструктуры, внедрением новых методик и технологий работы. Были существенно обновлены или отстроены заново хозяйственные постройки, в вотчине появились отдельные дома для рабочих и служащих. Строения возводились крепкие, преимущественно каменные и крытые железом. Многие сооружения выполнялись в стиле модерн. После смерти А.В. Орлова-Давыдова наследник имения А.А. Орлов-Давыдов не разорил, как это часто бывало, имение отца, а продолжил все его начинания. В 1908 г. в имении появляется сахарный завод и целый рабочий поселок при нем [5]. В этом же году в эксплуатацию вводятся первые участки строящихся в имении узко и ширококолейных железных дорог. Нововведения А.А. Орлова-Давыдова укрепили производственный потенциал имения. Ново-Покровское превратилось в крупнейший центр агропромышленного отходничества в масштабах всего Центрального Черноземья. На постоянные и сезонные работы сюда стали приходить тысячи человек. Практически все они обеспечивались в имении казенным жильем.

Важной задачей предпринимаемой реконструкции является стремление по средствам визуализации Ново-Покровского имения более полно раскрыть социокультурные особенности развития крупного капиталистического хозяйства России конца XIX – начала XX века. Это придает реконструкции антропологическую и социально-историческую окраску.

В непосредственные задачи работы входит полное воссоздание производственных построек имения, домов рабочих и служащих, транспортной инфраструктуры. Будут учитываться и наиболее значимые элементы природного ландшафта местности. Хронологически реконструкция будет относиться к 1910-м гг., то есть времени, когда вся производственно-хозяйственная инфраструктура Ново-Покровского оказалась в большинстве своем сформированной.

Моделирование имения включает в себя ряд этапов. На первом мы определились с технологией и методами воссоздания объекта, выберем оптимальный программный софт. На втором этапе постараемся выявить и обобщить всю источниковую базу по теме реконструкции. Попутно будет осуществлен анализ сохранившихся чертежей строений, изучено текущее состояние объекта и произведен обзор среды, в которой он существовал. Третий этап займет непосредственное воссоздание имения и его визуализация.

После рассмотрения всех известных на данный момент программ, предназначенных для трехмерного моделирования, нами была выбрана программа 3DMax 2011. Обладая достаточно простым интерфейсом, выбранный софт позволяет обеспечить довольно высокую точность реконструкции облика имения.

В качестве источниковой базы работы выступил достаточно широкий набор документов и материалов центральных и региональных архивов страны. В фонде 195 Государственного архива Тамбовской области (ГАТО. Оп. 1. (Ново-Покровская контора имений и свеклосахарного и рафинадного завода графа А.А. Орлова-Давыдова) 1113 ед. хр.) и фонде 1273 (Орловы-Давыдовы) и Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Ч. 1-4. (Орловы-Давыдовы). 3384 ед. хр.) находятся чертежи строений Ново-Покровского имения, имеются описи возводившихся там в разное время построек. Ценным дополнением к чертежам служат сохранившиеся до нашего времени дореволюционные фотографии и современные остатки застройки Ново-Покровского имения. В реконструкции помогли и мемуары рабочих завода, описывающие условия своей работы в имении. В целом, представленный комплекс источников позволяет создать достаточно репрезентативную модель комплекса строений реконструируемого имения.

На данный момент мы сосредоточились на реконструкции поселка для постоянных и сезонных рабочих Ново-Покровского сахарного завода. Источником для работы являются сохранившиеся в Ново-Покровском застройки при заводском поселении. Адаптированные для производственных целей еще в годы колхозного строительства, некоторые из этих строений и сейчас исполняют свое назначение. Так, в бывших заводских квартирах до сих пор проживают люди, барак для сезонных рабочих превращен в сельский клуб, а при заводские помещения используются в качестве амбаров и складов.

Общая площадь реконструированной застройки приближается к 1 га. Воссоздание объекта начиналось с моделирования примитивных геометрических фигур, по размеру и форме соответствующих основным элементам реконструированных сооружений. Преобразование примитивов в режим EditablePoly (редактируемый полигон) и последующее усложнение полигональной сетки позволило создать все необходимые элементы декора

На данном этапе задачи текстурирования объектов и расставления источников света в сцене нами не решались.

Реконструкция в объемно-пространственной форме показывает эффективность взаимного размещения построек на территории имения. Мы наблюдаем компактность поселения, его близость к заводу, геометрическую правильную планировку поселения (Рис. 1).

Рис 1. Общий вид заводского поселка

Причем постройка новых типов зданий, их расположение в имении полностью соответствовали передовым идеям градостроительства начала XX в. и были направлены, прежде всего,

на улучшение качества жизни самих рабочих. Все элементы поселка представляют собой взаимосвязанные составляющие, способствующие комфортному проживанию человека в данных условиях. Две водонапорные башни обеспечивали жителей водой, заводские помещения были электрифицированы, в поселке имелась канализация. Рабочие проживали в многоквартирных кирпичных домах с печным отоплением.

Специально для рабочих предприятия, владельцами завода было принято решение о строительстве двухэтажной хлебопекарни [6], которая бы могла обеспечивать всех работников завода собственным хлебом. Разработкой плана создания пекарни, организацией поставок и установки необходимого оборудования занималась фирма «Вернер и Офлейдер», общее техническое оснащение цехов новой пекарни обошлось экономии более чем в 20 тыс. рублей. Постройку новой пекарни обусловила экономическая целесообразность – производство хлеба в имении было существенно выгоднее его закупок со стороны. Однако очевиден и косвенный эффект строительства – появление в имении дешевого хлеба повышало условия жизни местных рабочих. В данном случае мы наблюдаем своеобразный «социокультурный резонанс» сельскохозяйственного и промышленного предпринимательства Орловых-Давыдовых, выразившийся в развитии социальной инфраструктуры (жилищное строительство, улучшение бытовых условий) и создающий особую антропогенную среду, влияющую на менталитет населявших ее людей.

В центре поселка располагался «барак для сезонников». Вид высокого двухэтажного здания впечатляет своей монументальностью (Рис. 2).

Рис. 2. Барак для сезонных рабочих

Фасад «барака» выполнен в стиле модерн. В том же стиле были выстроены и все остальные хозяйственные постройки. В целом, комплекс крытых железом каменных строений, правильная организация поселковой застройки выделялись в пространстве «соломенных крыш» окружающих Ново-Покровское селений. Крестьяне, устраивающиеся на работу в имение, попадали словно в другой мир. Их распорядок дня и ритм жизни менялся, в повседневность входили водопровод и электричество. Все это не могло не влиять на быт и нравы работников, изменять их привычки, влиять на их потребности.

Таким образом, даже первые результаты реконструкции дают нам принципиально новый сплав знаний о повседневных условиях жизни рабочих и служащих имения. Виртуальная

модель комплекса строений позволяет раскрыть по максимуму заложенные в конкретной музейной коллекции познавательные возможности. Она способствует усложнению представления о процессах социальной и культурной динамики развития имения, обозначает степень влияния жилищно-бытовых и производственных условий труда на состояние менталитета и особенностей поведения населявших хозяйство людей. Практическая ценность реконструкции имения как памятника историко-культурного значения, без сомнения, представляет интерес. Выполняемая реконструкция знаменует собой особое направление сохранения памятника истории, которое, в отличие от традиционных приемов реальной музеефикации, открывает перспективы воссоздания целостных архитектурных комплексов в виртуальном пространстве. Материалы реконструкции могут быть представлены в экспозиционной деятельности музеев или существовать в качестве самоценных ресурсов в сети Интернет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кончаков Р.Б., Жеребятьев Д.И. Применение методики трехмерного пространственного анализа для изучения формирования городской застройки и восстановления культурного наследия // Круг идей: Модели и технологии исторических реконструкций: труды XI конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 2010. С. 218-237.
2. Рудов И.Н., Пиков Н.О. Виртуальная реконструкция Спасского братского мужского монастыря в Енисейске // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 2012. № 36. С. 22-23.
3. Житин Р.М. Виртуальная реконструкция и памятники индустриального наследия [Электронный ресурс]: промышленные объекты крупных имений Тамбовской губернии (конец XIX – начало XX в.) // Российская государственная библиотека: официальный некоммерческий сайт. М., 1999. (События. Конференции. Архив 2012 г. «EVA-2012. Москва»). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rsl.ru/>, свободный. Заглавие с экрана. Просмотрено 05.07.2013.
4. ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 2. С. 3.
5. Там же. Д. 264. Л. 117.
6. Там же. Д. 248. Л. 25.

УДК 947.083

ВСПОМНИМ И ЛИЦА, ДАВНО ПОЗАБЫТЫЕ...

М.И. Корольков

Статья посвящена рассказу о лицах, помещенных на групповой фотографии представителей местного «высшего света» г. Липецка и Липецкого уезда, сделанной в один из курортных сезонов в нашем городе на рубеже XIX–XX столетий. Сам снимок передала в дар историко-бальнеологическому музею Софья Романова (фамилия по мужу), дочь начальника Липецкой почтовой конторы, коллежского асессора В.Д. Степанова. В настоящее время снимок находится в мемориальном фонде В.И. Жукова в Липецком областном краеведческом музее. Автор статьи делает попытку раскрыть известные до нашего времени инициалы людей, представленных на ней, и предложить более точную датировку редкой фотографии. Какое событие послужило поводом для фотографирования? Наиболее правдоподобно, по мнению автора статьи, что поводом для фотографирования были торжественные проводы в июле-августе 1898 г. Липецкого уездного исправника А.А. Бартошевича в связи с Высочайшим приказом по гражданскому ведомству о его назначении заведующим делопроизводством Тамбовского губернского по воинской повинности присутствия. Самому Бартошевичу тогда исполнилось 53 года, а потому новая должность избавляла от беспокойной работы уже немолодого исправника. А букет цветов его супруге – на память от липецких светских дам о прекрасном, утопающем в садах городе. Автор статьи также ставит вопрос о том, кто запечатлел эти проводы? В 1898 г. в Нижнем парке минеральных вод производил всевозможные фотографические работы московский фотограф, член Русского фотографического общества, А.А. Антонов (с 1901 г. – статский советник), удостоенный за превосходное исполнение фотографий благодарности и похвалы Его Императорского Высочества великого князя Сергея Александровича». Можно предположить, отмечает автор, что этот групповой снимок принадлежит ему.

Ключевые слова: групповая фотография, Липецкие минеральные воды, курортный сезон, чиновники.

В прекрасном краеведческом издании о Липецких минеральных водах приведена безымянная групповая фотография представителей высшего света нашего города и уезда «в один из сезонов начала XX в.» [1]. Снимок передала в дар историко-бальнеологическому музею Софья Романова (фамилия по мужу), дочь начальника Липецкой почтовой конторы, коллежского асессора Василия Дмитриевича Степанова [2] (Софья Васильевна родилась в Липецке 10 марта 1894 г. [4]).

В 1901 г. он уже в чине коллежского советника руководит почтово-телеграфным отделением в селе Грязи [3]. В настоящее время снимок находится в мемориальном фонде В.И. Жукова в Липецком областном краеведческом музее. Установлением фамилий на фотографии занимались в начале XX в. известный липецкий краевед, художник, поэт, организатор музеев, директор историко-бальнеологического музея Владимир Илларионович Жуков и краевед Владимир Иванович Климентов. На обратной стороне снимка они составили список имен своих «героев». К сожалению, из полусотни человек на снимке неизвестны более десяти, многие названы только по фамилиям (особенно не повезло женщинам: четыре не названы, а пять имеют только фамилии). Состязаться с Жуковым и Климентовым в установлении новых имен трудно, тем более что многие лица были им знакомы (краеведы проживали в Липецке в 1905–1906 гг.). Первоначальная их датировка фо-

тографии – конец XIX в. Думается, наступило время сделать попытку «раскрыть инициалы» и предложить более точную датировку редкой фотографии. Уточнения (в квадратных скобках) и новая датировка принадлежат автору настоящей статьи.

Начнем с первого, дамского ряда, слева направо: липецкая помещица Хозикова Анна Петровна, неизвестная [вероятно, жена врача, стоматолог Полина Вениаминовна Чериковер], жена врача Точиская (или Точисская) Юлия Антоновна, жена директора винзавода Штейн Изабелла Бененовна, жена уездного воинского начальника Руссова [Александра Павловна] [5], жена Липецкого уездного исправника Бартошевич [Александра Николаевна, дочь коллежского асессора Телескицкого] [6], жена помощника уездного исправника Ламанская [Татьяна Георгиевна, дочь коллежского советника, уездного врача Егора Семеновича Зеленко] [7], Рождественская [вероятно, Прасковья Анисимовна, дочь священника, жена регистратора в Липецком уездном полицейском управлении Ивана Мартиновича Рождественского] [8], Любчинская Каллиста Дмитриевна [вероятно, жена полковника Иван Ивановича Любчинского], неизвестная, неизвестная, неизвестная, жена гласного Липецкой Думы Громогласова [Лидия Ивановна] [9]. Хозикова, Любчинская, Руссова, Штейн, Точиская, Ламанская являлись действительными членами Липецкого дамского попечительного о бедных общества [10].

Второй ряд (мужчины рядом с дамами могут только стоять): Чериковер Лейзер Михелевич [или Леонид Михайлович, окончил курс медицинского факультета Харьковского университета со званием лекаря и уездного врача, в службе – с 9.11.1890 г., коллежский асессор – с 11.09.1893 г., врач в Липецкой женской прогимназии с 11.09.1893 г., впоследствии – надворный советник, городской врач, врач тюремной больницы и городских учебных заведений] [11]; Виноградов Алексей Павлович, доктор [уездный врач, коллежский советник] [12]; Штейн Юлиан Осипович, директор винзавода, сотрудник-член Ли-

пецкого дамского попечительного о бедных общества [13]; неизвестный; Точиский (или Точисский) Феликс Иосифович, доктор [по внутренним и детским болезням, умер в первой половине 1900 г.] [14]; Таманский [Павел Иосифович, помощник пристава первого участка города Липецка – с 28 марта 1890 г. пристав – с 28 августа 1891 г.] [15]; Юницкий Степан Васильевич [надворный советник, назначен на должность полицейского надзирателя города Лебедяни 21 октября 1889 г., в следующем году перемещен в пос. Грязи, назначен приставом 2-го стана Липецкого уезда 1.07.1893 г., перемещен на должность пристава 1-го стана того же уезда, назначен на должность помощника Липецкого уездного исправника 11.09.1898 г.] [16]; Макшеев Николай Николаевич, [директор Липецких минеральных вод с 1894 по 1904 г., доктор медицины, коллежский советник] [17]; Осипов Антон Антонович [в официальных документах – Осипович, коллежский асессор, судебный пристав Елецкого окружного суда] [18]; неизвестный; Бартошевич Александр Алексеевич, исправник Липецкого уезда [его послужной список настолько внушительен, что привести его полностью не представляется возможным [19]. Предположительно, что на данной фотографии он является «главным героем», а потому ограничимся годами его службы в Липецком уезде: с 4.12.1889 до 1898 г. В 1898 г. «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 3-го сего июля Липецкий уездный исправник, коллежский советник Бартошевич назначен членом-заведывающим делопроизводством Тамбовского губернского по воинской повинности присутствия» [20]. В том же году Бартошевич направил в Липецкое уездное полицейское управление заявление: «...вследствие предложения г. губернатора от 31 июля № 22, полученного 3-го августа, я с сего числа передаю должность уездного исправника временно исправляющему должность полицейского исправника приставу 1 стана, коллежскому асессору Юницкому» [21]]; неизвестный; Ламанский Павел Владимирович, пристав [1-го стана Липецкого уезда с 12.07.1891 г., помощник липецкого исправника с 25.04.1894 г.] [22]; Песков Дмитрий Алексеевич, [коллежский советник, казначей уездного земства] [23]; Руссов Владимир Александрович, полковник, уездный воинский начальник [в «Липецком сезонном листке», 1899, № 3 (18 июля) дирекция вод сообщает о смерти В.А. Руссова: «...мы не могли ничего сказать своевременно, так как в то время, когда В.А. Руссов умер, Сезонный Листок, в настоящем его виде, не издавался», т.е. до 4.07.1899 г. (когда вышел первый номер «Сезонного Листка» «по новой программе в виде газеты без предварительной цензуры»); умер 13.06.1899 г. в возрасте 60 лет, похоронен на Евдокиевском кладбище [24]]; жандармский полковник; Целецкий Александр Матвеевич, [надворный советник и начальник Липецкой почтовой конторы в 1901 г.] [25]; Архангельский Кл. Ст., пристав [Клавдий Степанович, коллежский асессор, пристав 2-го стана Липецкого уездас 16.02.1896 г., перемещен на должность пристава 1-й части города Тамбова 7.12.1898 г.] [26]; Чернов Николай Александрович, бывший певец, артист оперы [коллежский регистратор, председатель Липецкой уездной земской управы]; Громогласов Петр Алексеевич, член Липецкой уездной земской управы.

Веранду «оккупировали», преимущественно, служители буфета, провизоры и врачи. Стоят слева направо: Александров Дмитрий Иванович, швейцар; следующие за ним трое молодых людей – официанты буфета; Перемежко-Галич Владимир Александрович, [липецкий помещик, коллежский регистратор, почетный мировой судья Уездного съезда]; Карстенс Эрнст Евграфович, провизор, [коллежский асессор]; Вязлинский Виктор Константинович, провизор, [управляющий Липецкой земской аптекой]. Первое упоминание о занимаемой должности – в «Липецком сезонном листке» от 13.07.1899 г.: «производит анализы качественные и количественные и микроскопические», аптека находилась на Дворянской улице]; Бубнов Серафим Иванович, доктор, [заведующий земской больницей, находилась на улице Воронежской, сейчас на этом месте жилой дом и магазин «Медтехника»]; Успенский Георгий Александрович, квартальный [должность указана неверно, правильно: полицейский надзиратель пос. Грязи с 28.02.1897 г.] [27]; Раков Алексей Ива-

нович, доктор, [поступил на службу 17.10.1886 г.]. Сидят на скамейке веранды: акцизный чиновник; неизвестный; Воронов [Александр Семенович], акцизный чиновник [28]; Степанов Василий Дмитриевич, начальник Липецкой почтовой конторы, с дочерью Софьей. Следует упомянуть управляющего Липецкой земской аптекой Вилямовича Льва Ивановича, сведения о нем приводятся в «Липецком сезонном листке» с 1896 по 1899 г. На снимке его нет. Вместо него присутствует Вяжлинский.

Сопоставление данных формулярных списков о службе полицейских чинов в Липецком уезде (в частности, сравнение сроков службы Бартошевича и Архангельского) приводят к правдоподобному выводу: снимок относится к курортным сезонам 1896, 1897, 1898 гг. Правда, с 16 мая 1894 по 24 апреля 1895 г. Архангельский был откомандирован для занятий в Липецкое уездное полицейское управление. Но в мае 1894 г. Софье Степановой было менее трех месяцев, а в апреле 1895 г. – один год и полтора месяца (к тому же, курортный сезон в апреле не начинался). Кроме того, обратим внимание на то, что почти все чиновники на снимке служат в одном ведомстве – Министерстве внутренних дел. И если присутствуют чиновники других министерств, то их служебные интересы пересекаются с полицейским управлением. Нет преподавателей учебных заведений, представителей купечества, т.е. событие, которое собрало чиновников, является ведомственным и весьма значимым в их служебной деятельности.

Какое событие послужило поводом для фотографирования? Наиболее правдоподобно, что фотография зафиксировала торжественные проводы в июле-августе 1898 г. Липецкого уездного исправника А.А. Бартошевича в связи с Высочайшим приказом по гражданскому ведомству о его назначении заведующим делопроизводством Тамбовского губернского по воинской повинности присутствия. Бартошевичу тогда исполнилось 53 г., а потому новая должность избавляла от беспокойной работы уже немолодого исправника. А букет цветов его супруге – на память от липецких светских дам о прекрасном, утопающем в садах городе... Кто запечатлел проводы? В 1898 г. в Нижнем парке минеральных вод «производил всевозможные фотографические работы... фотограф, член Русского фотографического общества, А.А. Антонов, удостоенный за превосходное исполнение фотографий благодарности и похвалы Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича». Можно предположить, что групповой снимок выполнил московский фотограф. Дальнейшая служебная карьера А.А. Бартошевича будет складываться успешно: в 1901 г. он уже имеет чин статского советника [29].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Липецк и Липецкие Минеральные Воды / Автор-составитель И. Жирова. Липецк, 2003. С. 22.
2. Памятная книжка Тамбовской губернии. Тамбов, 1894. С. 474.
3. Адрес-календарь служащих в Тамбовской губернии лиц на 1901 год. Тамбов, 1901. С. 128.
4. ГАЛО. Ф. 163. Оп. 1. Д. 42. Л. 105 об.
5. Там же. Ф. 112. Оп. 1. Д. 43. Л. 32 об.
6. Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 72. Л. 165.
7. Там же. Л. 53.
8. Там же. Л. 181 об.
9. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 42. Л. 13 об.
10. Адрес-календарь... С. 136, 137.
11. Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. Харьков. 1894; Адрес-календарь... С. 130.
12. Там же.
13. Там же. С. 136.

14. ЛСЛ. 1900. № 3 (18.06.1900). С. 2.
15. ГАЛО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 72. Л. 199 об.-201.
16. Там же. Л. 211 об.-215.
17. Памятная книжка Тамбовской губернии. С. 474; ЛСЛ. 1904. № 4 (27 июня). С. 1.
18. Памятная книжка Тамбовской губернии. Тамбов, 1894. С. 475.
19. ГАЛО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 72. Л. 148-165.
20. Там же. Л. 40.
21. Там же. Л. 44.
22. Там же. Л. 48-53.
23. Памятная книжка Тамбовской губернии. С. 475.
24. ГАЛО. Ф. 163. Оп. 1. Д. 44. Л. 85 об., 86.
25. Адрес-календарь... С. 128.
26. ГАЛО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 72. Л. 216 об.-221.
27. Адрес-календарь... С. 127, 130; ГАЛО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 72. Л. 222 об.
28. Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. Вып. II. Харьков, 1912; ГАЛО. Ф. 163. Оп. 1. Д. 42. Л. 76 об.
29. ЛСЛ. 1898. № 14 (23 авг.). С. 3; Адрес-календарь... С. 5.

УДК 947.083

ИЗ СТАРЫХ ЖУРНАЛОВ
Публикация и примечания Л.И. Земцова

Представленные в публикации документы XIX–XX вв. объединены общей темой – истории великорусского крестьянства. Первый из них, датированный 1840 г., из той эпохи, когда взяточничество было нормой поведения. Приведенный документ показывает тот редчайший случай, когда случайно оказавшийся в сельце родственник задонской помещицы Н.В. Муравьевой Н.М. Муравьев немедленно отреагировал на рассказ крестьян – самой обездоленной части населения – о поведении местного полицейского чина – исправника штабс-капитана Бухтеева – требовании и получении взятки от бурмистра А.С. Растегаева, чтобы ускорить судебное следствие в Задонском земском суде. Второй текст, посвященный поездке елецких крестьян в Берлин к бывшей своей помещице с целью совершить сделку по покупке земли, характеризует елецкое крестьянство. Во-первых, к рубежу XIX–XX вв. состояние крестьянства улучшилось, так что несколько крестьянских обществ могли позволить себе покупку значительного количества земли по цене 155 руб. за дес. Производит впечатление и отказ одного из путешественников от «кохвию с молоком» в связи с постом. Религиозность народа, определяемое ею поведение, и ориентированное на нее обычное право продолжали сохранять значение, в особенности среди крестьянства. В связи с этим произвел впечатление на елецких путешественников и внешний вид посольского священника. Достоин внимания и то, какое впечатление на жителей Берлина производил внешний вид русского крестьянина, их умение без знания языка решить все необходимые вопросы. Характерно для русской деревни и взаимоотношения с прежними господами, а у княжны М.А. Мещерской – далекие от реальности представления о крестьянах, условиях их существования.

Ключевые слова: консул, жандарм, крестьянство, исправник, бурмистр, взятка.

Периодические издания – ценнейший источник для выяснения таких сторон прошлого, которые часто никак не выяснишь по другим документам. Особо это значимо для выяснения нравов и поведения людей прошедших времен. В целом ряде случаев приводимые сведения позволяют иными глазами взглянуть на человека иной эпохи, уточнить представления о людях того времени, точнее определить мотивы их поведения. Первый документ – из той эпохи, когда взяточничество было нормой поведения. Приведенный документ показывает тот редчайший случай, когда случайно оказавшихся в сельце родственник помещицы немедленно отреагировал на рассказ крестьян – самой обездоленной части населения – о поведении местного полицейского чина – исправника [1].

Второй текст характеризует елецкое крестьянство. Во-первых, к рубежу XIX–XX веков состояние крестьянства улучшилось [2], так что несколько крестьянских обществ (низших единиц крестьянского самоуправления) могли позволить себе покупку значительного количества земли по цене 155 руб. за дес. Еще в конце 80-х гг. добровольные корреспонденты отмечали понижение продажных цен на землю в Елецком уезде – на 40-50 руб. за дес., до 150-80 руб. [3]. Имеем в виду то обстоятельство, что при приобретении земли обществами [4] распределялась она в соответствии с внесенной суммой («по деньгам»). Таким образом, усреднения в пользовании землей не происходило, а, наоборот, усиливался процесс дифференциации крестьянства. Скорее всего, основную часть покупателей земли составят зажиточные крестьяне, поскольку существование большинства орловских крестьян – на грани нищеты [5]. Производит впечатление и отказ одного из путешественников от «кохвию с молоком» в связи с постом. Религиозность народа, определяемое ею поведение и ориентированное на нее обычное право продолжали сохранять значение, в особенности среди крестьянства. В связи с этим произвел впечатление на елецких путешественников и внешний

вид посольского священника. Достоинно внимания и то, какое впечатление на жителей Берлина производил внешний вид русского крестьянина, их умение без знания языка решить все необходимые вопросы. Характерно для русской деревни и взаимоотношения с прежними господами, а у княжны М.А. Мещерской (ей около 70 лет) – далекие от реальности представления о крестьянах, условиях их существования.

ПИСЬМЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

13-го февраля 1840 г.

Я, нижеподписавшийся, задонский исправник, даю сию расписку за собственноручным подписанием землянскому [6] помещику коллежскому асессору [7] Николаю Матвеевичу Муравьеву, в том, что 12-го сего февраля вытребовал от бурмистра Абрама Сидорова Ростигаева из господской оброчной суммы четыреста рублей, чтобы ускорить окончанием дела по следствию, мною сделанному, вместе с членами задонского земского суда, о найденном теле в Алексеевской деревне в колодце. И по требованию г-на Муравьева обратно сих денег от меня как незаконная с моей стороны взятка, и даже насильственное воровство мое из господского сундука я отдал сии четыреста рублей обратно тому же бурмистру Абраму Ростигаеву. При получении же мною от него сих денег, свидетелем был бурмистр Клиновской деревни Семен Никитин Гладких. Деньги сии от бурмистра Абрама Сидорова Ростигаева принял, для доставления к помещице Натальи Васильевне Муравьевой, коллежский асессор Николай Матвеевич Муравьев, которому по личной просьбе дал сию расписку за собственноручным подписанием моим, для того, чтобы оную по усмотрению г. Муравьева представить Воронежскому военному губернатору для поступления со мною по законам, как с похитителем чужой собственности. Штабс-капитан Бухтеев [8].

ЕЛЕЦКИЕ МУЖИКИ В БЕРЛИНЕ

В последние два года в Елецком уезде и, собственно, в районе Сергиевской волости замечается усиленная покупка владельческих земель крестьянскими обществами. Крестьянам деревень Тульской, Ольшанки, Каменки и Нов. Поселок, бывших кн. Мещерского, также представился случай купить землю бывшей владелицы их отцов, княжны Марии Андреевны Мещерской. Земля эта в количестве 3500 дес. с усадьбою и лесом 100 дес. находится при с. Спасском. За лес поверенному кн. Мещерского, Блоку в Петербурге местные лесопромышленники предлагали 70 тыс. руб. с землей, стоит же он, по мнению сведущих людей, сам по себе, без земли, 100 тыс., притом он идет прямо от владельческой усадьбы и отчуждение его с землей образовало бы владение, вторгшееся в средину площади земли в 1400 дес. Крестьяне названных деревень сообразили известное здесь сочувственное к ним отношение покойных князей Мещерских, отца и брата княжны М.А., и решили направить своих уполномоченных для личных переговоров с княжной в Берлин. И вот что, по словам «Орловского Вестника», рассказывают о своей поездке двое крестьян, ездивших в «немецину».

Дело было в конце минувшего великого поста. Приехали они на ст. Берлин и вошли в вокзал в овчинных нагольных полушубках, в простых сапогах и зимних шапках. В руках у них был жестяной чайник. Время было утреннее и им хотелось выпить чаю, а к кому обратиться насчет «кипятку» – не знают. В таком «содоме», какой шумит, галдит и кружится, тут и бывалому человеку не разобраться сразу. Решили обратиться к жандарму – начальство, дескать, такое, что все знает и может всякий распорядок дать; объясняться пришлось, разумеется, пантомимой: постукивают о чайник, изображают рукой поворот крана, вливание воды в чайник, выливание в него в «посудинки» и затем глотание с «дутьем на горячее». Жандарм, как быть должно, понял и, выслушав – собственно высмотрев – их, с величественной важностью что-то сказал «по-своему» шнырявшей по вокзалу буфетной прислуге и указал русакам сесть за стол. Те сели и им подали два стакана ... «кохвию» с молоком! Один, что немножко постарше и угрюмее, перекрестясь, решил выпить. Потому не в своей земле. Что

ж делать, коли тут чаю не поважают, а им хочется горяченького. Другой, что помоложе и повеселее, не стал скоромиться. «Душа не принимает в такой-то пост». Нужно было платить деньги, положили их на ладонь и преподнесли – берите, дескать, сами, сколько следует. Но денег с них не взяли, и жандарм им знаками объяснил, что хозяин буфета угощает их задаром. Видно было приятно буфетчику, когда наших мужиков окружала толпа любопытных. Поблагодарив буфетчика, нужно было приступить к делу. Достали и показали жандарму паспорта. Марс посмотрел на документы и приказал сидеть на диване. Просидели они тут часа три, пока у русского консула начался прием. Наконец, к ним подошел с каким-то человеком жандарм и дал знак идти за ним. Выйдя из вокзала, крестьяне хотели было взять извозчицкий экипаж, но провожатый и жандарм помахали руками и указали на ноги мужиков и куда-то по направлению к городу. Это означало, что ехать не надо, тут недалеко и можно дойти пешком. Так и оказалось.

У консула ждать крестьянам долго не пришлось. Он скоро принял их, засвидетельствовал их документы и, узнав о цели их приезда, направил с тем же провожатым к княжне Мещерской, причем сказал, что, если она не даст им крова, то чтобы они приходили к нему. Княжна немедленно и радушно приняла их в своих «горницах», усадив на мягких стульях. Порасспросив их о том, как им живется на родине, живы ли тот-то или тот-то из крестьян, которых она помнит и которые оказались давно умершими, княжна направила их к русскому посольскому священнику, который даст им на время приют и все, что нужно для содержания, и сказала, что платить за это им ничего и никому не нужно, что уж это ее дело, и при этом дала им 3 р., чтоб они по пути к батюшке зашли «посмотреть зверей» в зоологический сад. Отсюда их сопровождал уже другой человек, «мараковавший» по-русски. Они зашли в сад и дивились его диковинному населению, а от льва так даже тот, что поразвязнее, метнулся бежать. «Очень уж громадный зверина. Ревет так, что аж ужас хватает, а у клетки прутья не добря толстые». Задумали мужики купить новый чайник вместо имевшегося помятого и сообщили о своем желании проводнику. Тот повел их в высоченный дом, завел в комнату и усадил на диван. Они сели. Вдруг диван как двинется с ними и с жоаком кверху ... «аж у живота стало холодно»... и очутились они на пятом этаже, где от стен и потолка люди и все кверху ногами казались.

Крестьяне очень были удивлены, увидев посольского русского батюшку, когда он вышел к ним в первый раз в его квартире, одетым в пиджачок и остриженным «под польку». Священник, увидав, кто пришел к нему, пригласил подождать их в передней, а сам тотчас же пошел облачился в рясу и затем благословил их, пригласил в комнаты, угостил обедом и очень радушно беседовал с ними, как и во все дни пребывания их в его доме. Насколько были заметны и составляли предмет любопытства для улиц Берлина наши земляки, можно судить из их рассказа о таком случае. Однажды, проходя по улице, они были окружены толпой мальчиков и девочек, вывалившей из одного дома, вероятного учебного заведения. Толпа окружила их кольцом, засматривала им в глаза, оглядывала их с ног до головы, «лопотала по-своему», брала в руки полы их полушубков и, указывая на шерсть, осведомлялась знаками: такой ли, дескать, этот наряд вверху и в рукавах, как снизу? Им отвечали постукиванием ладонями по груди и рукам, указаниями на полы и киваниями головой в удостоверение того, что полушубки одинаковы целиком. И довольная толпа щипала, видно на память, шерсть из пол полушубков.

Княжна Мещерская изъявила согласие продать землю крестьянам, но только 2000 десят. отдельно от усадьбы и леса, потому что она знает, что крестьяне сейчас же превратят усадьбу в Бог знает что, и с лесом также поступят не лучше, а ей этого не желательно. Она назначила цену по 155 р. за десят. и указала уполномоченным обратиться к ее поверенному Блоку в Петербург и там заключить сделку с ним и с банком по выдаче им ссуды. У княжны, видимо, сохранилось представление о русской крестьянской благосостоятельности по рассказам давно бывшего времени. Так, на заявление крестьян, что им не под силу купить землю

без займа, она высказала им: «Нет, нет. Я ведь знаю, как у вас берегут деньги: складывают их в кубышечки и потом зарывают под печками» [9].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Выражаем искреннюю признательность отделам редких и ценных книг и краеведения Липецкой областной универсальной научной библиотеки за содействие в подготовке публикации. «Русская старина» (1870–1918) – ежемесячный исторический журнал (основатель – М.И. Семевский). Публиковал, в основном, документальные материалы XVIII – XIX вв. «Мир Божий» (1892–1906) – ежемесячный литературный и научно-популярный журнал для юношества (основатель и издатель – А.А. Давыдова, фактический руководитель – А.И. Богданович) либерального направления, поддерживал позиции «легального марксизма». После приостановки издания журнала правительством продолжил существование под названием «Современный мир» (1906–1918).
2. См.: Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX в. 2-е изд. М., 2012.
3. ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 1108. 1888 г. № 11, 12.
4. Из заметки неясно: покупают земли все общества в полном их составе, или из членов этих обществ складываются товарищества. По данным статистики в Орловской губернии на 1905 г. целые общества (182) прикупили 46891 дес., а товарищества из крестьян (1068) приобрели 140891 дес. (См.: Статистика Землевладения 1905 года. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 14).
5. Оценка дана в рецензии на «Сельскохозяйственный обзор Орловской губернии за 1894 год» // Русское богатство. 1895. № 7. 2-я паг. С. 10-14.
6. Землянский и Задонский – уезды Воронежской губернии
7. Коллежский асессор – 8 чин по Табели о рангах в гражданской службе, соответствовавший майору в армейской.
8. Документ публикуется по изд.: Русская старина. 1898. Т. 96. № 10. С. 30.
9. Документ публикуется по изд.: Мир Божий. 1905. № 5. 2-я паг. С. 16-18.

ИЗ АРХИВОВ

«ДОВЕДИТЕ ВЫ МОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДО СВЕДЕНИЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА»: ПИСЬМО Н.Н. НОВОСИЛЬЦОВА А.Д. БАЛАШЕВУ 1809 г.

О.А. Любезников

Публикация впервые вводит в научный оборот хранящееся в Отделе письменных источников ГИМ письмо сенатора, сподвижника Александра I, Николая Николаевича Новосильцова (1766/1767–1838), адресованное им генерал-адъютанту Александру Дмитриевичу Балашеву. Автором публикуемого письма от 1 ноября 1809 г. был видный государственный деятель царствования Александра I Н.Н. Новосильцов, бывший член кружка наследника престола великого князя цесаревича Александра Павловича, бывший член Негласного или «интимного» комитета, бывший товарищ министра юстиции, действительный камергер, занимавший к тому же посты попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и президента Императорской Академии наук и оказавшийся в опале, как и другие лица из ближайшего окружения императора, после неудачной войны с Францией 1805–1807 гг. и Тильзитского мира 1807 г. (формально из-за неосторожных высказываний Новосильцова в адрес Александра I, сделанных осенью 1809 г. после произошедшего по итогам франко-австрийского Шенбруннского мира территориального увеличения Великого герцогства Варшавского). Адресатом послания являлся новый фаворит монарха – военный губернатор Санкт-Петербурга, генерал-лейтенант А.Д. Балашев, позднее ставший министром полиции. Письмо проясняет обстоятельства утраты Н.Н. Новосильцовым своего влияния при дворе в конце 1800-х гг., раскрывает внутреннее состояние и переживания сановника, потерявшего доверие монарха. Письмо Н.Н. Новосильцова – источник не только для реконструкции его личной биографии, но и для изучения особенностей служебных и межличностных связей в среде высшей бюрократии в Александровскую эпоху. Содержание данного письма (возможно, даже не отосланного) является дополнительным аргументом, объясняющим падение влияния Новосильцова в правящих кругах империи в данный период.

Ключевые слова: Н.Н. Новосильцов, А.Д. Балашев, Александр I, А.Е. Чарторыйский, Российская империя, Тильзитский мир.

Сторонники микроисторического подхода антропологически ориентированной истории отстаивают идею «детального, в антропологическом духе, анализа реальной жизни и взаимоотношений <...> людей» прошлого [1]. Хотя «предметом внимания микроистории традиционно выступает так называемый «маленький человек» – носитель массовой народной культуры», «ничто не препятствует приложению этого метода к исследованию других типов культуры, в частности, культуры дворянской элиты» [2]. Однако в отечественной историографии, посвященной управленческой элите Российской империи первой половины XIX в. [3], попыток микроанализа повседневных служебных и личных взаимосвязей представителей высшей бюрократии не предпринято. Особенности взаимоотношений сановников, их положение при императорском дворе, их явная и негласная иерархия, отношение к ним монарха

(и расположение, и немилость), наконец, репутация в общественном мнении [4] – все эти факторы оказывали влияние при принятии тех или иных управленческих решений, определявших характер внутри- и внешнеполитического развития российского государства.

Ближайшее окружение императора составляло, как правило, ограниченное число сановников: монарх не заинтересован в расширении круга доверенных лиц, представители же высшей бюрократии стремились сохранить свой статус, поскольку «утрата царского доверия означала жизненную катастрофу» [5]. Хрестоматийным примером переменчивости отношения царя к своему сподвижнику-конфиденту может служить отставка М.М. Сперанского в 1812 г. «Кадровые перестановки» в ближайшем окружении Александра I происходили и прежде – в начале царствования лишились своих должностей «заговорщики», участники переворота 12 (24) марта 1801 г.; а после переориентации российской внешней политики от конфронтации к союзу с наполеоновской Францией – члены Негласного комитета, «молодые друзья» императора, в том числе Николай Николаевич Новосильцов (1766/1767–1838). Распыленность архивного фонда Новосильцова [6] осложняет работу по подготовке к публикации монографического исследования о его жизни и государственной деятельности. Сохранившиеся документы фрагментарны, биография сановника полна белых пятен, обстоятельства утраты им влияния при дворе в конце 1800-х гг. не прояснены.

В историографии «падение» Н.Н. Новосильцова связывается с неприятием сановником изменившегося курса внешней политики Александра I после заключения Тильзитского мира [7]. Новосильцов считал необходимым сохранить российско-английское партнерство, отрицательно оценивал сближение царя с Наполеоном и, по свидетельству служившего под началом сановника в Комиссии составления законов барона Г.А. Розенкампа, не скрывал от монарха своей позиции. «Чувства Новосильцова были раздражены до чрезвычайности <...> Он знал государя слишком хорошо и имел слишком большие права на его к нему доверие, чтобы не выразить своих чувств» [8]. Новосильцов тесно общался с Александром Павловичем еще с 1797 г. [9], с июля 1801 г. как действительный камергер двора состоял при императоре для особых поручений. «Молодой царь видел в нем умного, способного и сведущего сотрудника, веселого и приятного собеседника, преданного и откровенного друга, паче всех других любил его и поместил у себя во дворце» [10]. Наступившее во второй половине 1807 г. охлаждение в отношениях привело к оставлению Новосильцовым покоев в Зимнем дворце [11]. 16 (28) декабря 1808 г. он был уволен с поста товарища министра юстиции и перестал играть существенную роль в Комиссии составления законов.

В 1809 г. отношения монарха и его приближенного еще более осложнились. Два мемуариста сообщают о неосторожных высказываниях Новосильцова в адрес Александра I, сделанных осенью 1809 г. после произошедшего по итогам франко-австрийского Шенбруннского мира территориального увеличения Великого герцогства Варшавского. Царь выступал против расширения герцогства, опасаясь, что этот шаг будет способствовать росту сепаратистских настроений в западных губерниях Российской империи. Игнорирование Наполеоном пожеланий Александра I свидетельствовало о дипломатической несостоятельности царя. По мысли Новосильцова, российскому монарху в этих условиях оставалось лишь довериться французскому императору, обещавшему не поддерживать польское национально-освободительное движение в западных губерниях России и тем самым сохранить ее территориальную целостность [12]. Суждения Новосильцова, озвученные в разговоре с князем А.Е. Чарторыйским, были доложены Александру I. Сам Чарторыйский в беседе с императором 12 (24) ноября 1809 г. пытался оправдать сановника: «...Я постарался направить наш разговор на Новосильцова и сделанный на нас обоих незадолго перед этим донос. Но лишь только император заметил, к чему клонила речь, он тотчас же остановил меня, говоря, <...> что я был замешан в нем лишь косвенным образом, так как не принимал участия в речах Новосильцова, столь необычайных по своему содержанию, которые он вел в таком публичном месте, как гостиница. Дело шло об одном обеде, на котором Новосильцов будто бы говорил о недавнем письме Наполеона к Его Величеству. Император был чрезвычайно раз-

дражен. Я защищал Новосильцова, как мог, но все было напрасно...» [13]. Внучатый племянник Н.Н. Новосильцова в своем неопубликованном мемуарном очерке о предке также обращал внимание на этот случай: «Однажды разговор его с кн. Чарторижским в ресторане Тардюфа о колебаниях русской политики, причем, конечно, произносилось имя государя, был подслушан чутким ухом из-за двери. На другой день государь призвал его к себе и так строго выразил свою немилость за донесенный ему разговор «в трактире», что «друг» императора, всю ночь не раздеваясь, ожидал приезда Балашева с приказанием ему выехать сейчас из города. Балашев, однако, не приехал, но Новосильцов не смел показываться во дворце, случайные друзья уже не кланялись ему на улице...» [14].

По-видимому, некий разговор Н.Н. Новосильцова с А.Е. Чарторыйским в ресторации Тардифа (Тардюфа) в «Hôtel del'Europe» на углу Невского проспекта и Дворцовой площади [15] имел место. Во всяком случае, из впервые публикуемого ниже черновика письма Н.Н. Новосильцова военному губернатору Петербурга А.Д. Балашеву от 01 (13) ноября 1809 г. следует, что последним было даже проведено специальное расследование этого случая. Сохранившееся в составе личного фонда сановника в Отделе письменных источников Государственного исторического музея черновое письмо Н.Н. Новосильцова ясно показывает, сколь тяжело он переживал свое двусмысленное положение при дворе. Новосильцов писал, что не считал для себя возможным бывать на приемах и обедах у Александра I из-за распущенных по всему городу слухам о том, что он находится «под гневом у Государя Императора». Действительно, согласно Камер-фурьерскому церемониальному журналу, за вторую половину 1809 г. Н.Н. Новосильцов ни разу не присутствовал на обедах у императора [16]. Н.Н. Новосильцов просил А.Д. Балашева попытаться узнать истинное отношение к нему Александра I. И это само по себе показательно. Всего пару лет назад один из ближайших сподвижников Александра I, разработчик ключевых законопроектов, дипломат, заключивший русско-английский союзный договор, Новосильцов растерял доверие монарха, их отношения испортились настолько, что сановник теряет в догадках о своей участи и вынужден слезно просить помощи у чиновника, еще несколькими годами ранее малоизвестного. Письмо доказывает ведь и то, сколь стремительно Балашев вошел в ближний круг Александра I. Это ценный источник, ясно демонстрирующий перемены в истинной придворной иерархии императорской России.

Н.Н. Новосильцов несколько раз исправлял текст обращения к Балашеву. И эти варианты показывают и искреннее расстройство сановника своим положением, и очевидное стремление его исправить. Первоначальный вариант просьбы исполнен излишнего драматизма. Видимо, посчитав получившийся текст чересчур пафосным, Новосильцов изменил его, смягчив формулировки, вероятно, все же надеясь разжалобить своего корреспондента, а значит, и монарха. Трудно сказать, было ли это письмо вообще отправлено Балашеву: чистового варианта письма или какого-либо ответа на него обнаружить не удалось. Тем не менее, реакция императора в отношении Н.Н. Новосильцова известна: 30 декабря 1809 г. (11 января 1810 г.) сановник, до того сохранявший посты попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и президента Императорской Академии наук, Высочайшим указом Правительствующему Сенату был уволен от всех дел. По собственному его желанию, дозволено ему было «для поправления здоровья отлучиться к теплым водам за границу» [17]. На службу Н.Н. Новосильцов вернулся лишь три года спустя – во время Отечественной войны.

Текст письма Новосильцова приводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением стилистических особенностей. Сокращенные в оригинале слова дописываются в угловых скобках. Фразы или слова, зачеркнутые Новосильцовым, даны в квадратных скобках. Зачеркнутые Новосильцовым буквы показаны как зачеркнутые, к примеру: а. Вписанные им буквы, слова или фразы выделены курсивом.

«Милостивый Государь мой Александр Дмитриевич,

При объяснении моем с Вашим превосходительством я имел честь Вам представлять, что [главную] *единственную* причиною тому, что [к крайнему прискорбию моему] в продолжении довольно долгого времени я не имел счастья пользоваться весьма драгоценным для меня дозволением приезжать к столу Его Императорского Величества, были общие слухи, распушенные по всему городу от самых тех людей, которые [же] должны были [известнее всех прочих] *в сем всех сведущее* – что я оставляю вам *самим* судить [самим по себе]: чувствительным мне было это слышать и мог ли я из-за сего иметь [довольно] *столько* бесстыдства, чтобы осмелиться приехать, не удостоверясь наперед в несправедливости такого слуха? По объяснении же моем с вами, не видя из речей ваших ничего, что бы к подтверждению одного служить могло, я решился было взять на себя эту смелость, но не далее как вчерась же (в воскресенье) я остановлен был, узнав от графа Петра Васильевича Завадовского [18], что Петр Степанович Валуев [19] и накануне того дня рассказывал в доме Ив<ана> Алек<сеевича> Алексеева [20], что я в трактире у Тардифа публично критиковал письмо императора Наполеона, за что получил от военного губернатора строгий выговор и исключен из списков для приезда ко двору, утверждая, что сие последнее обстоятельство [ему известно] *он знает* от самого графа Толстого [21].

Вы, Милостивый Государь мой, [дело сие] следовали это дело, и вам известно столько же, как и мне, какую безбожно (нрзб. – *О.Л.*) и безрассудною клеветою старались меня вновь очернить [меня] пред Государем; Вы обнаружили эту клевету: тем того [мог ли я] *можно ли было* ожидать, что найдутся еще люди, которые употребят себя на распространении оной в публике, не взирая на то, что она сделалась столь явною? Впрочем, я не жалобами моими хочу вас обременять, но прошу вас, не только как военного губернатора, но притом как честного и благородного человека: [Выведите меня из той жестокой неизвестности, в которой я нахожусь и которая противу воли моей, желаний и чувствований может представлять меня человеком, убегающим своего Государя], доведите Вы сие мое положение до сведения Его Величества и испросите, ежели возможно, Высочайшего разрешения: должен ли я верить моему нещастию или нет? Одним словом, доведите вы мое положение до сведения Его Величества и испросите, ежели возможно, Высочайшего разрешения, могу ли я, не прогневая Его Величества, приехать к его столу или нет? Одним словом, выведите меня из той жестокой неизвестности, которая противу воли моей, желаний и чувств может меня представлять пред ним виновным. Имею честь быть... Ноября 1 1809» [22].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кром М.М. Историческая антропология. СПб., М., 2010. С. 90.
2. Лямина Е.Э., Самовер Н.В. Бедный Жозеф. Жизнь и смерть Иосифа Вильегорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999. С. 7. Возможность микроисторических исследований, главным образом, определяется степенью сохранности соответствующих источниковых комплексов. По мнению Н.Е. Копосова, микроистория «является одной из исследовательских техник макроистории». Проблематика микроистории схожа с макроисторической. (Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 142).
3. Ружицкая И.В. Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009; Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917. СПб., 2008.
4. Подробнее об общественном мнении в России в первой трети XIXв. см.: Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 130-240.
5. Лапин В.В. Самый знаменитый серб Российской империи. Судьба Михаила Милорадовича. // Звезда. 2015. № 12. С. 199.
6. В рапорте коллежского советника А.Г. Гомзина, занимавшегося осенью 1831 г. поиском и разбором бумаг Н.Н. Новосильцова, которые хранились в варшавской канцелярии сановника, раз-

- грабленной во время польского восстания 1830–1831 гг., сказано: «...Мы нашли дела и бумаги в двух больших залах, сваленные в кучи, которые представляли один хаос: многие из них были распиты, и листы оных, истоптанные ногами, валялись по разным углам, другие же изорваны в мелкие клочки и рассеяны по полу; тут в кучах были перемешаны одне с другими дела и бумаги...» – РГИА. Ф. 1250 (Дела и бумаги председателей и членов Государственного Совета). Оп. 1. Д. 1. О разборе бароном М.А. Корфом бумаг графа Н.Н. Новосильцова. Л. 16 об.
7. Выходчиков Л.В. «Дней Александровых прекрасное начало...»: Внутренняя и внешняя политика Александра I (1801–1811). СПб., 2006. С. 63; Окунь С.Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII – первая четверть XIX века. Л., 1956. С. 171; Пичета В.И. Международная политика России после Тильзита // Отечественная война и русское общество: В 7 т. Т. 2. М., 1911. С. 4. Тем парадоксальнее выглядит не основанное на каких-либо источниках утверждение Б.В. Носова: «Новосильцев был едва ли не единственным из приближенных Александра I, кто, выполняя деликатные императорские поручения, <...> в течение долгих лет так и не испытал на себе царской немилости или опалы. Такая карьера была бы невозможной, если бы Новосильцев хоть в чем-то проявил свою индивидуальность, обнаружил бы собственные политические устремления. Он был просто второй ипостасью своего коронованного патрона, благодетеля и друга». (См.: Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 275). Н.Н. Новосильцов – самостоятельная (насколько возможно) фигура, энергичный государственный деятель со сложившейся системой взглядов, болезненно воспринимавший ошибочные, с его точки зрения, политические шаги царя, оказавшийся в результате в опале.
8. Розенкамф Г.А. Отрывки из автобиографии / Публ. П.М. Майкова // Русская старина. 1904. Т. 120. № 11. С. 391.
9. Чарторижский А. Воспоминания и письма. М., 2010. С.124.
10. Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2003. С. 217.
11. Розенкамф Г.А. Отрывки из автобиографии. С. 391.
12. Подробнее см.: Попов А.Н. Вопрос Польский. 1806–1809 гг. // Попов А.Н. Отечественная война 1812 года: В 3 т. Т. 1. Сношения России с иностранными державами перед Отечественной войной 1812 года. М., 2008. С. 392–450.
13. Чарторижский А. Воспоминания и письма. С. 456–457.
14. РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 250 (А.Н. Пыпин). Оп. 4. Д. 215. Письмо В.В. Новосильцова М.М. Стасюлевичу с приложением воспоминаний о Н.Н. Новосильцове. Л. 4 об.-5. Мемуарный очерк В.В. Новосильцова написан в апреле 1870 г., воспоминания и дневниковые записи А.Е. Чарторыйского впервые опубликованы в 1887 г. по-французски. Работая над своим очерком, В.В. Новосильцов не отталкивался от записок А.Е. Чарторыйского. Упомянутый А.Д. Балашев занимал пост петербургского обер-полицмейстера, а с начала 1809 г. стал военным губернатором столицы. Подробнее см.: Скрыдлов А.Ю. На службе России: Александр Дмитриевич Балашев (1770–1837). СПб., 2016.
15. Яцевич А.Г. Пушкинский Петербург. СПб., 1993. С. 252–253.
16. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1809 года. Июль–декабрь. СПб., 1908.
17. РГИА. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 20. Д. 3. О службе попечителя Петербургского учебного округа Н.Н. Новосильцева. Л. 21; Оп.12. Д. 7. Об определении действительного камергера Новосильцова президентом Академии наук и об увольнении его. Л. 2.
18. П.В. Завадовский (1739–1812) – министр народного просвещения.
19. П.С. Валуев (1743–1814) – главноначальствующий Экспедицией кремлевского строения и Оружейной палатой.
20. И.А. Алексеев (1751–1816) – действительный тайный советник, сенатор.
21. Н.А. Толстой (1765–1816) – обер-гофмаршал.
22. Автограф – ОПИ ГИМ. Ф. 316. Оп.1. Д. 1. Л. 23–24 об.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ INFORMATION ABOUT AUTHORS

ЖИТИН РУСЛАН МАГОМЕТОВИЧ – канд. и. наук, главный библиограф ТОГБУК «Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина».

Область научных интересов: история России второй половины XIX – начала XX века.

ZHITIN RUSLAN MAGOMETOVICH – Ph.D., chief bibliographer «Tambov Universal Scientific Library name A.S. Pushkin».

Research interests: history of Russia in the second half of XIX – early XX century.

E-mail: istorik08@mail.ru

ЗЕМЦОВ ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ – д-р и. наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского.

Область научных интересов: история великорусского крестьянства во второй половине XIX – начале XX вв.

ZEMTSOV LEONID IOSIFOVICH – doctor of history, professor of the department of history Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

Research interests: the history of the Great Russian peasantry in the second half of XIX – early XX centuries.

El. mail: leozem@yandex.ru

КОРОЛЬКОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ – краевед.

Область научных интересов – история Липецкого края.

KOROLKOV MIKHAIL IVANOVICH – ethnographer.

Research interests – history of the Lipetsk region.

ЛАЧАЕВА МАРИНА ЮРЬЕВНА – д-р и. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России Московского педагогического государственного университета.

Область научных интересов: социальная и экономическая история России, историография, историческая психология.

LACHAEVA MARINA YUREVNA – doctor of History, professor, head of department of Russian History Moscow State Pedagogical University.

Research interests: social and economic history of Russia, historiography, historical psychology.

E-mail: lachaeva@mail.ru

ЛЮБЕЗНИКОВ ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ – канд. и. наук, доцент исторического факультета АНО ВПО «Петербургский институт юдаики».

Область научных интересов – политическая история Российской империи первой четверти XIX в., польский вопрос, история Санкт-Петербурга, история архитектуры.

LYUBEZNIKOV OLEG ANATOLJEVICH – Ph.D., associate professor of the faculty of history of «St.-Petersburg Institute of Jewish Studies».

Research interests – political history of the Russian Empire in the first quarter of XIX century, the Polish question, the history of St. Petersburg, the history of architecture.

E-mail: oleglubeznikov@mail.ru

МОКШИН ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ – д-р и. наук, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета.

Область научных интересов – общественное движение в России во второй пол. XIX в.

MOKSHIN GENNADIY NIKOLAEVICH – doctor of history, professor of Russian history of the Voronezh State University.

Research interests – social movement in Russia in the second half XIX century.

E-mail: mok410@mail.ru

ПАТРИНА ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА – заместитель директора ТОГБУК «Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина».

Область научных интересов: история России второй половины XIX – начала XX в.

PATRINA LYUDMILA NIKOLAEVNA – deputy director «Tambov Universal Scientific Library. A.S. Pushkin».

Research interests: history of Russia in the second half of XIX – early XX century.

E-mail: lnp@tambovlib.ru

ТОМИЛИН ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ – д-р и. наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Область научных интересов – новейшая история России.

TOMILIN VICTOR NIKOLAEVICH – doctor of history, professor of the department of history Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University.

Research interests – the recent history of Russia.

E-mail: tomilin58@mail.ru

УВАРОВ ГЕННАДИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. и. наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Область научных интересов – новейшая история России.

UVAROV GENNADIY VLADIMIROVICH – Ph.D., associate professor of the department of history Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University.

Research interests – the recent history of Russia.

E-mail: genuvarov@yandex.ru

ЧЕРЕШНЕВА ЛАРИСА АЛЕКСАНДРОВНА – д-р и. наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Область научных интересов – новейшая история Востока.

CHERESHNEVA LARISA ALEXANDROVNA – doctor of history, professor of the department of history Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University.

Research interests – recent history of the East.

E-mail: larisa-chereshneva@rambler.ru

ШЕВЧЕНКО ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ – канд. и. наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Область научных интересов: социальная и политическая история России конца XIX – начала XX века.

SHEVCHENKO IVAN ALEKSANDROVICH – Ph.D., associate professor of the department of history Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University.

Research interests: social and political history of Russia in the late XIX – at the beginning of XX-th century.

E-mail: shevchenko.iwan@gmail.com

ШУЛЬГИН ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ – д-р и. наук, Филиал Академии геополитических проблем, г. Калининград.

Область научных интересов – русская общественная мысль XIX в.

SHULGIN VLADIMIR NIKOLAEVICH – doctor of history, a branch of the Academy of Geopolitical Problems, Kaliningrad.

Research interests – Russian social thought of the XIX century.

ШУЛЬГИНА НИНА ВЛАДИМИРОВНА – канд. и. наук, доцент кафедры международного права Калининградского филиала автономного некоммерческого образовательного учреждения высшего образования «Международный университет в Москве».

Область научных интересов – современная российская общественная мысль.

SHULGINA NINA VLADIMIROVNA – Ph.D., associate professor, department of International Law of the Kaliningrad branch of the autonomous non-profit educational institution of higher education, "International University in Moscow".

Research interests – modern Russian social thought.

РЕФЕРАТЫ

УДК 98

Житин Р.М., Патрина Л.Н. **Виртуальная реконструкция как средство сохранения и изучения архитектурного своеобразия дворянской усадебной культуры Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX в.** – Гуманитарные исследования Центральной России. Липецк. – 2016. – № 1. – С. 60-64.

В статье представлена трехмерная виртуальная реконструкция комплекса строений Ново-Покровского имения семьи Орловых-Давыдовых в Тамбовской губернии. Данную реконструкцию авторы рассматривают как важную часть исследования социокультурных особенностей развития крупного капиталистического имения в конце XIX – начале XX в. Поэтапно представлен процесс виртуального восстановления построек, оценена значимость предпринятой реконструкции. Моделирование имения включает в себя ряд этапов. На первом авторы определились с технологией и методами воссоздания объекта, выбрали оптимальный программный софт. На втором этапе произошло выявление и обобщение источниковой базы по теме реконструкции. Попутно был осуществлен анализ сохранившихся чертежей строений, изучено текущее состояние объекта и произведен обзор среды, в которой он существовал. Третий этап посвящен непосредственно воссозданию имения и его визуализации. Авторами была выбрана программа 3DMax 2011. Обладая достаточно простым интерфейсом, выбранный софт позволяет обеспечить довольно высокую точность реконструкции облика имения.

Практическая ценность реконструкции имения как памятника историко-культурного значения без сомнения представляет интерес. Выполняемая реконструкция знаменует собой особое направление сохранения памятника истории, которое, в отличие от традиционных приемов реальной музеефикации, открывает перспективы воссоздания целостных архитектурных комплексов в виртуальном пространстве. Материалы реконструкции могут быть представлены в экспозиционной деятельности музеев или существовать в качестве самоценных ресурсов в сети Интернет. Виртуальная модель комплекса строений позволяет раскрыть по максимуму заложенные в конкретной музейной коллекции познавательные возможности. Она способствует усложнению представления о процессах социальной и культурной динамики развития имения, обозначает степень влияния жилищно-бытовых и производственных условий труда на состояние менталитета и особенностей поведения населявших хозяйство людей.

Ключевые слова: Ново-Покровское имение, А.А. Орлов-Давыдов, индустриальное наследие, 3D моделирование, реконструкция.

Библиография: 7 названий.

УДК 947.083

Из старых журналов / Публикация и примечания Л.И. Земцова. – Гуманитарные исследования Центральной России. – 2016. – № 1. – С. 70-73.

Представленные в публикации документы XIX–XX вв. объединены общей темой – истории великорусского крестьянства. Первый из них, датированный 1840 г., из той эпохи, когда взяточничество было нормой поведения. Приведенный документ показывает тот редчайший случай, когда случайно оказавшийся в сельце родственник задонской помещицы Н.В. Муравьевой

Н.М. Муравьев немедленно отреагировал на рассказ крестьян – самой обездоленной части населения – о поведении местного полицейского чина – исправника штабс-капитана Бухтеева – требовании и получении взятки от бурмистра А.С. Растегаева, чтобы ускорить судебное следствие в Задонском земском суде. Второй текст, посвященный поездке елецких крестьян в Берлин к бывшей своей помещице с целью совершить сделку по покупке земли, характеризует елецкое крестьянство. Во-первых, к рубежу XIX–XX вв. состояние крестьянства улучшилось, так что несколько крестьянских обществ могли позволить себе покупку значительного количества земли по цене 155 руб. за дес. Производит впечатление и отказ одного из путешественников от «кохвию с молоком» в связи с постом. Религиозность народа, определяемое ею поведение и ориентированное на нее обычное право продолжали сохранять значение, в особенности среди крестьянства. В связи с этим произвел впечатление на елецких путешественников и внешний вид посольского священника. Достоин внимания и то, какое впечатление на жителей Берлина производил внешний вид русского крестьянина, их умение без знания языка решить все необходимые вопросы. Характерно для русской деревни и взаимоотношения с прежними господами, а у княжны М.А. Мещерской – далекие от реальности представления о крестьянах, условиях их существования.

Ключевые слова: консул, жандарм, крестьянство, исправник, бурмистр, взятка.

Библиография: 6 названий.

УДК 947.083

Корольков М.И. **Вспомним и лица, давно позабытые...** – Гуманитарные исследования Центральной России. – 2016. – № 1. – С. 65-69.

Статья посвящена рассказу о лицах, помещенных на групповой фотографии представителей местного «высшего света» г. Липецка и Липецкого уезда, сделанной в один из курортных сезонов в нашем городе на рубеже XIX–XX вв. Сам снимок передала в дар историко-бальнеологическому музею Софья Романова (фамилия по мужу), дочь начальника Липецкой почтовой конторы, коллежского асессора В.Д. Степанова. В настоящее время снимок находится в мемориальном фонде В.И. Жукова в Липецком областном краеведческом музее. Автор статьи делает попытку раскрыть известные до нашего времени инициалы людей, представленных на ней, и предложить более точную датировку редкой фотографии. Какое событие послужило поводом для фотографирования? Наиболее правдоподобно, по мнению автора статьи, что поводом для фотографирования были торжественные проводы в июле-августе 1898 г. Липецкого уездного исправника А.А. Бартошевича в связи с Высочайшим приказом по гражданскому ведомству о его назначении заведующим делопроизводством Тамбовского губернского по воинской повинности присутствия. Самому Бартошевичу тогда исполнилось 53 года, а потому новая должность избавляла от беспокойной работы уже немолодого исправника. А букет цветов его супруге – на память от липецких светских дам о прекрасном, утопающем в садах городе. Автор статьи также ставит вопрос о том, кто запечатлел эти проводы? В 1898 г. в Нижнем парке минеральных вод производил всевозможные фотографические работы московский фотограф, член Русского фотографического общества, А.А. Антонов (с 1901 г. – статский советник), удостоенный за превосходное исполнение фотографий благодарности и похвалы Его Императорского Высочества великого князя Сергея Александровича». Можно предположить, отмечает автор, что этот групповой снимок принадлежит ему.

Ключевые слова: групповая фотография, Липецкие минеральные воды, курортный сезон, чиновники.

Библиография: 11 названий.

УДК 947.05

Лачаева М.Ю. **К вопросу о «школе В.О. Ключевского» в современной историографии.** – Гуманитарные исследования Центральной России. – 2016. – № 1. – С. 26-30.

Статья посвящена анализу понятия «школа В.О. Ключевского», которое имеет разное толкование в научной литературе. У Василия Осиповича Ключевского (1841-1911) – великого русского историка – учились многие выдающиеся отечественные историки и ученые. Среди учеников Ключевского были как оставшиеся после революции в Советской России историки, которые внесли свой вклад в развитие советской исторической науки, так и эмигранты, представители Русского Зарубежья. Ученики Ключевского были самостоятельно мыслящими учеными, их творчество отличала яркая индивидуальность. В статье обращается внимание на тематику исследований учеников Ключевского. Школу-выучку Ключевского прошли: В.П. Алексеев, С.В. Бахрушин, М.М. Богословский, С.К. Богоявленский, В.Н. Бочкарев, Ю.В. Готье, А.Ф. Изюмов, А.А. Кизеветтер, С.П. Мельгунов, Н.М. Никольский, В.И. Пичета, М.Н. Покровский, Н.А. Рожков, А.Н. Троицкий, А.И. Яковлев и др.

В статье показаны самооценки представителей школы Ключевского, данные ей; разбирается идеологическая критика, которой подвергся А.И. Яковлев советской властью. У учеников Ключевского были свои последователи. Их творчество обеспечивало преемственность и высокий уровень в отечественной исторической науке. В статье показано, как наряду с комплементарным подходом в исследованиях, посвященных Ключевскому, формировался критический подход к его творчеству. Одновременно складывался своеобразный «канон» в восприятии самого Ключевского. В статье также рассматриваются историко-научные мероприятия по увековечиванию памяти Ключевского.

Ключевые слова: «школа Ключевского», «московская школа Ключевского», образы «школы Ключевского», научная «школа», «направление», «течение», коммуникативные практики историков, политика Л.А. Кассо, протест профессоров Московского университета в 1911 г.

Библиография: 9 названий.

УДК 63.3

Любезников О.А. **«Доведите вы мое положение до сведения Его Величества»: письмо Н.Н. Новосильцова А.Д. Балашеву 1809 г.** – Гуманитарные исследования Центральной России. – 2016. – № 1. – С. 74-78.

Публикация впервые вводит в научный оборот хранящееся в Отделе письменных источников ГИМ письмо сенатора, сподвижника Александра I Николая Николаевича Новосильцова (1766/1767–1838), адресованное им генерал-адъютанту Александру Дмитриевичу Балашеву. Автором публикуемого письма от 1 ноября 1809 г. был знаменитый государственный деятель царствования Александра I Н.Н. Новосильцов, бывший член кружка наследника престола великого князя цесаревича Александра Павловича, бывший член Негласного или «интимного» комитета, бывший товарищ министра юстиции, действительный камергер, занимавший к тому же посты попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и президента Императорской Академии наук и оказавшийся в опале, как и другие лица из ближайшего окружения императора, после неудачной войны с Францией 1805–1807 гг. и Тильзитского мира 1807 г. (формально из-за неосторожных высказываний Новосильцова в адрес Александра I, сделанных осенью 1809 г. после произошедшего по итогам франко-австрийского Шенбруннского мира территориального увеличения Великого герцогства Варшавского). Адресатом послания являл-

ся новый фаворит монарха – военный губернатор Санкт-Петербурга, генерал-лейтенант А.Д. Балашев, позднее ставший министром полиции. Письмо проясняет обстоятельства утраты Н.Н. Новосильцовым своего влияния при дворе в конце 1800-х гг., раскрывает внутреннее состояние и переживания сановника, потерявшего доверие монарха. Письмо Н.Н. Новосильцова – источник не только для реконструкции его личной биографии, но и для изучения особенностей служебных и межличностных связей в среде высшей бюрократии в Александровскую эпоху. Содержание данного письма является дополнительным аргументом, объясняющим падение влияния Новосильцова в правящих кругах империи в последние годы накануне Отечественной войны 1812 года.

Ключевые слова: Н.Н. Новосильцов, А.Д. Балашев, Александр I, А.Е. Чарторыйский, Российская империя, Тильзитский мир.

Библиография: 23 названия.

УДК 430.1(470)

Мокшин Г.Н. **Новая интерпретация культурного народничества в учебной литературе.** – Гуманитарные исследования Центральной России. – 2016. – № 1. – С. 5-9.

В статье рассматриваются проблемы освещения истории культурного народничества в современной вузовской литературе (определение, представители, идеология, практическая деятельность, оценки). Устанавливаются причины повышенного интереса к народникам-культурникам в середине 1990-х – первой половине 2000-х гг. Выявляются спорные вопросы и недостатки в интерпретации истории позднего народничества, ранее мало интересовавшие и историографию, и учебную литературу по истории России и ее общественного движения. По мнению автора, освещение истории культурного народничества сквозь призму напряженной внутренней и внешней идейной борьбы (в том числе с либералами и марксистами), безусловно, придаст ей драматизм, динамику и, главное, определенную логику развития. Только так можно сделать эту историю такой же интересной для учащихся, как история революционного народничества. По его мнению, с одной стороны, в современной литературе для высшей школы народникам-реформистам, включая культурников, уделяется значительно больше внимания, чем в советское время. На рубеже XX–XXI вв. утвердился новая интерпретация их деятельности, резко отличающаяся от марксистской. Легально-народническая доктрина эволюционного развития общества, так сказать, постепенного внедрения цивилизации в тело России, наконец, обрела свое право на существование. Но с середины 2000-х гг. интерес к позднему народничеству со стороны исследователей и авторов учебников явно пошел на спад. Так и не написаны учебные пособия, специально посвященные его истории. Неслучайно, по мнению автора статьи, в новом историко-культурном стандарте для средней школы идеологам легального народничества места не нашлось даже главному властителю дум идейной молодежи 1870–1890-х гг. Н.К. Михайловскому.

Ключевые слова: интеллигенция, культурное народничество, теория «малых дел», учебная литература.

Библиография: 25 названий.

УДК 94(47).084.9

Томилини В.Н. **Структура питания основных категорий городского и сельского населения СССР в период политического лидерства Н.С. Хрущева.** – Гуманитарные исследования Центральной России. – 2016. – № 1. – С. 43-53.

Статья посвящена анализу важнейших аспектов социально-экономического развития советского общества в период политического лидерства Н.С. Хрущева. Она базируется на рассмотрении итогов обследования бюджетов населения СССР 1950-х – 1960-х гг. В публикации отражена положительная динамика в изменении структуры потребления продовольствия населением СССР в первые послевоенные десятилетия. Исследование бюджетов населения позволило выявить общее и особенное в уровне жизни и структуре потребления материальных благ различных категорий городского населения – семей рабочих, инженерно-технических работников, а также жителей деревни – семей рабочих совхозов и колхозников. Показана динамика уровня жизни населения в период хрущевского реформаторства, а также выявлены нерешенные проблемы. Особое внимание в статье уделяется изучению положения семей колхозников. Это – размер доходов и его источники, потребление ими продовольственных товаров, роль личного подсобного хозяйства и т.д. Обобщенные данные по СССР показывали только общие тенденции развития колхозной деревни. Статистические материалы бюджетного обследования дали возможность исследовать данный вопрос в региональном разрезе, в итоге были выявлены регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры. Правительственная политика, направленная на выравнивание уровней социально-экономического развития регионов, на преодоление отставания деревни от города в период 1950-х – начала 1960-х гг., оказалась неэффективной. Курс руководства страны на построение коммунизма на деле вылился в пропагандистскую кампанию. Структура питания основных категорий городского населения была далека от оптимальной. Она определялась не только уровнем доходов населения, но и предложением продовольственных товаров. В сельской местности указанные проблемы проявились еще более рельефно.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства; колхозы; семьи колхозников; семьи рабочих, уровень жизни населения.

Библиография: 11 названий.

УДК 940.54

Уваров Г.В. **Истребители «Як» и «Мессершмитт» на Восточном фронте: сравнение в чью пользу?** – Гуманитарные исследования Центральной России. – 2015. – № 1. – С. 31-42.

В настоящей статье рассматриваются и сопоставляются тактико-технические характеристики, боевые возможности и способы наиболее эффективного применения самых распространенных на советско-германском театре военных действий самолетов истребительной авиации – семейства «Як» и различных модификаций Messerschmitt Bf 109. Опираясь на широкий круг работ разнообразного характера, автор подробно воссоздает крайне сложный процесс совершенствования советского истребителя специалистами бюро под руководством авиаконструктора Александра Яковлева и создателя авиационных двигателей Владимира Климова в условиях ощутимого военного и технического превосходства «люфтваффе» над военно-воздушными силами Рабоче-крестьянской Красной Армии – особенно в течение первых двух самых тяжелых для нашей страны лет Великой Отечественной войны. В статье наглядно показано, как буквально по крупицам советские конструкторы повышали и совер-

шенствовали конструкционные характеристики и боевой потенциал истребителя «Як», «подтягивая» его до уровня появившихся на советско-германском театре военных действий новых модификаций «мессера». Автор подробно и со знанием дела объясняет причины трудностей, возникавших в процессе создания и модернизации истребителей семейства Яков. Далеко не последнюю роль при этом играли такие факторы, как недостаточная мощность, моральное и техническое устаревание и исчерпание резервов дальнейшего совершенствования авиационных двигателей, которыми комплектовались истребители Яковлева и которые изначально представляли собой образчик европейского моторостроения конца 1920-х – начала 1930-х гг. На основе сопоставления разнообразных фактов и свидетельств технических специалистов и пилотов делаются выводы о сильных и слабых сторонах каждого из сопоставляемых истребителей.

Ключевые слова: Вторая мировая война, советско-германский фронт, ВВС РККА, «люфтваффе», истребитель, воздушная победа, техническое превосходство.

Библиография: 21 название.

УДК 94(54)

Черешнева Л.А. **Южноазиатский урок.** – Гуманитарные исследования Центральной России. – 2016. – № 1. – С. 54-59.

В основу исследования положены неопубликованные и изданные документы архивов и библиотек Индии, Великобритании, Российской Федерации. Статья посвящена проблеме независимости и раздела мультинациональных и конфессиональных государств. На основе истории первых лет государственного строительства Индии и Пакистана автор характеризует их сложности и достижения, позволяющие учиться на аналогиях, раскрывает принципиальные различия в становлении индийского и пакистанского постколониального государство- и нациеобразования. В статье показано, как Индийский Союз демонстрировал устойчивую тенденцию к превращению в демократическую федерацию, конституционным способом запрещающая любые виды сепаратизма и дезинтеграции государства. Идеологическая основа создания Пакистана – «теория двух наций – двух Индий» – не выдержала проверку реальностью уже в первые годы существования молодого исламского государства, спровоцировала всплеск внутрипакистанского этнорелигиозного сепаратизма. Стремление правительств обоих государств к неперемennomu сохранению мощного центра при полиэтничной и поликонфессиональной периферии имело неоднозначные последствия для ранней государственности, в том числе – и обострение противоречий между отдельными народами, конфессиями, лингвистическими группами. Автор касается роли субъективного фактора, тем более что 1940-1950-е годы для Индии и Пакистана отмечены находением на политической арене ярких исторических деятелей, повлиявших на личностно ориентированное национальное движение и менталитет индийцев в постколониальный период. В статье дается краткая характеристика роли Джаварарлала Неру, лидера Индийского национального конгресса, первого премьер-министра независимой Индии, а также Мухаммада Али Джинны, лидера Мусульманской лиги и первого генерал-губернатора Пакистана.

Ключевые слова: Южная Азия, Индийский Союз, Пакистан, независимость, дезинтеграция, «раздел умов», Индийский национальный конгресс, Всеиндийская мусульманская лига.

Библиография: 18 назв.

УДК 947.083

Шевченко И.А. **Потребление алкоголя молодым поколением в великорусской деревне на рубеже XIX–XX вв.** – Гуманитарные исследования Центральной России. – 2016. – № 1. – С. 10-13.

В статье рассмотрен вопрос о традициях потребления спиртных напитков в молодежной среде великорусской деревни Европейской России в конце XIX – начале XX века. Автором проведен анализ общего потребления алкоголя в Российской империи в указанный период в сравнении с другими странами, сопоставлено потребление в разных социальных слоях России. Для решения поставленных задач были привлечены разнообразные источники: данные официальной статистики, сведения периодической печати, отзывы современников и мемуары, стенографические отчеты заседаний Государственной думы III созыва, материалы Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством (1909–1910 гг.). Автором дана краткая характеристика историографии по теме дореволюционного, советского и современного периодов, выявлена специфика каждого из них. На основе анализа источников были сделаны выводы о том, что младшее поколение великорусских сел знакомилось со спиртным в ранние годы – под влиянием традиционных установок и по причине отсутствия должных медицинских знаний о вреде употребления алкоголя в несовершеннолетнем возрасте. При этом в деревне порицалось и являлось исключением регулярное систематическое потребление спиртных напитков. В то же время среди крестьянской молодежи имела место тенденция к увеличению размеров потребления под влиянием неземледельческого отхода, службы в армии. Уход молодых людей из-под контроля общины на заработки в города, как правило, негативно сказывался на соблюдении трезвеннических установок. Вероятно, подогреваемая алкоголем сельская молодежь внесла существенный вклад в радикализацию атмосферы в деревне на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: великорусская деревня, трезвость, пьянство, дети, молодежь.

Библиография: 28 названий.

УДК 947.083.71

Шульгин В.Н. **П.А. Столыпин и русская цивилизационная альтернатива.** – Гуманитарные исследования Центральной России. – 2016. – № 1. – С. 14-19.

Историография П.А. Столыпина характеризуется давним противостоянием сторонников и противников дела этого последнего царского реформатора. Противники его аттестуют в диапазоне от «пигмея» политики до «отца» революции. Подчас забывается, что «аграрный компонент» столыпинской реформы не был самоцелью преобразователя. С опорой на фонд классической мысли рассматривается наследие Столыпина – одного из носителей отечественной цивилизационной альтернативы. Не случайно гениальный В.В. Розанов после его убийства сказал: «П.А. Столыпин... начертал на своем знамени слова “национальная политика”. И принял мучение за это знамя». Ему вторил Л.А. Тихомиров: «Завелся “раз в жизни” человек, способный объединить и сплотить нацию... и того убили!» Первостепенные отечественные мыслители избегали зауженного идеологизированного подхода, из оков которого до сих пор не могут вырваться многие историки, писатели и журналисты. Наличие их обличений свидетельствует, что мы еще не вышли из петербургско-революционного цикла истории, «заквашенного» западными идеологемами, и до сих пор «разрываемся» между либеральными «правами человека» и марксовской «социальной революционностью». При этом Россия с ее духом народности и величием превращается в некую служебную функцию реализации ложных «идеалов». Столыпин не в ответе за то, что позднейшие политики не удержали русский имперский корабль на взятом им устойчивом курсе. Однако его уроки любви к отечеству и жертвенности во

имя славы России не пропали даром, они могут и должны найти добрых подражателей.

Ключевые слова: историография, идеология, наука, самобытность, цивилизация, альтернатива.

Библиография: 12 названий.

УДК 94(329.12)

Шульгин В.Н., Шульгина Н.В. **К оценке современного российского «либерализма» в свете национальной традиции XIX–XX вв.** – Гуманитарные исследования Центральной России. – 2016. – № 1. – С. 20-25.

В статье рассматривается феномен современного российского «либерализма». Последний не соответствует критериям классического либерализма XVII–XIX вв. ввиду отказа от защиты интересов России. Если для старого либерала интересы родины были на первом месте (отсюда и «национальный» лозунг Французской революции «Да здравствует Республика...»), то для нашего «освобожденца» на первом месте была англо- или франкомания, а Россия, ее народ отходили на второй план. Отсюда стремление к радикальному переустройству «отсталой России» по неприемлемым западным образцам. К сожалению, космополитизм российского либерализма сегодня возрос. Если кадеты при своем подражательном западничестве все-таки надеялись на обретение «новой России» большей геополитической силы, то представители сегодняшней «внесистемной оппозиции» внутренней силы и внешнего могущества для России не желают. Отрицательно они относятся и к идее торжества гражданской свободы как ядра подлинного либерализма, поскольку свободу дает собственность (Б.Н. Чичерин). Современные «правые» не ставят целью возрождение крестьянского землевладения с ликвидацией латифундизма, без чего невозможен рост народонаселения и внутренних сил страны. Не ставится ими и насущный вопрос о победе над «оффшорным бандитизмом» (выводом средств за границу). Ложным является самопровозглашение либералов «правыми». В европейско-русской традиции правыми обоснованно именуются движения, отстаивающие национальные ценности. Современные российские «либералы» в худшую сторону отличаются от предшественников. Есть и общее, на что обратил внимание В.А. Маклаков: тяга к радикализму, то есть к «левому» революционному проекту.

Ключевые слова: либерализм, кадеты, «правые», радикализм, геополитика.

Библиография: 9 названий.

ABSTRACTS

Chereshneva L.A. **The South Asian Lesson.** – Studies in the Humanities Central Russia. – 2016. – № 1. – P. 54-59.

The study is based on the unpublished and published documents from the archives and libraries of India, the United Kingdom, the Russian Federation. The article is devoted to the independence and partition of multinational and confessional states. On the basis of the history of the early years of state-building in India and Pakistan, the author describes their difficulties and achievements, reveals fundamental differences in the development of Indian and Pakistani postcolonial State and Formation of Nations. The article shows how the Indian Union has demonstrated a steady trend towards the transformation into a democratic federation, constitutionally prohibiting any kind of separatism and disintegration of the state. The ideological basis for the creation of Pakistan – «theory of two nations – the two Indias» – not stood the test of reality in the early years of the young Islamic state, triggered a surge of the in-Pakistani ethnic and religious separatism. The author regards the role of the so called subjective factor, gives a brief description of the role Jawaharlal Nehru, the leader of the Indian National Congress, the first Prime Minister of the independent India, as well as Muhammad Ali Jinnah, the leader of the Muslim League and the first Governor-General of Pakistan.

Key words: South Asia, the Indian Union, Pakistan, independence, disintegration, «a section of minds», Indian National Congress, All-India Muslim League.

Bibliography: 18 titles.

From old magazines / Publishing notes L.I. Zemtsov. – Humanitarian the Exploration of Central Russia. – 2016. – № 1. – P. 70-73.

Presented publication documents XIX–XX centuries. united by a common theme – the history of the Great Russian peasantry. The first of these, dated 1840, from the era when the bribery was normal behavior. The above document shows the rare case when accidentally caught in the hamlet relative Zadonsky landowner N.V. Muravyova N.M. Muravyov. Ants immediately reacted to the story of the peasants – the most disadvantaged part of the population – about the behavior of the local police rank – district police captain Buhteev – demand and taking bribes from the steward A.S. Rastegaev to expedite the judicial investigation in Zadonsk Zemsky court. The second text on a trip to Berlin Yelets peasants to their former landowner with a view to make a deal on the purchase of land, characterizes Yelets peasantry. Firstly, by the turn of XIX–XX centuries. The condition of the peasantry has improved, so that a few peasant societies could afford to purchase a significant amount of the land at the price of 155 rubles for «ten». Impression and the failure of one of the travelers on the «kohlviyu with milk» in connection with the post. Religious people, defined by its behavior, and focused on her customary law continued to maintain value, especially among the peasantry. In connection with this made an impression on travelers and Yelets appearance embassy priest. It is also noteworthy that the impression on the people of Berlin produced the appearance of Russian peasants, their ability without knowledge of the language to solve all the questions. It is characteristic for the Russian village and the relationship with the old masters,

while the Princess M.A. Mescherskaya – far removed from the reality of the submission of the peasants, the conditions of their existence.

Key words: consul, the gendarme, the peasantry, the police captain, steward, a bribe.

Bibliography: 6 titles.

Korolkov M.I. **Let us remember the people we have long forgotten....** – Studies in the Humanities Central Russia. – 2016. – № 1. – P. 65-69.

The article is devoted to the story of the people placed in the group photo-teley representatives of the local «high society» of Lipetsk and Lipetsk county, made in one of the resort seasons in our city in the XIX–XX centuries. The very picture donated Historical and balneological museum Sofya Romanova (married name), the daughter of the early nickname Lipetsk post office, collegiate assessor V.D. Stepanov. At the moment the picture is in the Memorial Fund V.I. Zhukov in the Lipetsk regional museum. The author makes an attempt to disclose known prior to our time-or initials of the people represented on it, and to offer a more precise dating of Ed Coy photos. What event was the reason for photography? The most plausible, according to the author, the reason for the photograph were torus Divine offs in July-August 1898 Lipetsk county police officer A.A. Bartoshevich in connection with the order of the Supreme civilian agencies to appoint him head of the provincial office administration Tambov for military service presence. Bartoshevich himself then turned 53 years old, but because the new post delivered them from the hectic work is already middle-aged police officer. A bouquet of flowers to his wife - a souvenir from Lipetsk society ladies of the beautiful, lush gardens in the city. The author also raises the question of who captures these wires? In 1898, in the Lower Park of mineral water produced all kinds of photographic work Moscow photographer, member of the Russian Photographic Society, A.A. Antonov (1901 – State Councilor), awarded for excellent performance photos thanks and praise His Imperial Highness the Grand Duke Sergei Alexandrovich. It can be assumed, the author notes that the group shot belongs to him.

Key words: group photo, Lipetsk mineral water, holiday season, officials.

Bibliography: 11 titles.

Lachaeva M.Y. **The question of "the V.O. Kliuchevsky school" in modern historiography.** – Studies in the Humanities Central Russia. – 2016. – № 1. - P. 26-30.

The article analyzes the concept of "the Kliuchevsky school", which has different interpretations in the scientific literature. Vasily Osipovich Klyuchevsky (1841-1911) was the great Russian historian, studied many prominent Russian historians and scientists. Among the students Kliuchevskoi was remaining after the revolution in Soviet Russia historians who have contributed to the development of Soviet historical science and expats, representatives of the Russian Diaspora. Students Kliuchevskoi were independently-minded scientists, their work was distinguished by a bright personality. The article draws attention to the thematic research students Kliuchevskoi. School training Klyuchevskaya were: A.A. Kiesewetter, M.M. Bogoslovsky, S.K. Bogoyavlensky, V. Gautier, V.P. Alekseev, V.N. Bochkarev, A. F. Izyumov, N.. Rozhkov, M.N. Pokrovsky, N.M. Nikolsky, V.I. Picheta, S.V. Bakhrushin, A.N. Trinity, S.P. Melgunov, A.I. Yakovlev et al.

The article shows the self-esteem of the school Kliuchevskoi, data; understands ideological criticism, which has undergone A. I. Yakovlev Soviet power. Students Kliuchevskoi had their own students. Their work provided continuity and a high level in the Russian historical science. The article demonstrates how, along with a complementary approach to studies of Kliuchevskoi, was formed a critical approach to his work. Simultaneously there developed a kind of "Canon" in the perception of Kliuchevskoi. The article also examines the historical and scientific events to perpetuate the memory of Kliuchevskoi.

Keywords: "the Kliuchevsky school", "Moscow school Klyuchevskii," images "school of Klyuchevsky," research "school", "direction", "flow", communication practices of historians, the policies of L.A. Kasso, the protest of the professors of Moscow University in 1911.

Bibliography: 9 titles.

Lyubeznikov O.A. **«Bring you my situation to the attention of His Majesty»: a letter of N. Novosiltsov to A.D. Balashev in 1809.** – Studies in the Humanities Central Russia. – 2016. – № 1. – P. 74-78.

Published for the first time introduces the scientific revolution stored in the Department of written sources is letter of Senator, associate of Alexander I, Nicholas Novosiltsova (1766 / 1767–1838), addressed to them Adjutant General Alexander Balashev. The author of the letter published on November 1, 1809 was famous Sovereign governmental leader of the reign of Alexander I, N.N. Novosiltsov, a former member of the heir to the circle of the throne of the Grand Duke Tsarevich Alexander Pavlovich, former member of the unspoken or «intimate» Committee, former Deputy Minister of Justice, the actual Chamberlain, who held to the same positions trustee of St. Petersburg school district and the president of the Imperial Academy of Sciences and was in disgrace as well as other officials from the nearest surroundings of the emperor, after an unsuccessful war with France of 1805–1807. and the Peace of Tilsit in 1807 (formally because of careless statements Novosiltsov addressed to Alexander I, made in the autumn of 1809 after the incident on the basis of the Franco-Austrian peace Schonbrunn territorial increase of the Grand Duchy of Warsaw). The addressee of the message is a new favorite of the monarch - the military governor of St. Petersburg, Lieutenant-General A.D. Balashov, who later became minister of police. The letter clarifies the circumstances of the loss of N.N. Novosiltsov, its influence at the court in the late 1800-ies. Reveals the inner state and emotions dignitary who has lost the confidence of the monarch. N.N. Letter of Novosiltsov – a source not only for the reconstruction of his personal biography, but also to explore the features of the service and interpersonal relations among the higher bureaucracy in the Alexander era. The contents of this letter is an additional argument explaining the drop of Novosiltsov influence in the ruling circles of the empire in recent years, on the eve of the War of 1812.

Key words: N.N. Novosiltsov, A.D. Balashov, Alexander I, A.E. Czartoryski, the Russian Empire, the Peace of Tilsit.

Bibliography: 23 titles.

Mokshin G.N. **The new interpretation of cultural populism in the teaching literature.** – Studies in the Humanities Central Russia. – 2016. – № 1. – P. 5-9.

This article discusses the challenges of covering the history of cultural populism in modern university literature (definition, representatives, ideology, practices, evaluations). The cause of high interest to the populists, uplifters in the mid-1990s – the first half of the 2000s. Identifies issues and deficiencies in the interpretation of the history of the late populism, and previously of little interest to historiography and textbooks on Russian history and its social movement. According to the author, the lighting of cultural populism of history through the prism of intense internal and external ideological struggle (including the liberals and Marxists), definitely give it dramatic, dynamic and, above all, a certain logic of development. The only way to make this story interesting for the same students as the story of revolutionary populism. According to him, on the one hand, in modern literature for high school populists-reformists, including uplifters, paid much more attention than in Soviet times. At the turn of XX–XXI centuries established a new interpretation of their activity, dramatically different from the Marxist. Legally-populist doctrine of evolutionary development of society, so to speak, the gradual introduction of Russian civilization in the body, finally found its right to exist. But since the mid-2000s. interest in the late populism on the part of researchers and textbook authors obviously went into decline. I have not written tutorials specifically dedicated to its history. It is no coincidence, according to the author of the article, in the new historical and cultural standard for high school ideologues of legal populism place is not found even the chief ruler of the minds of youth ideological 1870–1890-ies. N.K. Mikhailovsky.

Key words: the intelligentsia, cultural populism, the theory of «small deeds», educational literature.

Bibliography: 25 titles.

Shevchenko I.A. **Consumption of alcohol in the young generation of the Great Russian village at the turn of XIX–XX centuries.** – Studies in the Humanities Central Russia. – 2016. – № 1. – P. 10-13.

The article deals with the issue of alcohol consumption among young people the traditions of the village of Great European Russia in the late XIX – early XX century. The author analyzes the total consumption of alcohol in the Russian Empire during this period in comparison with other countries, comparing consumption in various social strata Russia. To achieve the objectives have been involved a variety of sources: official statistics, information, periodicals, reviews and memoirs of contemporaries, the verbatim records of the meetings of the State Duma of III convocation, materials of the First All-Russian Congress on the fight against drunkenness (1909–1910). The author summarizes the historiography on the subject of pre-revolutionary, Soviet and modern periods, revealed the specifics of each of them. Based on the analysis of sources it was concluded that the younger generation of the Great got familiar with the alcohol in the early years – under the influence of traditional plants and due to the lack of proper medical knowledge about the dangers of alcohol as a minor. At the same time in the village and was censured except regular systematic consumption of alcoholic beverages. At the same time, among the peasant youth had a tendency to increase the size of consumption under the influence of the non-agricultural waste, serving in the army. Care of young people from under the control of the community to work in the city, usually a negative impact on compliance with temperance installations. Probably, rural youth fueled by al-Cogolin has made a significant contribution to the radicalization of the atmosphere in the village at the turn of XIX–XX centuries.

Key words: Great Russian village, sobriety, alcoholism, children, youth.

Bibliography: 28 titles.

Shulgin V.N. **P.A. Stolypin and the Russian civilized alternative.** – Studies in the Humanities Central Russia. – 2016. – № 1. – P. 14-19.

Historiography P.A. Stolypin is characterized by long-standing confrontation between supporters and opponents of the latter case of the king reformer. Opponents certify it in the range of «pygmy» policy to the «father» of the revolution. Sometimes it is forgotten that the «agricultural component» of Stolypin's reform was not an end in itself reformers, based on classical thought Foundation examines the legacy of Stolypin - one of the national carriers of civilizational alternatives. Not casually brilliant V.V. Rozanov said after his murder: «P. Stolypin ... inscribed on its banner the word "national policy». And torture took over the banner. « He was echoed by L. Tikhomirov», «wound up» once in a lifetime «man, able to unite and rally the nation ... and that killed!» The overarching domestic thinkers avoided narrowed ideologized approach from the shackles which still can not escape many historians, writers and journalists. The presence of exposures shows that we have not yet emerged from the Petersburg-revolutionary cycle of history, «leavened» Western ideologemes and still «torn» between the liberal «human rights» and Marx's «social revolutionary». At the same time Russia, with its spirit of nationality and greatness turns into a kind of utility function realization of the false «ideal». Stolypin not responsible for the fact that the later policy did not deter Russian Imperial ship on a steady course taken them. However, its lessons of love for the fatherland and sacrifice in the name of Russian glory were not in vain, and they may have to find a good imitators.

Key words: historiography, ideology, science, samobytnost (self-sufficiency), civilization, alternative.

Bibliography: 12 titles.

Shulgin V.N., Shulgina N.V. **To evaluate the current Russian «liberals» in the light of the national traditions of XIX–XX centuries.** – Humanities Research Central Russia. – 2016. – № 1. – P. 20-25.

The article deals with the phenomenon of modern Russia «liberalism». Last do not meet the criteria of classical liberalism XVII–XIX centuries, due to failure of the protection of Russia's interests. If the interests of the homeland, in the first place (hence the «national» slogan of the French Revolution, «Long live the Republic...»), then, for our «Osvobozhdeniye» in the first place was English or frankomaniya and Russia, its people retreated to the second for the old liberal plan. Hence the desire for a radical reconstruction of the «backward Russia» unacceptable to Western standards. Unfortunately, kosmopolizm Russian liberalism has increased today. If the Cadets with their imitative Westernism is still hoped for the acquisition of the «new Russian» big geopolitical forces, representatives of today's «non-systemic opposition» internal strength and external power for Russia is not willing to. Negatively they relate to the idea of the triumph of civil liberty, as the true core of liberalism as freedom gives property (B.N. Chicherin). Modern «rights» are not aimed at the revival of peasant land tenure with the liquidation of latifundia, which is impossible without population growth and internal forces. Do not put them and the burning question of the victory over the «offshore banditry» (withdrawal of funds abroad). False self-proclaimed liberals is «right». The European-Russian tradition rightly called right movement, defending national values. Modern Russian "liberals" to the worst differ from its predecessors. There are also common, as was pointed out V.A. Maklakov: craving for radicalism, that is, to the «left» of the revolutionary project.

Key words: liberalism, the Cadets, «rights», radicalism, geopolitics.

Bibliography: 9 titles.

Tomilin V.N. **The structure of nutrition of the main categories of urban and rural population of the USSR during N.S. Khrushchev's political leadership.** – Studies in the Humanities Central Russia. – 2016. – № 1. – P. 43-53.

This article is devoted to the analysis of the most important aspects of the socio-economic development of the Soviet society in the period of N.S. Khrushchev's political leadership. It is based on the consideration of the survey results of the USSR population budgets in the 1950–1960s. The publication reflects the positive trend in changing of the food consumption patterns by the population of the USSR in the early postwar decades. The study of the population budgets has helped to open the general and specific features in living standards and the structure of consumption of material goods by the different categories of the urban population – workers' families, engineers and technicians as well as the agrarian population – state farms workers' and collective farmers' families. The dynamics of the living standard in the period of Khrushchev's reforms has been shown and the remaining challenges have been identified. Special attention is paid to the study of the collective farmers' families. It touches upon the size of income and its sources, the consumption of food products, the role of private farming, etc. The data of the USSR showed only general trends of development of the collective farms. The statistical materials of the budget' survey have made it possible to investigate the issue at the regional level, as a result of it the leaders and outsiders between the regions have been identified. The Government policies aimed at leveling the socio-economic development of the regions and the overcoming of the backlog of the agrarian sector from the urban one in the period of 1950 – the beginning of the 1960s has proved to be ineffective. The course of the state leadership aimed at the building of communism has turned into the propaganda campaign. The structure of the supplying of the basic categories of urban population was far from being optimal. It was determined not only by the level of the population incomes, but also by the food products' offer. In rural areas, these problems manifested themselves much more protuberant.

Key words: agrarian policy of the Soviet State; collective farms; farmers' families; workers' families, living standard of the population.

Bibliography: 11 titles.

Uvarov G.V. **Fighters «Yak» and «Messerschmitt» on the Eastern Front: the comparison in favor of whom?** – Studies in the Humanities Central Russia. – 2015. – № 1. – P. 31-42.

This article examines and compares the performance characteristics, combat capabilities and to obtain the most efficient use of the most common on the Eastern theater of war fighter aircraft – «Yak» family and various modifications Messerschmitt Bf 109. Drawing on a wide range of works of diverse nature, author detail recreates the highly complex process of improving Soviet fighter specialists Bureau under the guidance of aircraft Alexander Yakovlev and creator of aircraft engines Vladimir Klimov under «Luftwaffe» tangible military and technical superiority of the air force of the Workers and peasants Red Army – especially during the first two most difficult for our country years of the Great Patriotic war. The article clearly shows how literally bit by bit, Soviet designers increased and improved structural characteristics and combat potential «Yak» Fighter, «pulling» it to the level appearing on the Eastern theater of operations of new modifications «Messerschmitt». Author detail and expertly explains the reasons for the difficulties encountered in the process of development and modernization of the family of Jacob fighters. A significant role is played by factors such as a lack of power, moral and technical obsolescence and exhaustion of reserves further im-

provement of aircraft engines, which were completed and Yakovlev fighters who initially were a sample of European Motors late 1920s – early 1930s. Based on a comparison of various facts and evidence technicians and pilots conclusions about the strengths and weaknesses of each of the matched fighters.

Key words: Second World War, the Soviet-German front, the Red Army air force, Luftwaffe, fighter, air win, the technical superiority.

Bibliography: 21 titles.

Zhitin R.M., Patrina L.N. **Virtual reconstruction as a means of preservation and study of architectural originality noble estate culture Tambov province in the late XIX – early XX century.** – Studies in the Humanities Central Russia. – 2016. – № 1. – P. 60-64.

The article presents a three-dimensional virtual reconstruction of the complex of buildings Novo-Pokrovskiy estate family Orlov-Davydov in the Tambov province. This reconstruction of the author sees as an important part of the study of social and cultural features of the development of large capitalist estates at the end of XIX – early XX century. Step by step through the process of restoring the virtual buildings, undertaken to evaluate the significance of reconstruction estate Modeling involves a number of stages. The first author to define the technology and methods of reconstruction of the object, choose the best software program. The second step was the identification and compilation of the source base on reconstruction. Along the way, was carried out the analysis of the preserved buildings of drawings, examined the current state of the object and made an overview of the environment in which it existed. The third phase focuses on immediate reconstruction of the estate and its visualization. The authors of the program has been selected 3DMax 2011. With a fairly simple interface, the selected software can provide relatively high accuracy of reconstruction of the estate look.

The practical value of the reconstruction of the estate as a monument of historical and cultural values no doubt is of interest. Execute reconstruction marks a particular direction of preserving the history of the monument, which is in contrast to the traditional methods of real museification offers the prospect of complete reconstruction of architectural complexes in the virtual space. Reconstruction materials can be presented in museums or expositions exist as self-valuable resources on the Internet. Virtual model complex structures can reveal the maximum laid down in a particular museum collection cognitive capabilities. It promotes the idea of the complexity of social processes and cultural dynamics of the estate, is the degree of influence of the living and working conditions in the industrial state of mentality and behavioral characteristics of people inhabiting the economy.

Key words: New-Pokrovskoye estate, A.A. Orlov-Davydov, industrial heritage, 3D, modeling, reconstruction.

Bibliography: 7 titles.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Гуманитарные исследования Центральной России» публикуются оригинальные научные работы по фундаментальным исследованиям естественнонаучного и гуманитарного направлений. Объем работы не может превышать 40 тыс. символов (считая пробелы).

К оформлению статей, публикуемых в журнале «Гуманитарные исследования Центральной России», предъявляются следующие требования.

В редакцию представляются выверенный рукописный (формат А 4), подписанный автором (соавторами), и электронный экземпляры статьи. Рукопись статьи должна быть набрана в редакторе MS Word for Windows (1997 или в более поздних версиях) в формате doc.: шрифт – Times New Roman, интервал – 1; абзацный отступ – 0,5 см; поля – 2 см. Перенос устанавливается строго в автоматическом режиме, расширение – по ширине. Все инициалы, сокращения – т.е., т.к., т.д. – набираются без пробела; недопустимы сокращения «нач.»: начало, «ок.»: около. Использование дефиса (-) и короткого тире (–) различается: «социально-экономическая ситуация», «70-е гг.», «XVIII–XIX вв.» (все без пробелов), «конец XVII – середина XVIII в.» (здесь с пробелами), а закавыченный текст или слово в цитатах выделяются следующим образом: « “ ” ».

В начале статьи, в левом углу, указывается индекс УДК (кегель – 14). Затем через один дополнительный интервал по центру и полужирным шрифтом набираются: прописными буквами заглавие статьи, под заглавием статьи – инициалы и фамилия автора, под ними – слово «**Аннотация**». После этого через один дополнительный интервал набирается текст короткой аннотации (кегель – 12 и курсив) на русском языке, далее через один интервал – ключевые слова и через один дополнительный интервал – текст статьи (кегель – 14).

В конце статьи в рубрике **ПРИМЕЧАНИЯ** (слово – по центру, прописными буквами, полужирным шрифтом, кегль – 12) даются без отступа сноски (пояснения, кегль – 12) в порядковом исчислении. В тексте статьи ссылки обозначаются в квадратных скобках: [1], отделенных от текста пробелом. Ссылки на неопубликованные работы (за исключением диссертаций и авторефератов) и на официально не оформленные средства электронной информации не допускаются.

Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

Книги:

1. Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (домонгольский период X – начало XIII вв.). Казань, 1990. С. 35.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства: письма к недругам по социальной философии // Его же. Собр. соч. Париж, 1990. Т. 4. С. 495-496.
3. ПСЗ-І. Т. 24. № 17603.

Статьи и изданные источники:

4. Теляк Л.В. Этические аспекты в аграрной истории России конца XIX – начала XX в. // Исторические исследования. Самара, 1997. С. 50.
5. Журналы Комитета министров: царствование императора Александра I. 1802–1812 гг. / Под ред. А.Н. Куломзина. СПб., 1888. Т. 1. С. 297.

Указания на архив:

6. РГАДА. Ф. 1389. Оп. 2. Д. 647. Л. 32 об.

В конце статьи дается список сокращений, используемых в тексте и в сносках.

Список сокращений:

ОИ – Отечественная история.

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

При первом употреблении необходимо привести наименование издания полностью, указав затем принятую аббревиатуру – например: // Отечественная история (ОИ).

Вместе с электронной версией статьи в редакцию представляются авторская справка и рефераты на русском и английском языках.

В авторской справке, которая включается в раздел «Сведения об авторах», должны быть: фамилия, имя, отчество, место проживания автора, официальное название места работы, структурное подразделение, должность, ученая степень, ученое звание, область научных интересов, адрес электронной почты, контактные телефоны.

Реферат содержит индекс УДК, фамилию и инициалы автора (авторов), название статьи и нашего журнала, аннотацию, ключевые слова. В конце реферата указывается число пунктов библиографии (например: Библиография: 8 назв.; Bibliography: 8 titles).

Статьи, оформленные без соблюдения названных правил, к рассмотрению не принимаются.

Электронная версия журнала размещается на сайте Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Адрес редакции:
398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42,
ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
тел. 8-(4742)-32-83-02
Эл. почта: gicr-lspu@yandex.ru

Научный журнал

Гуманитарные исследования Центральной России

Распространяется бесплатно

Подписано в печать 12. 12. 2016 г.

Дата выхода в свет 28.12.2016 г.

Формат 60×84 ¹/₈.

Бумага офсетная.

8, 1 печ. л.

Тираж 500 экз.

Заказ № 1247.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42

Отпечатано в отделе редакционно-печатной деятельности (ОРПД)

ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42